

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2025 – № 2 (24)

Ярославль
2025

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. – № 2 (24). – 167 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2025-2-24. – EDN UPHMGR.
2025, № 2 (24). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Больширова Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Стой Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуши**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Кондаков Игорь Валдимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шапни-ская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Юго-Западный университет КНР, 2025

© Авторы статей, 2025

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,
2025. – № 2 (24). – 167 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2025-2-24. – EDN UPHMGR.
2025, № 2 (24). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69
(publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Registration number of the media:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2025

© Southwest University of the People's Republic of China, 2025

© Authors of articles, 2025

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Се Чжоу, Чжан Хао* Россияведение как инструмент внешней политики Китая5
- Палатников Д. Е.* Система образования в условиях социально-политических конфликтов29
- Пефтиев В. И.* Геополитика и бремя прошлого: исторические нарративы как инструмент политического влияния45

ФИЛОЛОГИЯ

- Болдырева Е. М., Асафьева Е. В.* Культурная символика образа петуха в русской и китайской поэзии59
- Соколов Б. В.* Киплингская традиция в советской поэзии: Николай Тихонов и Осип Мандельштам84
- Семенова А. В.* Эволюция образа высокородной девицы в русской трагедии: от Сумарокова к Пушкину110

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Блищ Н. Л.* Поэты и авиаторы как «небожители» в живописи Казимира Малевича 1913–1914 годов124
- Кузнецова В. С.* Визуальные диспозитивы советского пространства Архангельского Севера 1920–1930-х гг. (по материалам фотографической коллекции Архангельского краеведческого музея)137
- Гаевская Н. З.* Становление феномена религиозного подвижничества в русской культуре155

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

- Xie Zhou, Zhang Hao* Russian studies as a tool of China's foreign policy6
- Palatnikov D. E.* The system of education in the context of social and political conflicts30
- Peftiev V. I.* Geopolitics and the burden of the past: historical narratives as a tool for political influence46

PHILOLOGY

- Boldyreva E. M., Asafieva E. V.* Cultural symbolism of the rooster in russian and chinese poetry60
- Sokolov B. V.* Kipling's tradition in Soviet poetry: Nikolai Tikhonov and Osip Mandelstam85
- Semyonova A. V.* Evolution of the highborn maiden's image in russian tragedy: from Sumarokov to Pushkin111

CULTURAL SCIENCE

- Blishch N. L.* Poets and aviators as “sky-dwellers” in Kazimir Malevich's painting in 1913–1914125
- Kuznetsova V. S.* Visual dispositives of the soviet Arkhangelsk North in 1920–1930s (based on the photographic collection of the Arkhangelsk museum of local lore)138
- Gayevskaya N. Z.* The emergence of the phenomenon of religious asceticism in russian culture156

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-5
EDN SYJCCY

Россиеведение как инструмент внешней политики Китая

Се Чжоу¹, Чжан Хао (автор-корреспондент)²

¹Доктор филологических наук, приглашенный профессор Илийского педагогического университета г. Инин провинции Синьцзян, КНР; директор Центра по изучению русскоговорящих стран ЮЗУ при Министерстве Образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков, Юго-Западный университет, г. Чунцин, КНР.

²Кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора Института иностранных языков, Илийский педагогический университет, г. Инин, КНР

¹xiezhou1234@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²346737952@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-4222-6129>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу становления и развития россиеведения в Китае, рассматриваемого как динамичный и многогранный процесс, обусловленный как внутренними потребностями китайского общества, так и внешнеполитическими факторами. Статья подчеркивает важность междисциплинарного подхода, который позволяет глубже понять политические, экономические и культурные аспекты России, а также их влияние на китайско-российские отношения. Исследование охватывает период от первых контактов и переводов до формирования разветвленной сети исследовательских институтов и академических журналов, специализирующихся на изучении России. Особое внимание уделяется эволюции методологических подходов, от документальных записей и критического анализа советского опыта до диверсификации исследовательских тем и синтеза различных парадигм в XXI веке. Работа прослеживает ключевые этапы развития россиеведения в Китае: формирование первых переводческих центров, накопление знаний в период «медового месяца» китайско-советских отношений, критический пересмотр советской модели в период идеологических разногласий и, наконец, современный этап, характеризующийся углубленным изучением политических, экономических, социальных и культурных аспектов российской действительности. Анализируется структура академических журналов, отражающих спектр исследовательских интересов и методологических подходов. Подчеркивается важность формирования устойчивого академического сообщества, ориентированного на практическое применение результатов исследо-

ваний, а также необходимость использования современных технологий и методов исследования для поддержания конкурентоспособности китайской русистики на мировой арене. В заключении отмечается, что успешное развитие русистики в Китае зависит от создания устойчивого академического сообщества, способного оперативно реагировать на изменения в международной политике и предлагать практические решения. В условиях глобализации и информатизации необходимо активно использовать современные технологии и методы исследования, что позволит обеспечить преемственность поколений и сохранить накопленный опыт.

Ключевые слова: русистика; китайско-российские отношения; российско-советские проблемы; международные отношения; политическая борьба; китайская школа русистики; стратегическое партнерство; сообщество единой судьбы человечества; «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Се Чжоу, Чжан Хао Россияведение как инструмент внешней политики Китая // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 5-28. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-5>. <https://elibrary.ru/SYJCCY>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

Russian studies as a tool of China's foreign policy

Xie Zhou¹✉, Zhang Hao (corresponding author)²

¹Doctor of philology, visiting professor, Ili pedagogical university, Yining, Xinjiang province, PRC; director of the Center for studying Russian-speaking countries, Southwest university (SWU) under the Ministry of Education of the PRC, dean of the Russian language faculty, Institute of foreign languages, Southwest university, Chongqing, PRC.

²Candidate of philological sciences, associate professor, deputy director, Institute of foreign languages, Ili pedagogical university, Yining, PRC

¹xiezhou1234@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²346737952@qq.com, <https://orcid.org/0009-0000-4222-6129>

Abstract. The article analyzes the evolution of Russian studies in China, which is viewed as a dynamic and multifaceted process due to both internal needs of the Chinese society and certain foreign policy factors. The article emphasizes the importance of an interdisciplinary approach that allows for a deeper understanding of Russia's political, economic and cultural aspects and their impact on chinese-russian relations. The study covers the period from the first contacts and translations to establishing an extensive network of research institutes and academic journals specializing in Russian studies. Particular attention is paid to the evolution of methodological approaches, from documentary records and critical analysis of the Soviet experience to the diversification of research subjects and the synthesis of various paradigms in the XXI century. The paper outlines the key stages in the development of Russian studies in China: the formation of the first translation centers, the accumulation of knowledge during the “honeymoon period” in chinese-soviet relations, the critical reassessment of the Soviet model in

times of ideological disagreement, and, finally, the modern stage characterized by profound studies of political, economic, social, and cultural aspects of Russian life. The authors of the article analyze academic journals structure reflecting the diversity of academic interests and methodological approaches and emphasize the importance of building a strong academic community focusing on practical application of research results, as well as the need to use modern technologies and research methods to maintain the chinese russian studies' competitiveness in the world. The article concludes that Russian studies successful development in China depends on establishing a stable academic community capable of promptly responding to changes in international politics and offering practical solutions. In the context of globalization and informatization, it is necessary to actively use modern technologies and scientific methodologies, which will ensure the continuity of generations and help to preserve the accumulated experience.

Key words: russian studies; chinese-russian relations; russian soviet problems; foreign affairs; political struggle; chinese school of russian studies; strategic partnership; community of the mankind's shared destiny; "One belt, one road"

For citation: Xie Zhou, Zhang Hao Russian studies as a tool of China's foreign policy. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 5-28. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-5>. <https://elibrary.ru/SYJCCY>.

Введение

В современном мире, характеризующемся возрастающей взаимозависимостью и геополитической турбулентностью, глубокое и всестороннее понимание ключевых акторов международной арены приобретает первостепенное значение. В этом контексте, изучение России, ее внутренней политики, внешней стратегии и социально-экономического развития становится критически важным для Китая, учитывая стратегическое партнерство и многовековую историю взаимоотношений между двумя странами. В статье «Политические процессы и динамика развития россиеведения в Китае» нами было начато исследование многовековой истории российских исследований в Китае в их неразрывной связи с международной политической

ситуацией [Се Чжоу, Чжан Хао, 2025]. Данная статья продолжает этот анализ и посвящена изучению становления и развития россиеведения в Китае как самостоятельной области научных исследований, рассматриваемой сквозь призму политологии. Создание новой системы знаний о России с китайской спецификой, основанной на принципах объективности, научности и практической значимости, является ключевой задачей китайского россиеведения. Это предполагает не только критическое осмысление западных теорий и концепций, но и разработку собственных подходов и методологий, учитывающих специфику китайского опыта и китайского взгляда на мир. Важно также развивать междисциплинарные исследования, объединяющие усилия политологов, экономистов, социо-

логов, историков и культурологов, для формирования целостного и всестороннего представления о России.

В контексте углубляющегося стратегического партнерства между Россией и Китаем, руссиеведение играет все более важную роль в обеспечении экспертной поддержки принятия политических решений. Это требует от китайских русистов не только глубокого знания российской действительности, но и умения анализировать сложные политические процессы, прогнозировать возможные сценарии развития событий и предлагать рекомендации. Важно также развивать сотрудничество между академическими институтами и правительственными структурами, для обеспечения оперативного обмена информацией и экспертными оценками. Кроме того, руссиеведение в Китае должно активно участвовать в формировании позитивного имиджа России в китайском обществе. Это предполагает не только популяризацию знаний о российской культуре и истории, но и объективное освещение современных политических и экономических процессов, происходящих в России.

Целью данной статьи является не просто хронологическое описание развития руссиеведения в Китае, но и выявление ключевых этапов, факторов и тенденций, определявших его формирование. Особое внимание будет уделено институционализации этой области знаний, формированию академических

школ и исследовательских центров, а также эволюции тематической направленности исследований. Мы рассмотрим, как менялись приоритеты китайских русистов в зависимости от политической конъюнктуры, внутренних потребностей Китая и изменений, происходивших в самой России.

1. Создание институтов и команды талантов

Российские исследования в Китае прошли долгий процесс развития и эволюции с точки зрения создания институтов, формирования команды и подготовки талантов:

– с точки зрения *институционального строительства*, это был путь от спорадического развития российских исследовательских учреждений до сегодняшнего дня, когда повсеместно расцветают научно-исследовательские институты, университетские исследовательские центры, исследовательские ассоциации;

– с точки зрения *исследовательского коллектива*, число исследователей продолжает расти, среди них есть таланты высокого уровня, а исследовательский коллектив демонстрирует тенденцию к молодости и диверсификации;

– с точки зрения *подготовки талантов*, российские исследования пережили историческую трансформацию от специализированной языковой и переводческой подготовки к междисциплинарной и комплексной подготовке талантов.

**1.1. Начальная фаза (до 1949 г.):
переводчики Зала русской
словесности и пекинского
Тунвэнькуаня**

Российские исследования в Китае имеют долгую историю, но «русские исследования» этого периода в основном опирались на записи пограничных историков, путевые заметки и переводы русских произведений, что затрудняет рассмотрение российских исследований этого периода как академической деятельности. Согласно достоверным историческим источникам, создание российских учебных заведений в Китае относится к сорок седьмому году правления Канси (1708) династии Цин, ознаменовавшемуся созданием Зала русской словесности, который можно назвать первой школой русского языка в истории Китая с историей в 316 лет. Позднее, в 1862 году, это учебное заведение было преобразовано в Пекинский учебный зал, который сегодня считается первой в истории Китая школой с преподаванием иностранных языков. Как видно, создание институтов и подготовка талантов в этот период были направлены на обучение иностранным языкам и переводу, а также на лучшее понимание истории и культуры России, чтобы лучше защищать власть, и поэтому их можно рассматривать только как зачаточный этап создания русистических институтов и коллективов в Китае.

**1.2. Раннее накопление
(1949-1978 гг.): от переводческих
институтов и переводческих та-
лантов к мультидисциплинарным
талантам**

В течение длительного времени после образования Китайской Народной Республики изучение Советского Союза в Китае было тесно связано с политическими и дипломатическими делами того времени и носило черты «высокой политизированности», что проявлялось в широкой пропаганде опыта Советского Союза и большом количестве переводов его произведений. Поэтому в этот период возникла необходимость в группе переводчиков, знающих и понимающих русский язык, для обслуживания нужд национального строительства и социального развития. В связи с этим в 1953 году в Китае было создано Бюро по составлению и переводу трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина при ЦК КПК (сокращенно – Центральное бюро по составлению и переводу), которое образовалось в результате слияния бывшего Русского бюро по составлению и переводу при ЦК КПК и Бюро переводов при отделе пропаганды ЦК КПК для перевода полного собрания сочинений Сталина. Основными задачами бюро являлись составление и перевод произведений Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, перевод трудов старых пролетарских революционеров и важных документов ЦК, а также сбор книг и документов по марксизму-ленинизму и ис-

тории международного коммунистического движения. В Центральном бюро компиляций и переводов работали многие ученые, знавшие и понимавшие русский язык, такие как Ши Чжэ, Чэнь Чанхао, Цзян Чуньфан, Чжан Чжунши, Ван Шивэй, Ван Сюэвэнь, Ай Сици, Хэ Сыцзин, Хэ Силинь, Чэнь Ваньдао, Чжан Чжунпу, Ли Суси, Линь Цзичжоу, Чжоу Лянсюнь, Гу Цзиньсюань и т. д. Именно под руководством переводчиков старшего поколения бюро осуществило множество переводов и изданий, таких, например, как Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

После прихода к власти Н. С. Хрущева китайско-советские отношения стали ухудшаться, а с окончанием «периода медового месяца» между Китаем и СССР изучение Советского Союза в Китае перешло в другую крайность: китайские ученые резко сократили представление опыта советского строительства и перешли от прежнего хвалебного дискурса к жесткой критике советской модели. На этом фоне в июле 1964 года началась подготовительная работа Института советских восточноевропейских исследований, а в марте 1965 года он был официально создан. В этот период Институт посвятил себя изучению политических, экономических, социальных и исторических аспектов Советского Союза и стран Восточной Европы, особенно реформированию политических и экономических систем

этих стран. В то же время в этот период появилось большое количество ученых, таких как Ши Пин, Ван Чжэнцюань, Чжоу Синьчэн, Сюй Куй и т. д. Они больше не ограничивались областью русского языка, а были представителями различных дисциплин таких, как история, политология, экономика и т. д. Таким образом, на начальном этапе происходит накопление российских исследований в различных областях, однако в нашем академическом сообществе еще не сформировалась единая система российской научной команды.

1.3. Активное развитие (1978-2000 гг.): исследовательские институты и таланты в российско-евразийском регионе

На данном этапе, в период реформ и открытости, китайские советские исследования вступили в золотой период развития, хотя распад Советского Союза в 1991 году оказал определенное влияние на состояние китайских российско-советских исследований. Среди вновь созданных в этот период исследовательских учреждений – Институт советских исследований при Аньхойском университете (позднее переименованный в Центр российских исследований в 1979 году), Институт Восточной Европы и Центральной Азии при Академии общественных наук (1980), Бюро советских исследований при Институте современных международных исследований (1980), Институт центральноазиатских исследований при Синьцзянской академии обще-

ственных наук (1980), Институт советских и восточноевропейских исследований при Шанхайском институте общественных наук (1981), Центр изучения русского языка и литературы при Хэйлунцзянском университете (1981), Институт культуры Центральной Азии при Синьцзянском университете (1987) [杨成, 2011], Институт изучения Северо-Восточной Азии при Цзилиньском университете (1994), Институт изучения Центральной Азии при Ланьчжоуском университете (1994) и др.

В то же время начали создаваться такие национальные комплексные общества первого уровня, как Китайское общество советской Восточной Европы (создано в 1982 году и сейчас переименовано в Китайское общество русской Восточной Европы и Центральной Азии); шесть национальных специализированных обществ: Китайская ассоциация советских экономических исследований (1978), Китайское общество по истории китайско-российских отношений (1979), Китайско-советская ассоциация по изучению литературы (1980), Китайская ассоциация преподавания русского языка и научных исследований (1981), китайско-советская ассоциация по изучению истории Восточной Европы (1985) и т. д. В целом, на данном этапе группа российских и советских исследований увеличилась, сфера исследований постепенно расширялась, а проблема «высокой политизации» в области российских и советских

исследований постепенно устранялась, содержание исследований охватывало широкий спектр областей, таких как российская и советская политика, экономика, общество и культура, и имело более объективную и диверсифицированную исследовательскую перспективу. Благодаря совместным усилиям многих ученых российское исследование достигло значительных результатов в различных областях, заложив прочную основу для создания дисциплины «Российское исследование» как регионального страноведения.

1.4. Развитие и укрепление (с начала XXI века по настоящее время): институты и команды в рамках региональных и национальных исследований

Можно сказать, что XXI век является этапом развития и роста китайского регионального страноведения, занимающегося изучением России. В первом десятилетии XXI века в Китае было создано множество исследовательских институтов, связанных с Россией, среди которых большую силу и влияние имеют: Центр российских исследований Пекинского университета и Центр российских исследований Восточно-китайского педагогического университета, который добился значительных результатов в области изучения китайско-российских отношений, российской политики и дипломатии, отношений великих держав, евразийских региональных и страноведческих исследований, зару-

бежных российско-советских исследований, Шанхайской организации сотрудничества, «Одного пояса, одного пути», истории СССР, истории русской и советской литературы. Центр издает основной научный журнал «Российские исследования», который был включен в «Китайский индекс цитирования по общественным наукам (CSSCI)», в «Китайский список основных журналов по гуманитарным и социальным наукам». Он также включен в «Китайский индекс цитирования общественных наук (CSSCI)». В тот же период были созданы Центр исследований России и СНГ при Университете международного бизнеса и экономики (2003), Центр исследований российского права при Китайском университете политических наук и права (2003), Центр российских исследований при Шанхайской академии общественных наук (2003), Институт китайско-российского экономического и технологического сотрудничества при Харбинском технологическом институте (2004) и Институт азиатско-европейских исследований при Сианьском университете Цзяотун (2006), Институт российских исследований Хэйлунцзянского университета (2010), Институт экономики и политики России и Восточной Европы Ляонинского университета (2010) и Центр российских исследований Гуандунского университета иностранных исследований (2010) и др.

После XVIII Национального конгресса, в контексте строительства «Одного пояса, одного пути»,

государство решительно поддержало развитие региональных и страноведческих исследований в колледжах и университетах. После принятия Министерством образования Временных мер по развитию и строительству страноведческих и региональных исследовательских баз и Руководства по строительству страноведческих и региональных исследовательских центров (для экспериментальной реализации) и других документов, российские исследовательские институты в колледжах и университетах в этот период получили быстрое развитие, а в колледжах и университетах всех уровней в стране было построено более 300 региональных и страноведческих исследовательских баз в области российских исследований, поставленных на учет Министерством образования: Российский научный центр Пекинского педагогического университета (2011), Центр российских исследований Шанхайского университета международных исследований (2012), Центр российских исследований Нанкинского университета (2013), Центр российских исследований Восточной Европы и Центральной Азии Ляонинского университета (2016), Центр по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета (2017), Центр российских исследований Юго-Восточного университета (2017), Центр российских исследований Ляонинского педагогического университета (2017), Центр российских исследований при Педагогическом

университете Внутренней Монголии (2017) и т. д. В то же время в этот период также появилось большое количество ученых высокого уровня в области россиеведения, таких как Ли Юнцюань, Пан Дапэн, Лу Наньцюань, Ли Иннань, Чжан Цзяньхуа, Чэн Ицзюнь, Дай Гуйцзю, Ван Сяююй, Луань Цзинхэ, Лю Сяньчжун, Ян Чэн и др. Благодаря совместным усилиям многих ученых из разных направлений, таких как политология, история, экономика, лингвистика, литература и т. д., россиеведческие исследования в нашей стране расширяются и достигают многих плодотворных результатов.

В сентябре 2022 года «Региональные и национальные исследования» как дисциплина первого уровня в рамках междисциплинарной категории была официально включена в «Каталог дисциплин и специальностей высшего образования (2022)» Министерства образования и стала динамично развивающейся дисциплиной. Ее учреждение в качестве дисциплины первого уровня позволило россиеведению занять более четкое место в системе дисциплин. Междисциплинарные атрибуты регионального страноведения определяют широту его исследовательского содержания, но в то же время требуют более четкого и сфокусированного направления исследований. В россиеведении это выражается в углубленном изучении российской политики, экономики, истории, культуры, дипломатии и других областей, что

помогает сформировать более систематизированные и всеобъемлющие результаты исследований. Можно сказать, что китайское россиеведение постепенно сформировало дисциплинарное самосознание, что выражается и в добавлении большого количества специализированных курсов, связанных с Россией, таких как история, политика, экономика, культура и т. д., а также в усилении преподавания иностранных языков и развитии навыков межкультурной коммуникации.

2. Структура академических журналов

Академические журналы являются важными носителями и каналами распространения научных достижений и играют ключевую роль в академическом мире. Китайские журналы по российским и советским исследованиям были основаны сравнительно рано и с течением времени прошли различные этапы развития и изменения, сыграв незаменимую роль в продвижении российских исследований и формировании дисциплины россиеведения в Китае.

В период существования Китайской Республики, с установлением дипломатических отношений между правительством Китайской Республики и Советским Союзом, наступил первый этап ознакомления с советскими проблемами и их изучения. В дополнение к большому количеству правительственных документальных материалов в этот период был также создан ряд ака-

демических журналов о России, таких как «Российские исследования», основанный в 1935 году, и «Китайско-советский культурный журнал», учрежденный в 1936 году, в которых стали появляться серии научных работ и статей. В начале образования Китайской Народной Республики, как уже говорилось, китайские исследования по СССР имели сильную политическую окраску, и журналы в основном основывались на переводах советских трудов; только за несколько лет, с 1949 по 1952 год, Китай перевел и опубликовал более 3 000 видов трудов, изданных СССР, общим тиражом до 12 млн экземпляров, и по всей стране были основаны различные переводные журналы для представления теоретических и строительных разработок Советского Союза. По всей стране также был создан ряд переводных журналов, знакомящих с советскими теориями и опытом строительства социализма [刘克明, 1984]. Можно сказать, что основной научный вклад этого периода был отражен в переводе классической марксистско-ленинской литературы. В частности, с 1953 по 1959 год Центральное редакционное бюро всего за шесть лет завершило составление первого китайского издания Полного собрания сочинений Ленина в 38 томах и 15 млн слов; пять лет (с 1953 по 1958 год) ушло на составление и издание Полного собрания сочинений Сталина в 13 томах и более чем 3,4 млн слов [王学东, 2020, с. 90]. Кроме того, в

связи с быстрой популяризацией и развитием образования на русском языке в этот период был создан ряд журналов, посвященных русскоязычному образованию и преподаванию русского языка. 1 октября 1951 года в ответ на призыв председателя Мао Цзэдуна «учиться у СССР» Центральное русское редакционное бюро и Пекинская школа изучения русского языка совместно основали журнал «Преподавание русского языка». Председатель Мао Цзэдун лично подписал название журнала, а ряд партийных и государственных руководителей, в том числе Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ и Го Можо, занимавший в то время пост вице-преьера Госсовета, написали предисловие к первому номеру журнала, в котором говорилось: «Призываем к добросовестному и ответственному выращиванию русскоязычных талантов, к обучению русскому языку, чтобы он служил обмену между Китаем и Советским Союзом, а также делу строительства нового Китая» [刘利民, с. 1]. После того как Министерство образования создало Национальный руководящий комитет по преподаванию русского языка, журнал стал органом комитета, и в 1954 году был основан журнал «Преподавание и изучение русского языка», в 1959 году – «Изучение русского языка», и в том же году – «Международные исследования». Практика научного изучения русского языка послужила основой для

изучения российско-советских исследований в Китае.

Однако в конце 1960-х годов, когда закончился «период медового месяца» между Китаем и Советским Союзом и началась «культурная революция», развитию образования на иностранных языках был нанесен серьезный удар. В данный период формирование иноязычных начинаний практически остановилось, а некоторые журналы, основанные в самом начале, также были закрыты, как, например, журнал «Изучение русского языка», выпуск которого был приостановлен на некоторый период во время «культурной революции». Ситуация улучшилась только после Третьего пленума ЦК Одиннадцатого созыва, когда «китайское русско-советское научное сообщество, только что вышедшее из гражданского противостояния Культурной революции, с большим энтузиазмом бросилось в изучение русско-советского вопроса в критический момент национального развития» [杨成, 2011, с. 12].

С началом периода реформ и открытости Китая в 1978 году стали создаваться многочисленные научные журналы по России и Советскому Союзу. Согласно статистике, в это время в общем доступе находились 25 журналов, которые включали в свои названия, такие слова и аббревиатуры как «СССР», «Россия», «Россия и Советский Союз», «Русский», «Дальний Восток» или «Сибирь» [杨成, 2011, с. 14]. Например, «Сибирь и Даль-

ний Восток» (1974, Хэйлунцзянская академия общественных наук), «СССР и Восточная Европа» (1980, Институт советских и восточноевропейских исследований Китайского университета Жэньминь), «Справочные материалы по советским вопросам» (1980, Институт советских исследований, Шанхайский институт иностранных языков), «Проблемы Советского Союза и Восточной Европы» (1981, Институт советских и восточноевропейских исследований Китайской Академии общественных наук), «Советский Союз и Восточная Европа сегодня» (1981, Институт советских и восточноевропейских исследований, Шанхайская академия общественных наук), «Советский Союз и Восточная Европа сегодня» (1981, Шанхайская академия общественных наук и Институт советских и восточноевропейских исследований Восточно-Китайского педагогического университета), «Материалы для изучения советской Центральной Азии» (1981, Институт центральноазиатских исследований Академии общественных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района), «Материалы для изучения советских проблем» (1981, Институт изучения советских проблем Аньхойского университета), «Проблемы советской истории» (1982, Институт изучения советской истории, Шэньсийский педагогический колледж), «Советская история» (1983, отделение советской истории исторического факультета Ланьчжо-

уского университета), «Философия СССР» (1984, отделение философии Восточно-Китайского педагогического университета) и др.

После вступления в XXI век журналы по русистике находятся в состоянии стабильного развития, и в настоящее время материалы, связанные с Россией, публикуют следующие журналы: «Сибирские исследования» (1974, Хэйлунцзянская академия общественных наук), «Российские исследования» (1981, Восточно-китайский педагогический университет), «Российские исследования Восточной Европы и Центральной Азии» (1981, Китайская академия общественных наук, Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии), «Русская литература и искусство» (1982, Пекинский педагогический университет), «Преподавание русского языка в Китае» (1982, Пекинский университет иностранных языков), «Русский журнал» (2011, Хэйлунцзянский университет), «Русский язык, литература и культура» (2011, Хэйлунцзянский университет), «Евразийские гуманитарные науки» (2019, Пекинский университет иностранных языков), «Мир русскоговорящих стран» (2019, Юго-Западный университет), «Китайские славянские исследования» (2021, Шанхайский университет международных исследований), «Журнал Северо-Восточной Азии» (2012, Тяньцзиньская академия общественных наук). «Российские исследования», «Русская литература и

искусство» и «Преподавание русского языка в Китае» были включены как наиболее престижные журналы в области русистики в качестве расширенного издания CSSCI (междисциплинарная программа индекса цитирования в Китае), а «Российские восточноевропейские и центральноазиатские исследования» – в качестве расширенного издания CSSCI и основного издания AMI.

Кроме того, в последние годы китайско-российское сотрудничество в области создания журналов стало постепенно развиваться. Например, русскоязычный журнал «Мир русскоговорящих стран», учрежденный совместно Юго-Западным университетом Китая и Ярославским государственным педагогическим университетом им. К. Д. Ушинского России в 2019 году, стал первой попыткой китайско-российского сотрудничества в области создания академического журнала в Китае, и с момента его основания академическое влияние журнала продолжает развиваться, а с 2023 года он официально включен в каталог периодических изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК). С углубленным продвижением «Одного пояса, одного пути» и дальнейшим развитием гуманитарных обменов и академического сотрудничества между Китаем и Россией совместные китайско-российские научные журналы могут стать новой возможно-

стью и точкой академического роста для развития дисциплины «Россиеведение» в Китае в будущем.

3. Достижения в области исследований

В течение длительного времени китайское сообщество исследователей России достигло большого количества результатов исследований высокого уровня, количество и качество которых отражает глубину исследований китайских ученых по России, а области, в которых сосредоточены результаты исследований, также отражают различные направления исследований ученых-россиеведов в разные периоды, тесно связанные с отношениями между Китаем и Россией, социальным фоном двух стран, внутренней академической средой, развитием научно-исследовательских институтов и исследователей в разные периоды.

3.1. До основания нового Китая: переход от документальных записей к исследованиям

Династии Мин и Цин: первоначальные записи и документы

Начиная с династий Мин и Цин, российское царское правительство продолжало расширять свою территорию до границ Китая; Китай и царская Россия стали часто взаимодействовать. Контакты между двумя странами в то время включали в себя военные и дипломатические конфликты на границе, а также экономические и торговые об-

мены между правительствами и гражданским обществом. В этот период было создано множество литературы о России, которая послужила базовым материалом для последующих углубленных исследований.

В период правления династии Цин бумажные документы, созданные в ходе военных и дипломатических конфликтов, по большей части состояли из ряда договоров, подписанных между маньчжурским правительством и царской Россией, таких, например, как Торговые соглашения в Илии и Талбакатае (1851), Илийский договор (1858), Тяньцзиньский договор (1858), Пекинский договор (1860), Северо-Западный пограничный договор (1858) и т. д. Эти договоры фиксируют взаимодействие между цинским правительством и царской Россией в области демаркации границ, торговли и коммерции, военного сотрудничества, консульской юрисдикции и культурного обмена (миссионерской деятельности) и являются начальной летописью развития китайско-российских отношений.

Подписание некоторых из этих договоров способствовало развитию экономических и торговых отношений между двумя странами, а все более частые экономические и торговые обмены привели к перемещению людей между двумя странами. В этих условиях потребность китайского правительства и китайского общества в понимании российского общества и исто-

рии становилась все более насущной, и в результате появилось множество трудов о России в виде путевых заметок, дневников и журналов. Например, «Записки о поездке в Россию» (также известные как «Дневник о Севере» или «Дневник о поездке в Россию», автор Чжан Пэнхэ), «Записки о северных странах» (автор Хэ Цютао), «Записки о чужих странах» (автор Ту Личэнь), «Записки о Лунша» (автор Фан Шицзэ), «Записки о российских союзниках» (автор Вэй Юань), «Исследование реформ Петра Великого» (автор Лян Цичао), «Записки о реформах Петра» (автор Кан Ювэй), «Путевые заметки» (автор Бинь Чунь) и др. [张建华, 2020]. Хотя эти бумажные отчеты основаны на описаниях России и еще не являются систематическими исследованиями, они изначально удовлетворяли потребности китайского общества в понимании России.

Помимо книг, в период династии Цин уже начали появляться статьи о России в периодических изданиях. Они публиковались в таких газетах и журналах, как «Дипломатический вестник», «Всемирный вестник», «Континент» (Шанхай, 1902), «Восточный журнал», «Луцзянская газета», «Датунская газета» (Шанхай) и др. Примеры таких статей: «Заметки о зарубежных новостях: Россия и Пруссия готовятся к войне (перепечатано из Гонконгской новой газеты)» (1872), «События в Великой России: Женильба великого князя российско-

го» (1874), «Русско-турецкая война, Англия и Австрия призывают к миру» (1878), «Новости из разных стран: Великая Россия: Много пожаров» (1879), «Голод в русских землях» (1880), «Кончина русской императрицы» (1880) и др.

Можно заметить, что газетные статьи этого периода описывали дипломатические дела, военные конфликты между Россией и Китаем, Турцией, Англией, Германией и другими странами, а также передавали китайскому обществу информацию о важных социальных событиях, происходящих в России. Эти статьи в газетах и журналах были скорее источником информации о российском обществе, чем результатами исследований России.

Период Китайской Республики: Зарождение академических исследований России и Советского Союза

В данный период китайские ученые стали уделять больше внимания отношениям Китая с другими странами, а также опыту развития других государств. В связи с этим углубилось изучение России, которое постепенно приобрело системный характер. В этот период появились документы, содержащие информацию о России, например «Мнения канцелярии по подготовке дел, касающихся переговоров между Китаем и Россией» (1912 г.), «Отчеты посольства в России» (1912 г.), «Секретные дипломатические документы России» (1912 г.) и др. Эти документы носили описательный характер и содержали информацию о китайско-

российских дипломатических делах, что отражало дальнейшее развитие отношений между двумя странами.

В указанный период китайские ученые публиковали работы, охватывающие широкий спектр тем, связанных с Россией. Среди них можно выделить *три основных направления*:

(1) *Результаты исследований политического, экономического и социального развития России*, такие как «Обзор территориальной экспансии России» (журнал Университета Цинхуа, 1915), «Записи о русской революции» (журнал Университета Цинхуа, 1917), «Политические преобразования в России» («Восточный журнал», 1925), «Экономическая политика Советской России» (под редакцией Гу Шусена, 1927), «Политическая организация и Коммунистическая партия Советской России» (под редакцией Чэнь Биньхэ, 1927) и др.

(2) *Результаты исследований, посвященных внешним отношениям России с другими странами*: «Начнется ли война между Советским Союзом и Соединенными Штатами» (Цянь Вань, 1939), «Советская и американская политика в отношении Китая в исторической перспективе» (Северовосточное книжное издательство, 1948) и др.

(3) *Результаты исследований, анализирующие культурно-образовательную ситуацию в России*, такие как «Обзор российского образования» («Педагогический

журнал», 1914), «Новое образование в Советской России» (под редакцией Гу Шусена, изд., 1927), «Музыка в новой России» («Музыкальное образование», 1935), «Журналистика в СССР» («Китайско-советский культурный журнал», 1938) и т. д. Из представленных названий можно сделать вывод, что в этих трудах и эссе уже началось целенаправленное изучение общественного развития России того времени, а также ее отношений с остальным миром, тем самым приобретая характер зарождающегося академического руссиеведения.

Так, работа Чжоу Чжаньшэна «Политическое преобразование России» кратко описывает революционный процесс в России начала XX века, утверждая, что «русская революция – одно из самых значительных событий в современной политической истории. Это событие не только коренным образом изменило облик политической и социальной организации России, повлияло на мировую политическую ситуацию, но и предоставило миру новую модель в деле освобождения и преобразования национальной политики» [周夔生, 1925, с. 15]. Го Баоцюань в своей работе «Новое журналистское дело в Советском Союзе» отмечает, что «советская журналистика основана на новой социальной системе. Будь то форма и цели новостных предприятий, или содержание и структура газет, она радикально отличается от

журналистики в капиталистических странах» [戈宝权, 1938, с. 110].

**3.2. От основания нового Китая до реформ и открытости: от изучения к критике
*Китайско-советский период «медового месяца»: разнообразие и неоднородность результатов***

В первые годы образования Китайской Народной Республики в Китае возникло стремление изучить передовой опыт Советского Союза. В контексте китайско-советской дружбы и всестороннего изучения опыта СССР на китайский язык было переведено большое количество советских произведений, таких как «Международная обстановка в период Великой Октябрьской социалистической революции: внешняя политика Советского Союза в 1917–1918 годах» (Ивашин И. Ф., перевод факультета международных отношений и истории внешней политики Китайского Народного университета, 1953), «Международные отношения и внешняя политика Советского Союза в 1935–1939 годах» (Ивашин И. Ф., перевод Су Жань, 1955), «Борьба СССР за равноправие двух систем собственности в международных отношениях» (Петеретский И. С., перевод Лю Дин, 1957), «Ленинские принципы внешней политики Советского государства» (Айрапетян М. Э., Кабанов П. Ф., перевод группы сборников Института международных отношений, 1958), «Краткая история

советской дипломатии» (Ивашин И. Ф., перевод редакции «Сборника переводов по международным вопросам», 1960) и др. По всей стране также были основаны различные издания, знакомящие с советской теорией и опытом социалистического строительства, такие как серия переводов по экономике, философии, истории, международным вопросам, литературе и искусству и др. [刘克明, 1984]

Помимо переводов, китайские ученые также опубликовали ряд результатов научных исследований. Поскольку в начале образования Китайской Народной Республики Китай находился в критическом периоде национальной реконструкции и индустриализации и испытывал острую потребность в науке и технике, а Советский Союз добился значительных успехов в тяжелой промышленности и научно-технической сфере, и его опыт мог оказать важную поддержку процессу индустриализации Китая, большинство работ и диссертаций отечественных ученых в этот период были тесно связаны с естественными науками и образованием: «Взгляд на экспериментальную физику в СССР» (Вестник науки, 1951), «Методы классификации грунтов в механике грунтов в СССР» (Почвенный журнал, 1952), «Итоги творческой работы по восстановлению городов в РСФСР» (Архитектурный журнал, 1954), «Гениальный русский ученый Д. И. Менделеев: жизнь и деятельность

ность – к 120-летию со дня рождения», «Химический вестник», 1954); а также результаты исследований в других областях: «Введение в высшее образование в СССР» («Народное образование», 1951), «История китайско-советской дипломатии» (Шанхай Издательство «Мировое знание», 1951), «Краткая история китайско-советской дружбы» (Издательство «Китайская молодежь», 1955) и др. Так, Чэн Цзиньву в книге «Введение в высшее образование в СССР» подробно рассказал о развитии и современном состоянии высшего образования в СССР и методах руководства высшим образованием в СССР, что дало определенный опыт для развития высшего образования в Китае [程今吾, 1951].

***Поворотный момент
в китайско-советских
отношениях: критика как
основной фокус, политика как
главная забота***

В период китайско-советского противостояния исследования по Советскому Союзу служили политическим нуждам страны, а результаты исследований включали критику советского социализма и ревизионизма: «Социал-империалистическое государство – СССР» («Коммерческое издательство», 1975), «Реакционная природа советского социал-империализма» («Коммерческое издательство», 1975), «Шапку супердержавы с советских ревизионистов не снять»

(Пекинское Народное издательство, 1975). Параллельно с критикой советской политики, в Китае активно публиковались работы, посвященные истории российско-китайских отношений, в частности, периоду царской России. Эти работы, как правило, акцентировали внимание на агрессивной политике Российской империи в отношении Китая и территориальных захватах: «История вторжения царской России в Китай» (Шанхайское Народное издательство 1975). В целом, публикация отражала напряженные отношения между Китаем и Советским Союзом в 1970-е годы и стремление китайского руководства обосновать свою политическую позицию историческими аргументами и критикой советской идеологии.

В период обострения советско-китайских отношений, китайские исследователи активно изучали и критиковали политику Советского Союза. Одним из ключевых трудов этого времени стала работа «Хроника реставрации капитализма в Советском Союзе (1953–1973)» [柯雄, 1975], в которой анализировались изменения в советской политической, экономической, военной и культурной сферах, рассматриваемые как отход от социалистических принципов. Параллельно с этим, Институт современной истории Академии общественных наук Китая выпустил книгу «История российской агрессии в Китае», где подробно описывалась военная, политическая и экономическая экс-

пансия царской России на китайской территории [中国社会科学院近代史研究所编, 1976]. В этот период было опубликовано множество статей, посвященных критике советского ревизионизма. В статье «Опровержение ложных доводов советского ревизионизма о китайско-российских отношениях» критикуется внутренняя и внешняя политика социал-империализма, его антикитайская, антикоммунистическая и контрреволюционная политика, и утверждается, что пропагандируемые антикитайские книги искажают и фальсифицируют историю китайско-российских отношений [范勤, 1974]. В статье «Советское ревизионистское образование как инструмент буржуазной диктатуры» критикуется советская система образования того времени, переставшая быть воплощением пролетарского образования и превратившаяся в инструмент буржуазной диктатуры, отражая конкретные проявления советского ревизионизма в сфере образования [北京师范大学外国问题研究所, 1975]. Все эти работы берут за отправную точку идеологическую позицию, подчеркивают политический акцент, критикуют советский ревизионизм с разных точек зрения и пытаются раскрыть глубинные причины советской политики и поведения в 1960–1970-е годы, подчеркивая важность соблюдения принципов социализма.

С начала реформ и открытости до конца XX века: большое количество результатов по вопросам переходного периода

Третий этап развития руссификации в Китае, охватывающий период с начала политики реформ и открытости и до конца XX века, ознаменовался настоящим взрывом публикаций и смещением ракурса исследований в сторону проблем переходного периода.

Расширение международного сотрудничества, последовавшее за началом реформ, открыло китайским ученым доступ к обширному массиву зарубежных материалов и архивных документов. Начиная с середины 1990-х годов, такие исследователи, как Шэнь Чжихуа, Нью Цзюнь, Ян Куйсун, Ли Даньхуэй и Цуй Хайчжи, предприняли масштабную работу по сбору, переводу и систематизации рассекреченных российских архивов. Среди наиболее значимых результатов этой работы можно выделить: «Сборник советских исторических архивов» Шэнь Чжихуа, «Корейская война: рассекреченные документы из российских архивов», «Сборник рассекреченных российских архивов: советско-китайские отношения (1945–1991)» и «Рассекреченные архивы американской разведки о Китае (1948–1976)» Ян Куйсуна.

Ключевыми фигурами в китайских исследованиях России в этот период были Лю Кэмин, Сунь Чэнму, Ли Сяньжун, Лу Наньцюань, Ли Минбинь, Чэнь Чжихуа,

Ван Чжэнцюань, Чжан Цзяньхуа, Чэнь Цзяньхуа, Хуан Динтянь, Фэн Шаолей, Ли Шэньмин и Ли Юнцюань. Среди наиболее значимых работ можно выделить: «70 лет советской политической системе» (1990) и «От Ленина до Горбачева: эволюция советского социализма» (1992), выполненная авторским коллективом с Лю Кэмином и другими; работы Чэнь Чжихуа «Очерк истории СССР (1917–1937)» (в двух томах, 1991), «Очерк истории СССР (1953–1964)» (1996), «Советский Союз в эпоху Брежнева» (1998); работы Лу Наньцюаня «Послевоенная советская экономика» (1984), «Развитие теории советского экономического строительства и реформы экономической системы» (1986), «Новая Россия: политика, экономика, дипломатия» (1997), «Китайско-российские торгово-экономические отношения» (1999); работы Фэн Шаоля «Взлеты и падения евразийской державы» (1992) и «Институциональные изменения и внешние отношения – Россия с 1992 года» (1997).

Например, Лю Кэмин в своей книге «70 лет советской политической системе» подробно описывает развитие советской политико-экономической системы на протяжении 70 лет, анализируя ситуацию в период правления Ленина, Сталина, Хрущева и других советских лидеров [刘克明, 1990]. Другая работа, «Исторические размышления об эволюции Советского Союза» под редакцией Чэнь Чжихуа, рас-

сматривает причины распада СССР с разных сторон, включая основные этапы эволюции, экономические корни и ошибочное направление реформ политической системы [江流、陈之骅主编, 1994]. Лу Наньцюань в своей книге «Исследование глубинных причин драматических перемен в Советском Союзе» анализирует исторические и современные причины распада, а также извлекает уроки из этого опыта [罗肇鸿, 1999, с. 74].

Среди работ, посвященных социальным трансформациям и изменениям в Советском Союзе в этот период, – «Россия в переходный период: среднесрочный кризис и выбор контркризисных мер» («Восточноевропейские проблемы СССР», 1992), «Процесс развития партийной политики в России» («Восточная Европа и Центральная Азия сегодня», 1997), «Трансформация международных отношений и изучение международных отношений в переходный период» («Журнал Восточно-китайского педагогического университета», 1995), «Несколько прогнозов относительно перспектив развития России» («Международные наблюдения», 1997) и др. в полной мере отражают разное развитие российского государства до и после распада СССР. Так, в работе «Россия в переходный период: среднесрочный кризис и антикризисные контрмеры» Син Гуанчэн анализирует кризис, с которым столкнулась Россия после распада Советского Союза и возвращения на международную

арену в качестве независимой страны. Исследователь утверждает, что ельцинская «шоковая терапия» является отчаянной антикризисной экономической контрмерой, и указывает, что способность Российской Федерации восстановить свою целостность зависит от решения трех ключевых вопросов: распределения власти между центром и регионами, отношений между русскими и нерусскими этническими группами, а также установления взаимовыгодных экономических отношений между федеральным центром и регионами [邢广程, 1992]. Фэн Шаолей в работе «Трансформация международных отношений и изучение международных отношений в переходный период» считает, что: «Трансформация международного ландшафта после холодной войны фактически вступила в новую фазу обостренной конкуренции между странами и регионами на фоне их соответствующих традиционных цивилизаций, геополитических следов старого ландшафта и внешней напряженности, вызванной институциональными изменениями» [冯绍雷, 1995, с. 38].

Таким образом, китайские исследования, посвященные России в период 1991 года и после него, отличались широким охватом тем и проблем. Основное внимание уделялось политическим и экономическим преобразованиям в России, а также связанным с ними социальным, этническим и религиозным вопросам.

3.3. С XXI века: диверсификация исследовательских тем и синтез исследовательских парадигм

С начала XXI века области российских исследований в Китае постепенно расширяются от традиционных политики, экономики и истории до социальных аспектов и международных отношений, а исследовательские перспективы ученых становятся все более разнообразными. Опубликованные в этот период статьи были посвящены китайско-российским отношениям, геополитике, стратегии развития России, энергетическим вопросам и региональным конфликтам. Среди известных работ – «Сибирь и Дальний Восток России» (2002), «Исторический очерк реформы экономической системы Советского Союза: от Ленина до Путина» (2007), «Современное состояние и перспективы китайско-российских торгово-экономических отношений» (2011) Лу Наньцюаня; «Дипломатия Путина» Фэн Шаоля (2004), «История политических партий в России» (2011) Ли Юнцюаня; «Путь к возрождению – возможности и вызовы развития России» (2005), «Демографическая безопасность и социальное развитие России» (2007); «Механизмы принятия решений в области национальной безопасности России» (2005), «Новый евразийский порядок» (2018) Чэн Ицзюня; «Научно-техническая стратегия России в переходный период» (2002), «От Бориса Ельцина до Владимира Путина: путь к конституционализму в России» (2005),

и «Концепции и институты: государственное управление в России после распада СССР (1991–2010)» (2010) Пан Дапэна и др.

Многие современные исследования посвящены торгово-экономическому сотрудничеству между Россией и Китаем на фоне установления стратегического партнерства в области сотрудничества между двумя странами:

– «Китайско-российское стратегическое партнерство и его американские факторы» (2000);

– «Эмпирический анализ основных факторов, влияющих на китайско-российскую торговлю» (2008);

– «Сравнительный анализ внешней торговли Китая и России и развития двусторонней торговли» (2008) и другие научные работы.

Сосредоточение внимания на отношениях России с другими странами и регионами мира и ее геополитических связях в меняющейся международной обстановке также стало новой обсуждаемой проблемой исследований в китайской русистике с начала XXI века: «Новое развитие отношений России со странами Центральной Азии» («Исследования международных проблем», 2006), «Эволюция политики России в отношении Шанхайской организации сотрудничества» («Российские исследования Центральной Азии и Восточной Европы», 2007), «Отношения России со странами СНГ: новые тенденции и стратегии» («Российские исследо-

вания Центральной Азии и Восточной Европы», 2009), «Стратегия России в отношении Евразийского союза и ее последствия для Китая и России» (Российские исследования Центральной Азии и Восточной Европы, 2009) и др.

Множество работ посвящены арктической стратегии России, включающей в себя развитие энергетики, использование водных путей, развертывание военных сил, защиту окружающей среды и другие аспекты, направленные на укрепление геополитического и экономического влияния в арктическом регионе, а также на сотрудничество с другими странами в области устойчивого развития Арктики и совместные инициативы по соединению арктических водных путей с «Поясом и путем» («Арктические споры и арктическая стратегия России» («Русский журнал», 2011), «Китайско-российское сотрудничество по устойчивому развитию Арктики: вызовы и перспективы» («Исследования по международным проблемам», 2018), «Идеи развития востока России и его взаимодействие с активизацией северо-востока Китая» («Форум Северо-Восточной Азии», 2008) и др.) Еще одно перспективное направление россиеведческих исследований – различные аспекты российской энергетической дипломатии, что отражает активную роль и влияние России как энергетической державы в мировой энергетической политике: «Новая энергетическая дипломатия

России и ее последствия» («Современные международные отношения», 2002), «Стратегия экспорта энергии на Восток» и «Китайско-российское нефтегазовое сотрудничество – анализ на основе геополитической экономики» («Фуданьский журнал социальных наук», 2004), «Обзор энергетической стратегии России в Азиатско-Тихо-океанском регионе – перспектива на основе проекта Дальневосточного нефтегазопровода» («Форум Северо-Восточной Азии», 2021) и др.

Подводя итоги, можно сказать, что в XXI веке, с развитием глобализации и укреплением собственной мощи Китая после реформ и открытости, российские исследования в Китае стали фокусироваться на более разнообразных темах, а исследовательская парадигма сместилась от монодисциплинарных исследований к более комплексным, а российские исследования стали важной частью понимания отношений Китая с миром.

Заключение

Таким образом, китайская русистика, пройдя долгий путь становления и развития, сегодня предстает перед нами как зрелая и многогранная область знаний, способная не только анализировать прошлое и настоящее России, но и прогнозировать ее будущее, а также выстраивать эффективные стратегии взаимодействия с ней. Междисциплинарность позволяет преодолевать узкие рамки отдельных наук и формировать це-

лостное представление о стране, ее роли в мире и ее взаимоотношениях с Китаем. Компаративистский подход позволяет выявлять общие черты и различия между Россией и другими странами, а также между различными периодами российской истории. Это способствует более глубокому пониманию специфики России, ее уникального пути развития и ее места в мировой цивилизации. Сравнительные исследования позволяют также выявлять потенциальные риски и возможности для развития российско-китайских отношений, а также разрабатывать эффективные стратегии сотрудничества.

Создание новой системы знаний о России с китайской спецификой предполагает не просто адаптацию западных теорий и концепций, но и разработку собственных подходов и методологий, учитывающих особенности китайской культуры и истории. Это требует критического осмысления западного опыта, а также активного использования китайских источников и материалов. Важно также учитывать интересы и потребности китайского общества, а также стратегические цели развития страны. В конечном итоге, китайская русистика должна стать мощным инструментом для укрепления российско-китайских отношений, содействия развитию «Одного пояса, одного пути» и формированию сообщества единой судьбы человечества.

Библиографический список

1. Се Чжоу, Чжан Хао Политические процессы и динамика развития руссиеведения в Китае // Социально-политические исследования. 2025. № 1 (25). С. 17–38.
2. 王学东: 《新中国建立 70 年来马列经典著作编译事业成就》, 《理论视野》2020 年第 1 期, 第 90 页。
3. 刘利民: 《新中国俄语教育 60 年》, 《中国俄语教学》2009 年第 4 期
4. 杨成: 《中国俄苏研究的范式重构与智识革命——基于学术史回顾和比较研究的展望》, 《俄罗斯研究》2011 年第 1 期, 第 8 页。
5. 张建华: 《中国俄国史研究百年检视与思考》《史学月刊》2020 年第 1 期
6. 周鲠生: 《俄罗斯的政治改造》, 《东方杂志》1925 年第 5 期, 第 15 页。
7. 戈宝权: 《苏联的新闻事业》, 《中苏文化杂志》1938 年苏联十月革命二十一周年纪念特刊, 第 110 页。
8. 程今吾: 《苏联高等教育情况介绍》, 《人民教育》1951 年第 2 期。
9. 柯雄: 《苏联国内资本主义复辟纪事(1953—1973)》, 上海: 生活·读书·新知三联书店, 1975 年。
10. 中国社会科学院近代史研究所: 《沙俄侵华史》, 北京: 人民出版社, 1976 年。
11. 范勤: 《批判苏联现代修正主义“睦邻”, 还是侵略? ——驳苏修<中国近代史>关于中俄关系的谬论》, 《北京师范大学学报(社会科学版)》1974 年第 1 期, 第 50 页。
12. 北京师范大学外国问题研究所: 《苏修教育是资产阶级专政的工具》, 《人民教育》1975 年第 5 期。
13. 刘克明: 《苏联政治体制 70 年》, 北京: 中国社会科学出版社, 1990 年。
14. 江流、陈之骅主编: 《苏联演变的历史思考》, 北京: 中国社会科学出版社, 1994 年。
15. 邢广程: 《转型时期的俄罗斯: 中期危机与反危机对策选择》, 《东欧中亚研究》1992 年第 5 期。
16. 冯绍雷: 《国际关系的转型与转型中的国际关系研究》, 《华东师范大学学报》(哲学社会科学版)1995 年第 6 期, 第 38 页。
17. 罗肇鸿: 《江山沉浮, 群儒指点——评<苏联剧变深层次原因研究>》, 《世界经济与政治》1999 年 12 期, 第 74 页。
18. 刘克明: 《建国以来的苏联东欧研究》, 《苏联东欧问题》1984 年第 6 期, 第 1—2 页。

Reference list

1. Se Chzhou, Chzhan Hao Politicheskie processy i dinamika razvitiya rossievedeniya v Kitae = Political processes and the dynamics of Russian studies development in China // Social'no-politicheskie issledovanija. 2025. № 1 (25). S. 17–38.
2. 王学东: 《新中国建立 70 年来马列经典著作编译事业成就》, 《理论视野》2020 年第 1 期, 第 90 页。

3. 刘利民：《新中国俄语教育 60 年》，《中国俄语教学》2009 年第 4 期
4. 杨成：《中国俄苏研究的范式重构与智识革命——基于学术史回顾和比较研究的展望》，《俄罗斯研究》2011 年第 1 期，第 8 页。
5. 张建华：《中国俄国史研究百年检视与思考》《史学月刊》2020 年第 1 期
6. 周鲠生：《俄罗斯的政治改造》，《东方杂志》1925 年第 5 期，第 15 页。
7. 戈宝权：《蘇聯的新聞事業》，《中苏文化杂志》1938 年苏联十月革命二十一周年纪念特刊，第 110 页。
8. 程今吾：《苏联高等教育情况介绍》，《人民教育》1951 年第 2 期。
9. 柯雄：《苏联国内资本主义复辟纪事（1953—1973）》，上海：生活·读书·新知三联书店，1975 年。
10. 中国社会科学院近代史研究所：《沙俄侵华史》，北京：人民出版社，1976 年。
11. 范勤：《批判苏联现代修正主义“睦邻”，还是侵略？——驳苏修〈中国近代史〉关于中俄关系的谬论》，《北京师范大学学报》(社会科学版)1974 年第 1 期，第 50 页。
12. 北京师范大学外国问题研究所：《苏修教育是资产阶级专政的工具》，《人民教育》1975 年第 5 期。
13. 刘克明：《苏联政治体制 70 年》，北京：中国社会科学出版社，1990 年。
14. 江流、陈之骅主编：《苏联演变的历史思考》，北京：中国社会科学出版社，1994 年。
15. 邢广程：《转型时期的俄罗斯：中期危机与反危机对策选择》，《东欧中亚研究》1992 年第 5 期。
16. 冯绍雷：《国际关系的转型与转型中的国际关系研究》，《华东师范大学学报》(哲学社会科学版)1995 年第 6 期，第 38 页。
17. 罗肇鸿：《江山沉浮，群儒指点——评〈苏联剧变深层次原因研究〉》，《世界经济与政治》1999 年 12 期，第 74 页。
18. 刘克明：《建国以来的苏联东欧研究》，《苏联东欧问题》1984 年第 6 期，第 1—2 页。

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 323
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-29
EDN QXBCWQ

**Система образования
в условиях социально-политических конфликтов**

Денис Евгеньевич Палатников

Кандидат философский наук, доцент кафедры социологии и политологии,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
denipa-1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3374-1473>

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования городских сообществ в социальных сетях в контексте городского конфликта. Рассматриваются теоретические аспекты формирования и участия локальных сообществ в социальных конфликтах городского и регионального масштаба. В качестве эмпирической базы рассматривается кейс реорганизации и реструктуризации школ и детских садов Ярославской области как один из наиболее значимых инфоповодов и городских региональных конфликтов за 2024 год с использованием метода контент-анализа.

Теоретическим основанием данной работы является концепция коллективных действий и коллективной деятельности, которая включает в себя смежные с городскими движениями признаки. Формулируется определение городского сообщества как неформальной структуры сформированной на основе общности ценностных структур, цели деятельности и достигающей ее посредством горизонтального взаимодействия с распределением функционала между участниками.

Отмечено, что для самоорганизующихся сообществ пространство социальных сетей стало доступной средой для объединения, агрегации и артикуляции общественных настроений и реализации конфликтных стратегий. В статье выделяются тип городского конфликта, характерные черты и результаты конфликтного взаимодействия, динамика конфликта, специфика взаимодействия власти и локальных сообществ, в частности, в сетевом пространстве, специфика коммуникационной стратегии группы активистов и органов власти. Проведен анализ публичной активности политических и неполитических акторов конфликта, содержательный анализ месседжей противостоящих групп.

Определена стратегия выхода из конфликта группы активистов. Делается вывод о значимости неполитизированного протекания городского конфликта как эффективным способе консенсусного разрешения противоречий между властью и обществом, а также становления и укрепления гражданско-политической субъектности городских сообществ.

© Палатников Д. Е., 2025

Ключевые слова: городской конфликт; городское сообщество; социальные сети; социальный конфликт; типология; стратегия разрешения конфликта; коммуникация; политические акторы

Для цитирования: Палатников Д. Е. Система образования в условиях социально-политических конфликтов // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 29–44. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-29>. <https://elibrary.ru/QXBCWQ>.

Original article

The system of education in the context of social and political conflicts

Denis E. Palatnikov

Candidate of philosophy, associate professor at the department of sociology and political science, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl denipa-1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3374-1473>

Abstract. The article analyzes the functioning of urban communities in social networks within urban conflict contexts. The author considers theoretical aspects of forming local communities and their participation in social conflicts on urban and regional scales. The case of reorganizing and restructuring schools and kindergartens in the Yaroslavl region is used as an empirical basis to examine one of the most significant news makers and urban regional conflicts in 2024. The method of content analysis has been applied in the study.

The theoretical basis for this work is the concept of collective action and collective activity, which includes features related to urban movements. Urban community is defined as an informal structure formed on the basis of common values and a common purpose, achieved through horizontal interaction with the distribution of functions among the participants.

It is noted that for self-organizing communities the social networking space has become an accessible environment for unification, aggregation, expression of public attitudes and conflict strategies implementation. The article identifies types of urban conflict, characteristic features and results of conflict interaction, conflict dynamics, specific interaction between the authorities and local communities, particularly in the network space, as well as strategic specificity in communication between a group of activists and the authorities. The author analyzes public activity of political and non-political actors of the conflict, and gives content analysis of the opposing groups' messages. An activist group's strategy to exit the conflict is identified.

The conclusion is made about the importance of non-politicized urban conflict as an effective way of consensual resolution of contradictions between the authorities and society, as well as establishing and strengthening urban communities' civic-political subjectivity.

Key words: urban conflict; urban community; social networks; social conflict; typology; conflict resolution strategy; communication; political actors

For citation: Palatnikov D. E. The system of education in the context of social and political conflicts. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 29–44. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-29>. <https://elibrary.ru/QXBCWQ>.

Введение

Городские конфликты остаются одной из актуальных тем политической науки, изучающей динамику власти, интересов и идентичностей в урбанистическом контексте. В это же время цифровизация продолжает проникать во все сферы человеческой жизни, трансформируя не только способы повседневного взаимодействия, но и методы конфликтных отношений между властью и обществом. Городские конфликты, возникающие в условиях стремительного развития технологий, становятся все более сложными и многогранными. Свое проявление продолжают находить в различных формах, включая социальные, экономические и культурные, противоречия, связанные с доступом к социальным ресурсам, территориальным изменениям, вопросами безопасности и волеизъявлением различных слоев общества.

Согласно американской конфликтологической традиции в лице социолога Л. Козера, «конфликт – это борьба за ценности и притязания на определенный статус, власть и ресурсы, в которой целями противника являются нейтрализация, нанесение ущерба или устранения соперника» [Козер, 2000, с. 143].

В российской литературе большинство определений конфликта имеет социологическую природу.

Преимуществом таких определений является то, что авторы выделяют ключевые особенности социального конфликта, который проявляется в различных формах противостояния между индивидами и социальными группами, стремящимися к достижению определенных ценностно-ориентированных задач.

По мнению Л. Г. Здравомыслова, «Конфликт – это важнейшая сторона взаимодействия людей в обществе, своего рода клеточка социального бытия. Это форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностям» [Здравомыслов, 1996, с. 29].

Так, Ю. Г. Запрудский считает, что «Социальный конфликт – это явное или скрытое состояние противоборства объективно расходящихся интересов, целей и тенденций развития социальных объектов, прямое и косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему общественному порядку, особая форма исторического движения к новому социальному единству» [Запрудский, 1992, с. 24].

В книге «Конфликтология» А. В. Дмитриев указывает, что «Под социальным конфликтом

обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны» [Дмитриев, 2000, с. 14].

В контексте политической науки интерес представляет регуляция социальных конфликтов в рамках жизни городских сообществ. История их изучения, берущая свое начало в социологическом поле, начала развиваться в конце XIX – начале XX века.

Стоит отметить вклад Герберта Спенсера в теорию городских сообществ [Спенсер, 1908]. Будучи одним из основоположников социологической школы, он рассматривал города как сложные организмы, развивающиеся по законам эволюционной динамики. Спенсер присвоил городам черты среды, способствующей взаимодействию и конкурентной борьбе. Он подчеркивал значимость социальных институтов для поддержания порядка и устойчивости сообществ. Идеи Спенсера остаются применимы к анализу городских сообществ, формирующих уникальные сетевые отношения и структуры, влияя на социальные связи и общественные нормы.

Эмиль Дюркгейм, основоположник социологической науки, уделял значительное внимание городской среде и ее влиянию на социальные отношения [Дюркгейм,

1996]. В своих работах он анализировал как индустриализация и урбанизация ведут к изменениям в социальной структуре. В работах социолога также говорится и о социальной солидарности, органический тип которой преобладает в городском пространстве и может угрожать следованию общественных норм и правил. Дюркгейм подчеркивал, что «города создают уникальные возможности для взаимодействия, но одновременно могут вызывать социальную изоляцию и отчуждение» [Wandi, 2021, P. 39].

Выдающийся социолог и экономист Макс Вебер также исследовал городскую среду, акцентируя внимание на её социальной и экономической динамике [Вебер, 2024]. Он подчеркивал, что города становятся центрами сосредоточения власти и знания, где происходит культурный обмен. Городская среда характеризуется сложными социальными структурами и экономическими системами, что создает условия для разнообразных форм взаимодействия. Вебер также исследовал понятия «традиции» и «рациональность», показывая, как они влияют на поведение людей в городах. По его мнению, урбанизация ведет к созданию новых социальных норм и культурных моделей [Вебер, 2024].

Рассмотрев классические концепции базового категориального аппарата, нельзя оставить без внимания и конкретизацию феномена городского сообщества, которому свойственен дефиниционный плю-

рализм. В данной работе предполагается придерживаться теории коллективных действий, которая включает в себя смежные с городскими движениями признаки и представляет собой важный и актуальный аспект политической жизни [Kestler, 2023], отражая взаимодействие групп людей для достижения общих целей. В политической концепции можно выделить несколько ключевых признаков, определяющих коллективную деятельность. Общая цель – один из ключевых признаков коллективного взаимодействия. Группы людей объединяются вокруг определенной идеи или задачи, будь то сплочение для продвижения социальной справедливости, охраны окружающей среды или различных социально-политических реформ. Данная общая цель служит основой для координации сил участников. Взаимодействие участников – эффективность коллективной деятельности во многом зависит от того, как выстроены алгоритмы и принципы межличностного общения, начиная с обсуждения целей и задач, заканчивая решением возникающих противоречий в самоорганизующемся коллективе. Коммуникация может происходить как в физическом, традиционном, пространстве, посредством оффлайн встреч, так и в сетевой поле, посредством общения и координации в социальных сетях, различных мессенджерах. Распределение ролей – третий признак коллективной деятельности. Каж-

дый член группы может брать на себя определенные функции, будь то лидерство, организация, продвижение идей или административная работа. Такое распределение способствует более эффективному использованию ресурсов и повышает вероятность достижения поставленных целей. Сплоченность и идентичность – феномены, позволяющие ощущать участникам коллективной деятельности сопричастность к общему делу. Разделение ценностей и взглядов находит свое отражение в уровне мотивации на протяжении всего взаимодействия. «Сплочение может быть обусловлено культурными аспектами, идеологической приверженностью, историческими событиями, едиными ценностными основаниями участников» [Воробьева, 2022, с. 85]. Открытость и включенность могут быть критически важными при совместной деятельности социально-политической направленности. Здесь важно отметить, что под *открытостью* понимается *доступность присоединения к существующей коллективной деятельности других индивидов, что подразумевает под собой также готовность учитывать разнообразие взглядов и опыта, уважение мнения меньшинства, что, в свою очередь, ведет к более полному и богатому взаимодействию.*

Таким образом, коллективная деятельность в политических реалиях проявляется через наличие общей цели и ценностей, грамотное

взаимодействие участников с разделением ролей и функций, сплоченность, конструктивное сотрудничество и открытость. Эти признаки позволяют самоорганизующимся сообществам действовать более эффективно и достигать поставленных целей, создавая таким образом основу для активного гражданского участия и политической активности [Ларичев, 2023]. Именно через понимание этих аспектов можно сделать вывод о том, что городское сообщество в рамках теории коллективных действий – это «неформальное самоорганизующееся объединение граждан, в основе которого лежит общность ценностных структур, стремление к достижению единой цели посредством горизонтального взаимодействия с распределением функционала между участниками» [Неинституциональная социальная ... , 2018, с. 2].

В настоящее время сетевое информационное поле представляет собой большую возможность для взаимодействия социально-политических структур общества, включая в себя дискуссионные площадки, обращения граждан к политическим структурам, объединения с целью решения проблемных вопросов, виртуальную отчетность, репрезентационную активность [Kim, 2023]. На данный момент ни одна из общественно значимых ситуаций не может быть не включена в информационное пространство. И данная тенденция находит свое отражение в существовании и дина-

мике развития городских конфликтов и методов взаимодействия между властью и обществом. Социальные сети стали мощным инструментом для выражения мнений и организации социального воздействия [Парма, 2023]. В условиях цифровой эпохи возникновение противоречий и противостояний происходит стремительно за счет мгновенного тиражирования информации между пользователями. Для решения конфликтных ситуаций в городском пространстве часто предлагается развитие медиа-грамотности у населения, стимулирование к конструктивному диалогу посредством создания онлайн-платформ для обсуждения актуальных городских вопросов. Однако для самоорганизующихся локальных сообществ представляются значимыми не только общие закономерности сетевого взаимодействия, но и эффективные алгоритмы горизонтального взаимодействия с властными структурами, направленные на консенсуальное решение возникающих противоречий [Cheng, 2023]. Наряду с этим невозможно не отметить коммуникативные особенности, отличающие взаимодействие субъектов городских конфликтов в социальных сетях [Кривошеев, 2024].

Одной из основных характеристик является не присущая традиционным способам взаимодействия моментальность общения. Пользователи социальных сетей имеют возможность обмениваться сообщениями, комментариями и реакциями в реальном времени, что со-

здает динамичную атмосферу взаимодействия и способствует оперативности откликов, обсуждений на изменяющиеся условия течения городского конфликта. Социальные сети позволяют воплотить асинхронное взаимодействие, когда участники могут ответить на сообщения в удобное для них время. Это значительно снижает уровень давления, присущего синхронной коммуникации, а также позволяет поддерживать обсуждение заданной темы более длительное время нежели в оффлайн режиме. Многие пользователи выбирают анонимные профили или псевдонимы, что с одной стороны, способствует более открытой коммуникации, но с другой стороны, может породить рост агрессивных настроений и степени недоверия к предложениям по взаимодействию. Визуальный контент, включающий в себя фото, видео и графику, облегчает участникам сетевой коммуникации восприятие информации, а также влияет на степень эмоционального отклика к публикации или комментарию. Данные особенности подчеркивают, как социальные сети меняют традиционные формы взаимодействия, создавая как новые возможности, так и вызовы для коммуникации.

Таким образом, социальные сети становятся особым механизмом, двусторонним инструментом, в процессе социально-политического взаимодействия власти и общества. Гражданские инициативы, самоорганизующиеся сообщества используют социальные сети как доступную

платформу для объединения и выражения общественного настроения. Примером успешного взаимодействия власти и общества в медийном пространстве можно назвать городской конфликт, возникший в результате проекта создания образовательных комплексов путем объединения нескольких школ и детских садов в Ярославской области.

Методы исследования

В рамках типологизации конфликта по степени его политизированности было проведено исследование методом количественного контент-анализа информационного пространства Ярославской области за период с 1 августа по 22 октября 2024 года.

Целью исследования стало выявление типа городского конфликта по реорганизации образовательных учреждений в Ярославской области в контексте его политизированности.

Достижение цели исследования обеспечивается благодаря выполнению ряда задач:

1. Определить уровень интереса региональных СМИ к проблематике реорганизации образовательных учреждений в Ярославской области;
2. Выявить особенности освещения городского конфликта в СМИ, присутствующими в региональном сегменте, через социальные сети;
3. Оценить эффективность стратегии взаимодействия образовательной организации с ключевыми субъектами принятия

решений в контексте рассматриваемого конфликта.

Эмпирической базой исследования стали сообщения в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и мессенджере Telegram, содержащие упоминания о реорганизации образовательных учреждений в Ярославской области и слиянии школ и детских садов региона в единые образовательные комплексы.

Результаты исследования

За период с 1 августа 2024 года по 22 октября 2024 года в русскоязычном сетевом пространстве было

опубликовано 566 сообщений, включая уникальные посты, комментарии и репосты, в рамках городского конфликта по реорганизации образовательных учреждений Ярославской области с совокупной аудиторией за все время наблюдения 2 893 тысячи человек. Относительно регионального уровня это значимые показатели, делающие конфликт заметным событием регионального масштаба. Из них – 190 сообщений являлись уникальными публикациями в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и мессенджере Telegram (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика публикационной активности участников конфликта (единиц)

Динамика конфликта демонстрирует его стремительный характер развития с несколькими ярко выраженными экстремумами, отражающими ключевые события в публичной плоскости, инициированные ключевыми субъектами.

Обращаясь к типологии стратегий городских сообществ в условиях конфликтов, ранее нами была выявлена единственная выигрышная стратегия для активистов – избегание политизации своей стратегии в целях сохранения пространства для диалога с властями [Соко-

лов, 2019]. Как будет установлено в ходе проведенного исследования обсуждение объединения школ в образовательные комплексы в Ярославской области и сопряженного с ним общественного резонанса будет относиться к неполитизированному типу городского конфликта, отвечая преимущественно большинству обозначенных авторами критериев: незначительное количество среди

участников политических акторов, вовлечение широкого круга СМИ и социальных сетей, и как результат – разрешение конфликта, посредством изменения властью решения и нахождения консенсуса. Перейдем к детализированному анализу городского конфликта, где источником информации послужила публикационная активность в социальных сетях (см. рис. 2).

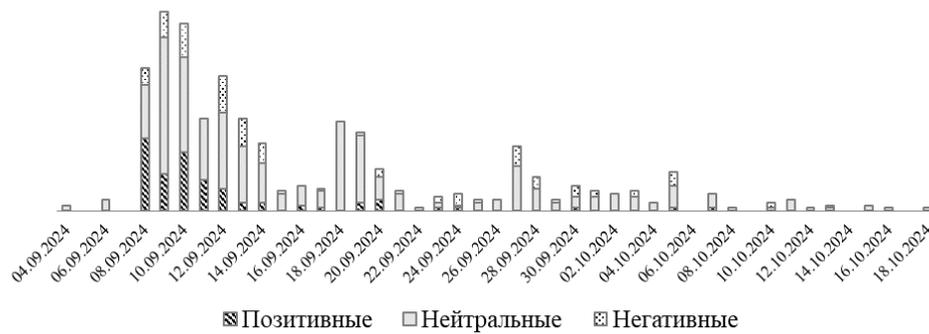

Рис. 2. Динамика соотношения позитивных, нейтральных и негативных публикаций в адрес органов власти (единиц)

В рамках исследования информационного поля социальных сетей выявлено несущественное приращение к активистской деятельности ключевых субъектов системной оппозиции во главе с Коммунистической партией Российской Федерации и партией «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». Единичные публикации на сетевых ресурсах фиксируются, но ни в одном из эпизодов конфликта они не стали центральной площадкой, ограничиваясь лишь перепостом сообщений первоисточника. Таким образом, фиксируется сознательная

отстраненность активистского ядра от политических сил. Доля публикаций, где авторами являются представители легитимной политической оппозиционной силы составила 4 % от общего числа публикаций (см. рис. 3, табл. 1). Это же подтверждается и анализом крупнейших площадок (пабликов), в которых выходили публикации по теме конфликта (см. табл. 1). Отметим, что среди ТОП-10 источников публикации информации также отсутствуют все официальные площадки, за исключением аккаунта губернатора Михаила Евраева.

Мир русскоговорящих стран

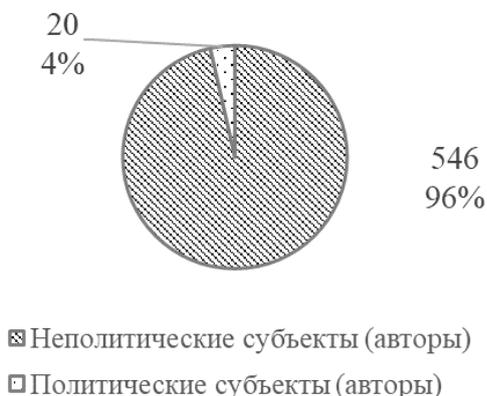

Рис. 3. Публикационная активность политических и неполитических субъектов

В рамках соотношения количества публикаций неполитизированных акторов (общественных деятелей, жителей города, представителей социальных групп) и представителей политических сил доля по-

следних от общего количества уникальных публикаций составила: в мессенджере Telegram 0 %, в социальной сети «ВКонтакте» 10,5 %, и в «Одноклассниках» 5,5 %.

Таблица 1.

ТОП-10 тематических групп и авторов

Группа	Площадка	Сообщения	Аудитория	Просмотры
Анна Коновалова	ВКонтакте	32	519	2 624
#Школе42быть Родители за сохранение школы 42	ВКонтакте	30	449	20 358
Михаил Евраев	ВКонтакте	18	36 507	0
Администрация Переславля-Залесского	ВКонтакте	13	11 640	0
Свободный Ярославль 2.0	ВКонтакте	7	57 619	89 209
Новости Ярославля сегодня, происшествия, ЧП ДТП	ВКонтакте	7	49 647	9 511
Иван Земляков	Одноклассники	7	6 576	0
Алексей Филиппов	ВКонтакте	7	5 706	3 913
Елена Князева	ВКонтакте	7	163	200
76.ru – Ярославль онлайн	Telegram	6	31 562	40 630

Анализируя присутствие в информационном пространстве, стоит отметить, что к освещению городского конфликта был подключен широкий круг средств массовой информации и медиа-блогов, представленных в социальных сетях непосредственно или через ссылки,

при этом доля оппозиционных сообществ составила: в мессенджере Telegram 0 %, в социальной сети «ВКонтакте» 23 %, в «Одноклассниках» 0 % (см. рис. 4). Общий показатель по оппозиционным СМИ и медиа-блогам составил 12 %.

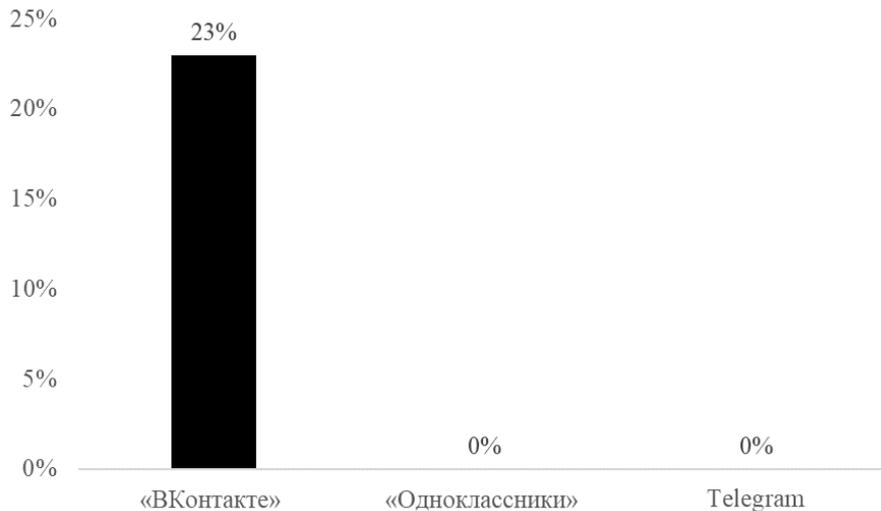

Рис. 4. Представленность оппозиционных площадок в различных социальных сетях

При тиражировании информации о городском конфликте посредством репостов и репостов с дополнением в социальных сетях стоит отметить, что в рамках соотношения количества репостов неполитизированных акторов (общественных деятелей, жителей города, представителей социальных групп) и представителей политической силы доля последних от общего количества уникальных публикаций составила: в мессенджере Telegram 0 %, в социальной сети

«ВКонтакте» 2,7 %, в рамках анализа массива репостов с добавлением – в мессенджере Telegram 0 %, в социальной сети «ВКонтакте» 2,5 %.

Если обратиться к анализу ключевых используемых категорий в публикациях протестной группы, то среди ТОП-20 не выявлено категорий, актуализирующих политическое содержание конфликта, они носят сущностный характер и отражают содержательную сторону вопроса (см. рис. 5).

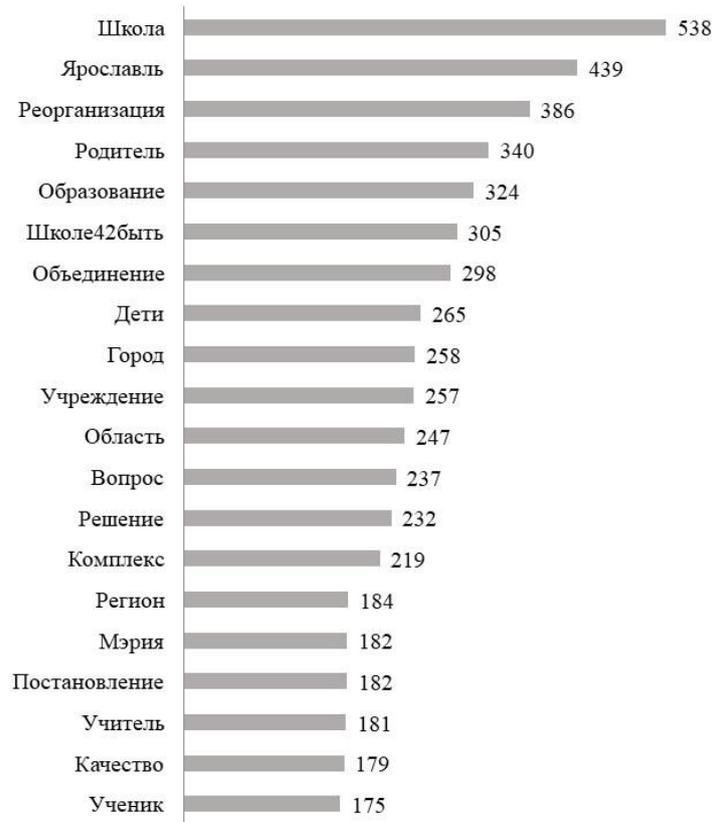

Рис. 5. ТОП-20 категорий, используемых протестной группой (единиц)

Переходя к заключительному критерию неполитизированного (гражданского) типа городского конфликта, решению противоречий посредством консенсуса и двустороннего учета интересов, реформа объединения школ и детских садов в Ярославской области претерпела изменения после обращения гражданской стороны конфликта в Кировский районный суд города Ярославля, который, в свою очередь, на короткий срок приостановил действие постановления мэрии Ярославля о реорганизации школ и детских

садов [Суд отменил ... , 2024]. В рамках конфликтного противостояния реакцию несогласия с реформой и поддержки гражданскому объединению родителей и других неравнодушных граждан проявил Уполномоченный по правам ребенка в Ярославской области Михаил Крупин. Омбудсмен направил письмо исполняющему обязанности прокурора с просьбой о проведении проверки законности принятия решений об объединении школ и детских садов в Ярославле и Рыбинске [Детский омбудсмен ... , 2024].

Выступление губернатора Ярославской области Михаила Евраева [Михаил Евраев поддержал ... , 2024] с поддержкой родителей учащихся школ, попавших под объединение, стало решающим шагом на пути к формированию обоюдного решения конфликта. В Министерстве образования Ярославской области разработали новый вариант реализации создания в Ярославле третьего образовательного комплекса, где центральной станет школа № 42, родители обучающихся в которой были наиболее обеспокоены сохранением идентичности и традиций преподавания [Мэрия Ярославля разработала ... , 2024]. После консенсусного предложения от Министерства образования региона заметно изменение тональности сообщений и комментариев в социальных сетях. Публикаций нейтрального характера пользователей-участников городского конфликта было преимущественно больше в процентном соотношении по сравнению с идентичным временным промежутком до внесения изменений в проект реформы профильным Министерством области и реакцией губернатора, а публикаций негативного характера уменьшилось в 4 раза.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно зафиксировать следующие основные выводы.

1. Взаимодействие системы среднего общего образования г. Ярославля с гражданским обще-

ством и органами государственной власти рассмотрено на примере конфликта вокруг объединения образовательных организаций в единые образовательные комплексы во второй половине 2024 г. Указанный конфликт развивался в публичном пространстве стремительно и стал заметным по меркам региона событием. Основная линия противостояния развернулась между родительским активом школы и органами управления образования (муниципального и регионального уровня).

2. Для донесения своей позиции основная часть протестной группы использовала в основном личные страницы в социальных сетях, а также вновь созданные сообщества, объединившие активистов. Фиксируются единичные попытки политических акторов из числа системной оппозиции зайти в информационное поле протестующих с целью получения для себя имиджевых дивидендов. При этом так же отмечается четкое обособление протестующих от политических акторов (отсутствие репостов сообщений политиков в пабликах протестующих активистов, отсутствие совместных заявлений и пр.).

3. Указанные факты позволяют сделать вывод, что отсутствие стремления политизировать конфликт со стороны активистских групп и оказывать давление с применением ресурса политических акторов способствовало установлению диалога с властями, корректировке принимаемых решений, затуханию и исчерпанию первоначального конфликтного потенциала.

Библиографический список

1. Вебер М. Город / под общ. ред. Н. И. Кареева. Москва : Юрайт, 2024. 158 с.
2. Воробьева И. Н. Социальный капитал как фактор социального участия: кейс Вологодской области / И. Н. Воробьева, Т. А. Гужавина // Социологический журнал. 2022. №4. С. 82–101.
3. Детский омбудсмен обратился к прокурору из-за объединения школ в Ярославле // Коммерсантъ : сайт. 2024. 09 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7027374> (дата обращения: 26.12.2024).
4. Дмитриев А. В. Конфликтология. Москва : Гардарика, 2000. 54 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, примечания В. В. Сапова. Москва : Канон, 1996. 432 с.
6. Запрудский Ю. Г. Социальный конфликт. Ростов-на-Дону : Феникс, 1992. 125 с.
7. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта : учебное пособие для студентов ВУЗов (изд. в рамках программы обновления гум. образования). 3-изд. доп. и пер. Москва : Аспект-Пресс, 1996. 317 с.
8. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О. А. Назаровой. Москва : Идея-Пресс ; Дом интеллектуальной книги, 2000. 208 с.
9. Кривошеев А. А. Концептуальные основания изучения контрдискурса в социальных медиа // Общество: политика, экономика, право. 2024. №7. С. 69–75.
10. Ларичев А. А. Локальные сообщества как средство разрешения городских конфликтов / А. А. Ларичев, Л. В. Солдатова, В. В. Таболин // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. №4. С. 902–918.
11. Михаил Евраев поддержал педагогов и родителей школы №42 Ярославля // РИА Новости : сайт. 2024. 18 сент. URL: <https://ria.ru/20240918/evraev-1973524562.html> (дата обращения: 26.12.2024).
12. Мэрия Ярославля разработала новые варианты объединения школ и детсадов // Коммерсантъ : сайт. 2024. 03 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198707> (дата обращения: 26.12.2024).
13. Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки. Основные результаты комплексного исследования. Москва: ЦИРКОН. 2018. С. 6. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/452/Neformalnaya-aktivnost-moskvichei-osnovnie-itogi.pdf> (дата обращения: 20.01.2025).
14. Парма Р. В. Теоретические основания формирования социального недовольства // Власть. 2023. №1. С. 116–123.
15. Соколов А. В. Природа и конфликтные стратегии городских сообществ в условиях виртуализации политического пространства / А. В. Соколов, Д. Е. Палатников // Власть. 2019. Том. 27. № 6. С. 97–102.
16. Спенсер Г. Личность и государство:// Санкт-Петербург: Вестник знания, 1908. // Национальная электронная библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_126506_%7CF2701F77-F44D-4707-8114-B2E5E14453A4/ (дата обращения: 23.12.2024).
17. Суд отменил решение о приостановке объединения школ и детсадов в Ярославле // Коммерсантъ : сайт. 2024. 18 сент. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7165826> (дата обращения: 26.12.2024).
18. Cheng, Z., Zhang, B., & Gil de Zúñiga, H. Antecedents of Political Consumerism: Modeling Online, Social Media and WhatsApp News Use Effects Through Political Expres-

sion and Political Discussion // The International Journal of Press/Politics. 2023. № 28(4). 995-1016 p. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/19401612221075936> (дата обращения: 24.02.2025).

19. Kestler T. The Motivational Power of Ideas in Institutions and Collective Action // Hum Stud. 2023. № 46. 59-78 p. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10746-023-09661-x> (дата обращения: 24.02.2025).

20. Kim D.H., Ellison N.B. From observation on social media to offline political participation: The social media affordances approach // New Media & Society. 2022. 24(12), 2614-2634 p. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461444821998346> (дата обращения: 24.02.2025).

21. Wandu Joni I., et al. Study of «Functional Structure» Emile Durkheim Reviewed From Educational Anthropology on Character and Behavior Society // Ikhtisar: Jurnal Pengetahuan Islam. 2021, vol. 1, no. 1, pp. 39-51. URL: <https://doi.org/10.55062/IJPI.2021.v1i1.9>.

Reference list

1. Вебер М. Город = City / под обш. ред. Н. И. Карева. Москва : Jurajt, 2024. 158 с.
2. Vorob'eva I. N. Social'nyj kapital kak faktor social'nogo uchastija: kejs Vologodskoj oblasti = Social capital as a factor of social involvement: the Vologda region case / I. N. Vorob'eva, T. A. Guzhavina // Sociologicheskij zhurnal. 2022. №4. S. 82–101.
3. Detskij ombudsmen obratilsja k prokuroru iz-za ob#edinenija shkol v Jaroslavl = The Children's Ombudsman appealed to the prosecutor because of the school merger in Yaroslavl // Kommersant# : sajt. 2024. 09 sent. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7027374> (дата обращения: 26.12.2024).
4. Dmitriev A. V. Konfliktologija = Conflictology. Moskva : Gardarika, 2000. 54 s.
5. Djurkgejm Je. O razdelenii obshhestvennogo truda = On the division of social labour / per. s fr. A. B. Gofmana, prim. V. V. Sapova. Moskva : Kanon, 1996. 432 s.
6. Zaprudskij Ju. G. Social'nyj konflikt = Social conflict. Rostov-na-Donu : Feniks, 1992. 125 s.
7. Zdravomyslov A. G. Sociologija konflikta = Sociology of conflict : uchebnoe posobie dlja studentov VUZov (izd. v ramkah programmy obnovlenija gum. obrazovanija), 3-izd. dop. i per. Moskva : Aspekt-Press, 1996. 317 s.
8. Kozer L. Funkcii social'nogo konflikta = Social conflict functions / per. s angl. O. A. Nazarovej. Moskva : Ideja-Press ; Dom intellektual'noj knigi, 2000. 208 s.
9. Krivosheev A. A. Konceptual'nye osnovanija izuchenija kontrdiskursa v social'nyh media = Conceptual bases for studying counterdiscourse in social media // Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo. 2024. №7. S. 69–75.
10. Larichev A. A. Lokal'nye soobshhestva kak sredstvo razreshenija gorodskih konfliktov = Local communities as a means of urban conflict resolution / A. A. Larichev, L. V. Soldatova, V. V. Tabolin // Vestnik RUDN. Serija: Juridicheskie nauki. 2023. №4. S. 902–918.
11. Mihail Evraev podderzhal pedagogov i roditelej shkoly №42 Jaroslavlja = Mikhail Evraev supported teachers and parents of Yaroslavl school No. 42 // RIA Novosti : sajt. 2024. 18 sent. URL: <https://ria.ru/20240918/evraev-1973524562.html> (дата обращения: 26.12.2024).
12. Mjerija Jaroslavlja razrabotala novye varianty ob#edinenija shkol i detsadov = Yaroslavl Mayor's Office has developed new options for schools and kindergartens merger //

Kommersant# : sajt. 2024. 03 okt. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7198707> (data obrashhenija: 26.12.2024).

13. Neinstitucional'naja social'naja aktivnost' grazhdan: formy realizacii i vozmozhnoj podderzhki. Osnovnye rezultaty kompleksnogo issledovanija = Non-institutional social activity of citizens: forms of realization and possible support. The main results of a comprehensive study. Moskva: CIRKON. 2018. S. 6. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/452/Neformalnaya-aktivnost-moskvichei-osnovnie-itogi.pdf> (data obrashhenija: 20.01.2025).

14. Parma R. V. Teoreticheskie osnovanija formirovanija social'nogo nedovol'stva = Theoretical bases for the emergence of social discontent // *Vlast'*. 2023. №1. S. 116-123.

15. Sokolov A. V. Priroda i konfliktnye strategii gorodskih soobshhestv v uslovijah virtualizacii politicheskogo prostranstva = The nature and conflict strategies of urban communities in the context of political space virtualization / A. V. Sokolov, D. E. Palatnikov // *Vlast'*. 2019. Tom. 27. № 6. S. 97–102.

16. Spenser G. Lichnost' i gosudarstvo = The individual and the state // *Sankt-Peterburg: Vestnik znaniya*, 1908. // Nacional'naja jelektronnaja biblioteka. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_126506%7CF2701F77-F44D-4707-8114-B2ECE14453A4/ (data obrashhenija: 23.12.2024).

17. Sud otmenil reshenie o priostanovke ob#edinenija shkol i detsadov v Jaroslavle = The court overturned the decision to suspend the merger of schools and kindergartens in Yaroslavl // *Kommersant#* : sajt. 2024. 18 sent. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7165826> (data obrashhenija: 26.12.2024).

18. Cheng, Z., Zhang, B., & Gil de Zúñiga, H. Antecedents of Political Consumerism: Modeling Online, Social Media and WhatsApp News Use Effects Through Political Expression and Political Discussion // *The International Journal of Press/Politics*. 2023. № 28(4). 995-1016 p. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/19401612221075936> (data obrashhenija: 24.02.2025).

19. Kestler T. The Motivational Power of Ideas in Institutions and Collective Action // *Hum Stud*. 2023. № 46. 59-78 p. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10746-023-09661-x> (data obrashhenija: 24.02.2025).

20. Kim D.H., Ellison N.B. From observation on social media to offline political participation: The social media affordances approach // *New Media & Society*. 2022. 24(12), 2614-2634 p. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1461444821998346> (data obrashhenija: 24.02.2025).

21. Wandu Joni I., et al. Study of «Functional Structure» Emilie Durkheim Reviewed From Educational Anthropology on Character and Behavior Society // *Ikhtisar: Jurnal Pengetahuan Islam*. 2021, vol. 1, no. 1, pp. 39-51. URL: <https://doi.org/10.55062/IJPI.2021.v1i1.9>.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-45
EDN NUDJLT

**Геополитика и бремя прошлого:
исторические нарративы как инструмент политического влияния**

Владимир Ильич Пештиев

Доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
keu08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6356-7651>

Аннотация. В эпоху стратегической неопределенности в международной политике возрастает значение истории, ее идей и событий, то есть фактов с общественным резонансом для современников и потомков. История врывается волею судьбы во все политические процессы и в целом в цивилизацию, которая становится опорой в неустроенном мире. В истории переплетаются ошибочное, непреложное, невостребованное и идеальное (желаемое). Такой симбиоз (сосуществование одного в другом) осложняет анализ сценариев развития ситуации в геополитике и выбор приоритетного решения, то есть адекватного для контекста, места, времени и ведущих игроков. В этом автор статьи видит концептуальный ресурс геополитики, политиков и политологов, интересующихся международными отношениями. В статье уроки истории прослеживаются на рубежных событиях европейской истории, таких как Революция 1789 года во Франции, Франко-прусская война 1870–1871 гг., Версальский договор 1919 г. и др. Открытие больших циклов конъюнктуры (Й. Шумпетер) позволяет переосмыслить перипетии послевоенного переустройства в Европе и мире. Подчеркнуты концептуальная ценность и прагматическая острота феномена «непризнанные государства и границы». Обращено внимание на новые тренды в геополитике – «политика побеждает экономику». В геополитике следует принимать во внимание фактор «соседства», итог долгой истории и географии сожителства друг с другом государств, наций, цивилизаций.

Ключевые слова: международные отношения; геополитика; Россия; ЕС; ООН; НАТО; ШОС; БРИКС; исторический нарратив; СВО

Для цитирования: Пештиев В. И. Геополитика и бремя прошлого: исторические нарративы как инструмент политического влияния // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 45–58. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-45>. <https://elibrary.ru/NUDJLT>.

© Пештиев В. И., 2025

Original article

**Geopolitics and the burden of the past:
historical narratives as a tool for political influence**

Vladimir I. Peftiev

Doctor of economics, professor at the department of economic theory and management, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
keu08@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6356-7651>

Abstract. In times of strategic uncertainty in international politics, history, its ideas and events, i.e. facts with public resonance for contemporaries and future generations, is becoming increasingly important. History enters all political processes and the civilization as a whole and becomes a support in an unsettled world by the will of fate. History intertwines the erroneous, the immutable, the unclaimed, and the ideal (desired). Such symbiosis (coexistence of one in the other) complicates the analysis of geopolitical scenarios and the choice of a priority solution, which is adequate for the context, place, time and the leading players. The author of the article sees this as a conceptual resource for geopolitics, politicians and political scientists interested in international relations. The article looks at history lessons through the milestone events of European history, such as the Revolution of 1789 in France, the Franco-Prussian War of 1870-1871, the Treaty of Versailles of 1919, etc. The discovery of big cycles of conjuncture (J. Schumpeter) helps to rethink the vicissitudes of the post-war transformation in Europe and the world. The author emphasizes the conceptual value and pragmatic acuteness of the “unrecognized states and borders” phenomenon. The article draws attention to new trends in geopolitics – “politics beats economics”. Geopolitics should take into account the factor of “neighborhood”, the result of long historical and geographical cohabitation of states, nations and civilizations.

Key words: international relations; geopolitics; Russia; EU; UN; NATO; SCO; BRICS; historical narrative; Special military operation (SMO)

For citation: Peftiev V. I. Geopolitics and the burden of the past: historical narratives as a tool for political influence. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 45–58. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-45>. <https://elibrary.ru/NUDJLT>.

Всегда оставляйте неприятелю ворота и дороги открытыми, чтобы *облегчить отступление*. Сколько побед вырвано побеждёнными из рук победителей единственно потому, что победители, наперекор здравому смыслу, стремились к полному и окончательному уничтожению врага.

Франсуа Рабле (1494–1553)

Введение

Трехлетие СВО – рубеж предвзятительного анализа в геополитике.

Накопилось множество точек бифуркаций, поводов для оценки

происходящего и прогнозов на непосредственное будущее:

– неоднозначные выборы в Европарламент с сохранением в руководстве ЕС и НАТО сторонников дальнейшей *конфронтации* с Россией;

– поражение консерваторов на выборах в парламент Великобритании;

– национальное собрание Франции после внеочередных выборов (инициатива президента Э. Макрона) раскололось на непримиримые фракции;

– завершилась интрига с выборами президента США.

Из состоявшихся пертурбаций в Европе тревожная конъюнктура складывается вследствие: а) шаткости президентской власти во Франции; б) эрозии влияния канцлера ФРГ в правящей коалиции. Европейское направление *геополитики* может испытывать шок, исходящий от США. Для выхода из хитросплетений *геополитики* автор ориентируется на три методологических посыла.

1) «Мировой дух лукав и терпелив» (Гегель) [Цит. по: Кожев, 2003, с. 760]. Изречение Гегеля обладает мистикой, недоступной здравому смыслу и строгой логике учёного. Эту энигму изгоняли из марксизма известные философы К. Мамардашвили (Россия) и Л. Альтюссер (Франция) [Майданский, 2024]. Авторская интерпретация афоризма такова. Идеи персонифицированной власти создают, с одной стороны,

иллюзии совпадения ее действий с объективными законами истории, но история в конечном счете отвергает устарелые гипотезы и выдвигает новые – с другой. Иными словами, трудности прогрессу и истине вытекают из-за сопротивления старых представлений, а не появления новых. *Du choc des idées jaillit la vérité.* В споре рождается истина (*перевод не соответствует французскому оригиналу.* – В. П.).

2) Война изменяет все. Вечная истина? Принимаем на веру Древнегреческое изречение, но с одной существенной оговоркой: взаимосвязи войны и *геополитики* запутанны и непредсказуемы. Возможна после СВО и патовая ситуация на Украине: отдельные цели (нейтральный статус, денацификация +) потребуют дополнительных усилий за пределами военно-технического ответа на вызовы G7 и НАТО. На переговорных площадках возможны ловушки Запада против России: а) раздел Украины с ущербом для ее государственности; б) переговоры с США о глобальной безопасности, контроле над вооружениями во всех средах без достижения договоренностей по украинскому «кейсу» («досье»); в) инспирированные Западом маневры по торпедированию мирной инициативы Китая и Бразилии, других посреднических миссий по конфликту вокруг Украины.

3) Война и революция – это общающиеся сосуды в истории и *геополитике*. «Для каждой эпохи

своё соотношение войны и революции» (Токвиль) [Пефтиев, 2022, с. 129]. В статье утверждается тезис о Февральской революции 2022 года в геополитике, ставшей явью с признанием республик Донбасса (ДНР и ЛНР) и объявлением специальной военной операции (СВО) России на Украине. Ей (СВО) предшествовал конфронтационный обмен меморандумами о региональной безопасности между НАТО и Россией (ноябрь – декабрь 2021 г.). СВО – это *не только и не столько* военно-технический ответ России на *вызовы* США и НАТО, но и принуждение к миру, переговорам о единой, равной и неделимой безопасности, без диктата, дискриминации, санкций. Регулярные сессии ШОС и БРИКС неторопливо выстраивают инструменты и процедуры реагирования на весь спектр угроз в Евразии. Иными словами, военные конфликты 20-х годов XXI в. открывают эпоху революционных преобразований в Европе, на Ближнем Востоке и Азии.

1. Мировой дух лукав и терпелив. Современная версия

Обратимся к рубежным сюжетам всемирной истории (5). Они сопряжены с сочинениями мыслителей разных эпох, от Алексиса де Токвиля (1805–1859) до Й. Шумпетера (1883–1950) и Х. Моргентау (1904–1980). Дополнительная информация по сюжетам и персоналиям имеется в авторских публикаци-

ях; часть из них отражена в библиографическом списке.

Сочинение *Алексиса де Токвиля* «Старый порядок и революция» (1856) остается настольной книгой для многих поколений политологов, историков обществоведческой мысли. В нем каждая страница вызывает размышления. В предисловии Токвиль напоминает о своем замысле: «Я желал уяснить себе *не только недуг*, от которого погиб большой (*Старый порядок*. – В. П.), но и те условия, при которых он мог *избегнуть смерти*» [Токвиль, 1905, с. 13]. Революция как судорожный порыв менее всего была событием внезапным [Токвиль, 1905, с. 36, 37].

В середине XVIII века литераторы оказались в роли главных государственных людей во Франции, хотя они не обладали ни чинами, ни почетными привилегиями, ни ответственностью, ни властью [Токвиль, 1905, с. 157, 159]. Вспомним разгул гласности в годы Перестройки. Идеи политической свободы в собственном смысле и любовь к ней явились последними и первые исчезли [Токвиль, 1905, с. 177]. Политической революции предшествовал крупный административный переворот [Токвиль, 1905, с. 213]. Тезисы для дискуссий. Продлеваем мысль А. де Токвиля: СВО – это пролог глубочайшей трансформации миропорядка, сопоставимый с революцией 1789 года во Франции.

История Франко-прусской войны и Парижской коммуны ждет переосмысления отдельных вех. П. П. Черкасов внимательно изучил дипломатическую переписку и свидетельства П. Н. Окунева, временного поверенного в делах России во Франции. А. Тьер, вчерашний «предатель» демократии, превратился в первого республиканца, «прозорливого оракула». Л. Гамбетта организовал «национальную оборону», за 6 месяцев обуздал анархию. Парижская коммуна – это «патриотическое восстание» после попытки арестовать руководителей национальной гвардии. Явный разрыв с марксистской трактовкой Парижской коммуны: первый опыт диктатуры пролетариата, правда, неудачный из-за ошибок прудонистов и бланкистов [Черкасов, 2023]. Серьезный повод для углубленных исследований [Пeftиев, 2020]. Важен и геополитический урок военного поражения Франции: она отказалась от призывов к реваншу, а Конституция Франции 1875 года прошла испытания временем и завершила свой жизненный срок в 1940 г.

Великобритания вместе с Францией настояла на унижительных пунктах Версальского договора для имперской Германии, испытавшей горечь капитуляции в «Великой войне» (1914–1918): признание вины за развязывание войны, разоружение, репарации, пересмотр границ с соседями, другие ограничения суверенитета. Ликование побе-

дителей (Антанты и ее союзников) не поддержал приглашенный на Парижскую мирную конференцию (июнь 1919 г.) Дж. М. Кейнс (1883–1946), будущий реформатор политэкономии и геополитики. В трактате о Версальском договоре (1924) запоминаются четкие штрихи (психологические и деловые) к портрету лидеров тогдашней эпохи. «Французы уничтожают все, чего достигла Германия с 1870 г.» [Кейнс, 1924, с. 16]. «Французы ищут возбуждения <...> и ведут себя так, будто бы иностранная политика есть дело такого же рода, как *дешевая мелодрама*» [Кейнс, 1924, с. 133]. Версальский договор «*неразумен, отчасти невыполним, опасен для жизни Европы*» [Кейнс, 1924, с. 5, 67]. «Польша должна цвести и блистать среди пепла России и развала Германии» [Кейнс, 1924, с. 132]. Тень Версаля еще долго витала над послевоенной Европой, которая проглядела становление нацизма и фашизма в Германии и Италии в атмосфере реванша. Через столетие военная доктрина ЕС, G7, НАТО руководствуется иррациональным постулатом о «стратегическом поражении» России на Украине и в мире.

Й. Шумпетер (1883–1950) прослыл «еретиком» в истории экономической мысли (Ф. Перру, 1965). Его нетривиальные идеи опережали каноны современников и вошли в повестку XXI века. Первая «крамола»: экономику нельзя объяснить *только* экономикой. Она прозвуча-

ла как саморазоблачение гордыни экономистов, указав на значение внеэкономических факторов, сопряженных и смежных с проблемным полем политэкономии. Шумпетер называл некоторые из них (паника, войны, банкротства). Век спустя, она возродилась в концепции «инклюзивности» и модели ESG (экология, социология, управление), важные не только в корпоративном менеджменте, но и при разработке Стратегий развития на десятилетие и дальше. Второе инакомыслие заключалось в выходе за пределы триады Ж.-Б. Сея (земля, труд, капитал) и в обосновании значения новых комбинаций производства (инновации, предпринимательский талант и др.). Тогда, в момент написания книги «Теория экономического развития» (1912–1913, *belle époque*), не предполагалось, что вскользь брошенное наблюдение откроет дорогу концепции «социально-рыночного хозяйства» и нетрадиционным инструментам геополитики (политический менеджмент и избирательные технологии). И последнее несогласие с бытовавшими до середины 20-х годов XX в. интерпретациями экономических кризисов. Й. Шумпетер (независимо от Н. Д. Кондратьева) вплотную подошёл к выявлению больших циклов *конъюнктуры* с ключевыми понятиями (поворотные точки, восстановительный рост, перемещение волнообразной кривой вниз). Международная известность

Й. Шумпетера (Австро-Венгрия, Британия, США, Франция, Япония) высветила ему слабости национальных школ политэкономии («новые задачи им не по плечу»). Допускаем *предположение*, что Й. Шумпетер продвигался к феномену «глобализация» [Шумпетер, 1982]. Эти идеи и выводы входят в непреложное наследие XX века, и вершиной творчества Й. Шумпетера является, на наш взгляд, образ (метафора) «созидательное разрушение» применительно к мировым войнам и радикальным трансформациям.

Геополитика причастна и к дискуссионной триаде право – мораль – сила (принуждение к миру). Общий подход к ней изложил Ханс Моргентау (1904–1980): «Политический реализм верит, что политика, как и общество в целом, управляется объективными законами, которые уходят корнями в природу человека. Реализм утверждает, что универсальные моральные принципы <...> должны быть отфильтрованы с учётом конкретных обстоятельств и места. Индивид может сказать от своего имени: “Fiat justitia, pereat mundus” (“Пусть свершится правосудие, даже если мир погибнет”), но *государство* не имеет право говорить *это* от имени тех, кто находится на его попечении» [Цит. по: Арбатова, 2024, с. 91].

Документы ООН и международное право (теория и практика) не нашли приемлемых решений и согласительных процедур по колли-

зии права наций и регионов на самоопределение и гарантий устойчивости государственных границ. Политизация, проникшая в международные суды и трибуналы, затягивает на годы и десятилетия кровавые международные конфликты (Косово и Донбасс тому примеры). Геополитика столкнулась с растущими перечнями непризнанных государств, территорий, образований. Итоги референдумов отвергаются под надуманными предложениями. Остается последний аргумент – военная сила, принуждение к переговорам. Полагаем, что и после официального завершения СВО Украина останется *непризнанной границей* между Россией и НАТО.

Поворот к Большой Евразии – ожидаемый и насущный сдвиг в геополитике. Он означает: а) исчерпание военно-политического потенциала ЕС и НАТО в Европе на текущий момент (за 2–3 года); б) завершение в основном СВО России на Украине; в) появление новых ареалов озабоченности США и её союзников в Индо-Тихоокеанском регионе (AUCUS, Япония, Ю. Корея); г) консолидация Не-Запада на площадках ШОС, БРИКС, ЕАЭС, СНГ [Голуб, Шеннин, 2024; Педтиев, 2024].

Безопасность в Большой Евразии должна быть единой, равной и неделимой. Европа знала взлеты и падения своих центров цивилизации, таких как Эллада, Рим, Средиземноморье, Испания и Португалия, Нидерланды и Британия. Закат

Европы неминуем без сотрудничества с Россией и Евразией. Политические альянсы жизнеспособны при условии интеграции ее членами своих природных ресурсов (возобновляемых и ископаемых) и высоких технологий. Таково знамение XXI века.

2. Война изменяет все...

Вечная истина?

Деление истории *до* и *после* войны не вызывает возражений. Но применительно к *незавершенной* действительности (*inachevée*) её описание и главное – понимание – тезисны, субъективны и фрагментарны. С этими предостережениями приступаем к изложению темы.

СВО России на Украине. Странные сближения ее с войнами XX века, полагаем, некорректны в самых главных ее аспектах. СВО как военная операция уникальна и одновременно композитна (гибридна) по стратегии, тактикам и вооружениям каждый год ее проведения. Воюющие стороны де факто уклонялись от генеральных наступлений с применением огромной массы людей, техники, оружия и боеприпасов. СВО – это полигон тестирования старых, новых и перспективных разработок ОПК. Эта операция войдет в анналы военной истории поучительными образцами как достижений, так и просчетов в целом и по эпизодам. Современникам не дана возможность оценить без хулы и хвалы данное эпохальное событие. Последующие поколения найдут

взвешенные и приближенные к истине формулировки.

Гонка вооружений в Европе и НАТО. Ее детерминанты троякие, а каналы реализации наблюдаемые и скрытые. *Во-первых*, финансовые возможности и ограничения. Важны а) бюджетные ассигнования; б) доля в бюджете и в) в % к ВВП. Последний индикатор рассматривается как ключевой – 2 % как обязательный минимум. *Во-вторых*, потенциал ВПК каждого члена НАТО (32) по вооружениям, технике, боеприпасам. Военные заказы выполняют избранные и проверенные ТНК, но обращают внимание на сотрудничество с гражданским сектором экономики (так называемые капиллярные связи). *В-третьих*, экспортные поставки и военная помощь Украине. По этой триаде безусловно лидируют США, но заметен и вклад в милитаризацию Великобритании, Франции и Германии.

Милитаризация экономики дает эффект в среднесрочном периоде как мультипликатор *экономического роста*. Так, на пике пандемии замечен *рост* военных заказов для компенсации потерь от сжатия деловой активности... Но взрывной эффект милитаризации по определению ненадежен по срокам и волатильности. Наблюдаемый парадокс за 1991–2021 гг.: «холодная война» якобы закончилась, но военные расходы растут (пять волн расширения НАТО, особенно после 2008 г.). В гонке вооружений всегда есть и будут выигравшие и проигравшие.

На юбилейной сессии НАТО в Вашингтоне (9–11 июля 2024 г.) одобрены решения: а) НАТО должна обладать единой оборонной стратегией и политикой; б) НАТО нужно иметь дополнительно 35–40 бригад (каждая от 3 до 7 тыс. чел.); в) ВПК НАТО выйдет на планируемые объемы к 2026–2027 гг. Если отбросить риторические прикрытия, то взят курс на гонку вооружений, которая, видимо, пройдет по *трем направлениям*. *Первое* – выгодные контракты для США и отдельных стран Европы и мира под нужды текущих военных конфликтов (Украина, Ближний Восток, Тайвань). *Второе направление* связано с изделиями высоких технологий, апробированных на Украине, таких как системы раннего предупреждения, ударные и разведывательные дроны, безэкипажные корабли и роботы. И *третье направление* доступно лишь избранным и включает АПЛ и самолеты новых поколений, искусственный интеллект (ИИ) в военном деле, спутниковые группировки, сверхзвуковые ракеты и др. Такой расклад потенциалов не в пользу Франции, вытесняемой с арены военно-технического сотрудничества. Впереди схватка желаемого и возможного, ресурсов и военно-политических доктрин.

Политика побеждает экономику – таков новый тренд XXI в., в отличие от модели рубежа XIX–XX вв. («политика – есть продолжение экономики», В. И. Ленин). Инициатором дисфункций между экономикой и политикой стали санкции

США, G7, ЕС против России, Китая, других незападных цивилизаций. Санкции (ограничения) обращены в дежурный инструмент конфронтационной конкуренции, давления на оппонентов (врагов, противников). За годы СВО возросли потери, переплаты, недополученные доходы и прибыль корпораций и фирм ЕС. Блок санкций буксует на рынке энергоносителей для России. По данным Минфина РФ, нефтегазовые доходы России за январь – июль 2024 г. возросли на 68,5 % до 5,7 трлн руб. Бумеранг санкций усложнил финансы ФРГ: бюджет страны на 2025 г. составлен с дефицитом в 18 млрд евро (экстраординарная ситуация). В дальнейшем не избежать увеличения государственного долга за счет внутренних и внешних заимствований. Одновременно сокращается вдвое военная помощь Украине. Украина избежала дефолта по еврооблигациям (Pa Fitch, статус Украины – «С») только благодаря реструктуризации на ближайшие три года. Но возрастают риски потери Украиной контроля в АО, занимающихся разработкой природных ресурсов. Запредельный дефицит бюджета Украины – 17 % от ВВП страны. См.: [Коммерсантъ, 2024, с. 5].

Однако санкции всерьез и надолго. Ведь глубинные корни их расширения и продления спрятаны под покровом тревоги за будущее Запада из-за возрождения Востока и Юга. Они связаны и не связаны с СВО. Налицо столкновение двух эгоизмов:

а) политики видят успех в истощении ресурсов России и б) капитал, ведомый мотивацией на прибыль либо приспосабливается к санкциям (в том числе и «серыми схемами»), либо добивается их эрозии.

Картина *деиндустриализации* мозаична. Отток капитала по соображениям рентабельности в юрисдикции США, Китая, ЮВА. Масштабирование низких технологических переделов... Сокращение и упрощение производственных программ. Участвовавшие убытки и банкротства. Появляются депрессивные земли, провинции, агломерации. Безоглядная вера в «энергопереход» («зеленая энергетика») более всего наносит ущерб экономике ФРГ (Франция дистанцируется от культа ВИЭ); отсюда и различия в типах и масштабах деиндустриализации. Декарбонизацию промышленности и запрет на инвестиции в «токсичные» отрасли руководство ЕС воспринимает как наименьшее зло в сравнении с целями «Зеленого курса» (одобрен в 2021 г.). Ожидания от «ЗК» амбициозны: устойчивое развитие, климатическая нейтральность, благоприятная городская среда. «Зелёный курс» является, по замыслу ЕК, политическим ответом на запрос общества, третьей моделью экономической интеграции (после единого рынка и валютного союза) [Кавешников, 2024].

Деиндустриализация как феномен XXI в. многовекторный по происхождению и протеканию. *Во-первых*, эффект санкций, то есть рукотвор-

ный, нерыночного характера фактор функционирования экономики. Во-вторых, «созидательное разрушение» (Й. Шумпетер) с перекосом на разрушение выступает как проявление противоречивости процесса трансформации экономики и общества. В-третьих, продукт однополярной глобализации (à la USA), травмирующей международные отношения вопреки императивам разумности, без диктата и вассалитета. Эти манифестации *силы* (конфронтационной, жестокой, с коротким жизненным циклом) вносят хаос, стратегическую неопределенность, подтачивают устои миропорядка, ограждающего скольжение к катастрофе вселенского масштаба.

Что же касается текущего момента, то видимые и измеряемые приметы деиндустриализации в Евросоюзе не дают достаточных оснований для избыточных ожиданий ослабления потенциала Германии и Франции из-за санкций против России и вовлечения в украинский кризис. Издержки немалые, но они многовекторные: а) релокация транспортных и товарных потоков по макрорегионам; б) побочный эффект «созидательного разрушения» (Й. Шумпетер) после пандемии, рецессии, собственной модернизации; в) отрицательный баланс приобретений и потерь во взаимоотношениях с США и НАТО.

Тревогу вызывает *перенапряженность финансов* (дефицит бюджета, взносы в НАТО, государственные долги, содержание мигрантов и беженцев). К сказанному добавим *шаткость президентской власти* во

Франции и ослабление влияния канцлера О. Шольца в Германии. Но самый мощный подрыв экономического суверенитета в ЕС видится нами в непродуманной гонке вооружений (по рекомендациям НАТО и/или под давлением генералитета и ВПК), что отдалит или сорвет выполнение Плана прорыва (Relance) по высоким технологиям (срок завершения – 2027 год). В ближайшие кварталы не исключено истощение внутренних источников финансирования в ФРГ (25 % ВВП ЕС); может сказаться полярная динамика между производящей экономикой (со знаком минус в химической промышленности страны) и сферой услуг в зоне евро (нездоровый рост). Таков пессимистический сценарий деиндустриализации для Евросоюза, который рискует испытать на собственном опыте вызовы и тревоги «потерянного десятилетия».

Финальный вывод. «Забыть Европу!». Она временно, до конца 20-х гг., перестала быть партнером (пусть и конкурентным) в геополитике. Забыть, но наблюдать за происходящим у европейских соседей России, особенно во Франции, Германии, Италии, отдельных странах Центральной Европы (Австрия, Венгрия, Словакия). География и история, надеемся, помогут избежать самого худшего и найти выходы из лабиринтов *конфронтации*. Не в одиночку, а в контексте *евразийской безопасности*, с Китаем и Индией, сотрудничества в ШОС, БРИКС, ЕАЭС [Лишуан, 2024].

Заключение

Заканчивается первая четверть XXI века. Не ослабевает стратегическая неопределенность после пандемии, рецессии и СВО. Значит, усталость от шоков и стрессов будет проявляться в заблуждениях, ошибках и просчетах основных игроков в геополитике. Так, президент Франции заблуждался, полагая, что внеочередные выборы сделают парламент страны (Национальное собрание) управляемым. Подвела Э. Макрона ничем не сдерживаемая самоуверенность в успехе партии «Возрождение». После первого тура экстравагантный альянс с левой оппозицией. В итоге шаткость президентской власти и уход из активной международной жизни на значимое время, подрыв своего международного авторитета. К подобным просчетам может подвести русофобия старых–новых руководителей ЕС и НАТО.

Вердикт в терминах победы/поражение абсолютно не пригоден для разрешения украинского конфликта. Россия и Украина – это страны, соединённые географией и историей. Невозможно игнорировать *sosiedstvo* как глубинный фактор в геополитике. Компромисс неизбежен при любом ожесточении воюющих сторон. Важно помнить исторические уроки, что чувство реванша губительно для нации, цивилизации на поколения, столетия. Его опасно ранивать; долг политиков искать и находить мудрые решения.

Военные конфликты текущего десятилетия сложные и запутанные по иерархии состава участников

(непосредственных и *proxii*). Неизбежен и передел государственных границ полусуверенных государств, непризнанных образований. Проблема глобальная, не чисто европейская и не сугубо военно-политическая. Совет Безопасности ООН не способен умиротворить конфликтующих при отсутствии консенсуса. Проекты миропорядка Ялта 2.0 остаются фантазиями одиночек. Непривычное вмешательство: что делать?

Надежда на новое поколение политиков, отвергающих догмы «холодной войны», затяжной *конфронтации*. И таковые появляются: Ж. Бардалла («Национальное объединение», Франция), В. Орбан, премьер Венгрии и др. Возможны новые люди в руководстве Украины. Не исключена и отставка неугомонного Б. Нетаньяху (Израиль). Ожидаются острые диспуты в парламенте Великобритании между премьером К. Стармером (лейборист) и популистом Н. Фараджем. Попытается возобновить переговоры с США по ядерной сделке новый президент Ирана М. Пезешкиан.

Когнитивный (познавательный) урок политики и истории: не забывать прошлое, охранять его от искажений и замалчиваний, находить в ней (истории) не востребованное, пригодное для текущей практики. И не помешает философское освоение эпохальных событий, то есть со взглядом назад в масштабе столетий и поколений. И тогда обнаруживаются нюансы (детали), которые будут подсказками для прогнозов XXI века [Барт, 2023].

Идеи, образующие матрицу духа эпохи, проверяются общественной практикой. Она же верифицирует и недалековидные идеи, овладевавшие временно сознанием людей во вред потребностям и интересам, нередко постфактум. Маркс ошибался, когда утверждал в «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.), что идеи «не имеют собственной истории» и представляют собой не более, чем «испарения» практической

деятельности общества [Момджян, 2024, с. 39]. Экономист ЦЭМИ РАН В. Е. Дементьев предлагает учитывать исторический опыт, его обобщение (стилизирующие факты). В этой связи он обращает внимание на *сосуществование* периодов одновременного развития старых и новых технологий, то есть *геоэкономика* становится *сложной* [Дементьев, 2024].

Библиографический список

1. Арбатова Н. К. Распад системы коллективной европейской национальной безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. № 6. С. 82–92.
2. Барт Роланд. Нюанс. Лекция 27 февраля 1979 года в Коллеж де Франс // *Неприкосновенный запас*. 2023. № 5. С. 141–156.
3. Гачев Г. Национальные образы мира. Курс лекций в США. 1991. Москва : Academ, 1998. 432 с.
4. Голуб Ю. Г. «Разворот в Азию»: АУКУС в воспроизводстве политикума США / Ю. Г. Голуб, С. Ю. Шенин // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. № 6. С. 52–60.
5. Дементьев В. Е. Современная экономическая теория и стилизованные факты // *Вопросы экономики*. 2024. № 7. С. 5–24.
6. Кавешников Н. К. «Зелёный курс» как триггер интеграции в Европейском союзе // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. № 6. С. 93–107.
7. Карпенко К. В. Два суверенитета для одного государства: Ш. де Голль и Ф. Петэн // *История государства и права*. 2024. № 3. С. 18–22.
8. Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского договора / пер. с англ. и предисл. Д. П. Кончаловского. 2-е издание. Москва–Ленинград : Гос. изд-во, 1924. 135 с.
9. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Санкт-Петербург : Наука, 2003. 760 с.
10. Круглый стол. Э. В. Ильенков. К 100-летию со дня рождения (1924–1979) // *Вопросы философии*. 2024. № 3.
11. Лишуан Го «Кто мы»: цивилизационные идеи классического евразийства и их эволюция / Лишуан Го, Узяля Ван, Цзин Сюй // *Вопросы философии*. 2024. № 7. С. 102–113.
12. Майданский А. Д. Открытия домашнего архива Э. В. Ильенкова // *Вопросы философии*. 2024. № 3. С. 84–94.
13. Махлин В. Л. Единственный среди многих: М. М. Бахтин и смена парадигмы в гуманитарном познании // *Вопросы философии*. 2023. № 12. С. 169–179.
14. Момджян К. Х. Теория Маркса и реалии мировой и российской истории // *Вопросы философии*. 2024. № 6. С. 38–44.

15. Пефтиев В. И. Конституция Франции 1875: причины устойчивости // Вопросы отечественной и зарубежной истории : мат. межд. конф. «Чтения Ушинского». Ч. 2. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 48–52.
16. Пефтиев В. И. *Евросоюз* в геополитике: закат суверенитета / В. И. Пефтиев, Л. А. Титова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 179 с.
17. Пефтиев В. И. Рецессия и геополитика: проблемное поле политэкономии / В. И. Пефтиев, Л. А. Титова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 167 с.
18. Репников Д. А. Оборонные расходы и экономический рост стран мира: детерминанты и каналы взаимовлияния // Рос. внешнеэк. вестник. 2024. № 5. С. 48–58.
19. Токвиль А. Старый порядок и революция / Пер. с фр. под ред. П. Г. Виноградова. Издание четвертое. Москва : Товар. И. Н. Кушнеров и К°, 1905. 353 с.
20. Храмчихин А. А. Борьба за мир при полной капитуляции // Незав. военное обозрение. 2024. № 2. С. 1, 3.
21. Черкасов П. П. Рождение Третьей республики во Франции глазами российского дипломата (сент. 1870 – май 1871 гг.) // Новая и новейшая история (НИИ). 2023. № 6. С. 77–94.
22. Шелкунов М. Д. Эта многолюдная и разноликая глобализация / М. Д. Шелкунов, С. А. Сергеев, О. Д. Агапов // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 92–103.
23. Шимов В. В. Белорусско-литовские отношения: как политика побеждает экономику // Совр. Европа. 2024. № 3. С. 56–67.
24. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Пер. с нем. Москва : Прогресс, 1982. 451 с.

Reference list

1. Arbatova N. K. Raspad sistemy kollektivnoj evropejskoj nacional'noj bezopasnosti = Disintegration of the collective European national security system // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2024. № 6. S. 82–92.
2. Bart Roland. Njuans. Lekcija 27 fevralja 1979 goda v Kollezh de Frans = Nuance. A lecture on February 27, 1979 at the Collège de France // Neprikosnovennyj zapas. 2023. № 5. S. 141–156.
3. Gachev G. Nacional'nye obrazy mira. Kurs lekcij v SShA. 1991. Moskva : Academ, 1998. 432 s.
4. Golub Ju. G. «Razvorot v Aziju»: AUKUS v vosproizvodstve politikuma SShA = “A turn to Asia”: AUKUS in reproducing U.S. policymaking / Ju. G. Golub, S. Ju. Shenin // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2024. № 6. S. 52–60.
5. Dement'ev V. E. Sovremennaja jekonomicheskaja teorija i stilizovannye fakty = Contemporary economic theory and stylized facts // Voprosy jekonomiki. 2024. № 7. S. 5–24.
6. Kaveshnikov N. K. «Zel'jonij kurs» kak trigger integracii v Evropejskom sojuze = “Green Deal” as a trigger for integration in the European Union // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2024. № 6. S. 93–107.
7. Karpenko K. V. Dva suvereniteta dlja odnogo gosudarstva: Sh. de Goll' i F. Petjen = Two sovereignties for one state: Ch. de Gaulle and F. Pétain // Istorija gosudarstva i prava. 2024. № 3. S. 18–22.
8. Kejns Dzh. M. Jekonomicheskie posledstvija Versal'skogo dogovora = Economic impact of the Treaty of Versailles / per. s angl. i predisl. D. P. Konchalovskogo. 2-e izdanie. Moskva–Leningrad : Gos. izd-vo, 1924. 135 s.

9. Kozhev A. Vvedenie v chtenie Gegelja = Introduction to reading Hegel. Sankt-Peterburg : Nauka, 2003. 760 s.
10. Kruglyj stol. Je. V. Il'enkova. K 100-letiju so dnja rozhdenija (1924–1979) = Round table. E. V. Ilyenkov. On the 100th anniversary of his birth (1924-1979) // *Voprosy filosofii*. 2024. № 3.
11. Lishuan Go «Kto my»: civilizacionnye idei klassicheskogo evrazijskogo evrazijstva i ih jevoljucija = "Who we are": civilizational ideas of classical Eurasianism and their evolution / Lishuan Go, Uzaljan Van, Czin Sjuj // *Voprosy filosofii*. 2024. № 7. S. 102–113.
12. Majdanskij A. D. Otkrytija domashnego arhiva Je. V. Il'enkova = Discoveries in E. V. Ilyenkov's home archive // *Voprosy filosofii*. 2024. № 3. S. 84–94.
13. Mahlin V. L. Edinstvennyj среди mnogih: M. M. Bahtin i smena paradigmy v gumanitarnom poznanii = Unique among so many: M. M. Bakhtin and the paradigm shift in humanitarian cognition // *Voprosy filosofii*. 2023. № 12. S. 169–179.
14. Momdzhjan K. H. Teorija Marksa i realii mirovoj i rossijskoj istorii = Marx's theory and the realities of world and Russian history // *Voprosy filosofii*. 2024. № 6. S. 38–44.
15. Peftiev V. I. Konstitucija Francii 1875: prichiny ustojchivosti = The French constitution of 1875: reasons for stability // *Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii* : mat. mezhd. konf. «Chtenija Ushinskogo». Ch. 2. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. S. 48–52.
16. Peftiev V. I. Evrosojuz v geopolitike: zakat suvereniteta = The EU in geopolitics: the decline of sovereignty / V. I. Peftiev, L. A. Titova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2024. 179 s.
17. Peftiev V. I. Recessija i geopolitika: problemnoe pole politjekonomii = Recession and geopolitics: the problem field of political economy / V. I. Peftiev, L. A. Titova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 167 s.
18. Repnikov D. A. Oboronnye rashody i jekonomicheskij rost stran mira: determinanty i kanaly vzaimovlijanija = Defense expenditures and economic growth in the world: determinants and mutual influence channels // *Ros. vneshnejek. vestnik*. 2024. № 5. S. 48–58.
19. Tokvil' A. Staryj porjadok i revoljucija = The old order and revolution / Per. s fr. pod red. P. G. Vinogradova. Izd. 4-e. Moskva : Tovar. I. N. Kushnerov i K^o, 1905. 353 s.
20. Hramchihin A. A. Bor'ba za mir pri polnoj kapituljaciji = Struggle for peace under total surrender // *Nezav. voennoe obozrenie*. 2024. № 2. S. 1, 3.
21. Cherkasov P. P. Rozhdenie Tret'ej respubliki vo Francii glazami rossijskogo diplomata (sent. 1870 – maj 1871 gg.) = The emergence of the Third Republic in France through the eyes of a Russian diplomat (September 1870-May 1871) // *Novaja i novejsaja istorija (NNI)*. 2023. № 6. S. 77–94.
22. Shelkunov M. D. Jeta mnogoljudnaja i raznolikaja globalizacija = This populous and diverse globalization / M. D. Shelkunov, S. A. Sergeev, O. D. Agapov // *Voprosy filosofii*. 2023. № 11. S. 92–103.
23. Shimov V. V. Belorussko-litovskie otnoshenija: kak politika pobezhdaet jekonomiku = Belarusian-Lithuanian relations: how politics beats economics // *Sovr. Evropa*. 2024. № 3. S. 56–67.
24. Shumpeter J. Teorija jekonomicheskogo razvitija = Theory of economic development. Per. s nem. Moskva : Progress, 1982. 451 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 82
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-59
EDN KPEIQM

Культурная символика образа петуха в русской и китайской поэзии

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, г. Чунцин.

²Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий, г. Ярославль

¹e71mih@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Статья посвящена анализу символического потенциала образа петуха в китайской и русской поэзии. Петух рассматривается как семиотический код во многих мировых культурах, один из важнейших орнитоморфных архетипов, позволяющих исследовать как закономерности исторического и культурного развития, так и уникальную специфику индивидуально-авторских художественных миров. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох (Вэнь Тинъюнь, Янь Чжэньцин, Цао Чжи, Ван Аньши, Чжан Цзисянь, Чэнь Цзи, В. Гиляровский, А. Блок, Ф. Сологуб, К. Бальмонт, О. Мандельштам, С. Есенин, Э. Багрицкий, Д. Хармс, Г. Сапгир, В. Берестов, А. Барто, Э. Мошковская, В. Соснора) анализируются различные вариации по актуализации архетипических значений образа петуха в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов; выявляются как универсальные символические коннотации образа петуха, изоморфные для русской и китайской культуры, так и различия принципов художественной репрезентации образа петуха в двух разных культурах. В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных и историко-мифологических реалий. В статье делается вывод, что образ петуха в русской и китайской поэзии несмотря на географическую и культурную дистанцию, обнаруживает удивительное переплетение смыслов, художественная природа образа сложна и разнопланова, этот герой предстает в различных, подчас противоречивых ипостасях – мудреца, хранителя, ментора, демона, стража и т. д., становясь многогранным архетипом, отражающим глубинные представления человека о мире и его устройстве.

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2025

Ключевые слова: символ; мифология; мифопоэтика; образ петуха; орнитоморфный архетип; русская поэзия; китайская поэзия; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа петуха в русской и китайской поэзии // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 59–83. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-59>. <https://elibrary.ru/KPEIQM>.

PHILOLOGY

Original article

Cultural symbolism of the rooster in russian and chinese poetry

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philology, professor at the Institute of foreign languages, Southwest University, Chongqing, PRC.

²Teacher of the Russian language and literature, Yaroslavl College of management and professional technologies, Yaroslavl, Russia

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract. The article analyzes the symbolic potential of the rooster image in Chinese and Russian poetry. The rooster is considered as a semiotic code in many world cultures, as one of the most important ornithomorphic archetypes, which makes it possible to study both the regularities of historical and cultural evolution and the unique specificity of writers' artistic worlds. The works by the following Chinese and Russian poets of different epochs are analyzed in the study: Wen Tingyun, Yan Zhenqin, Cao Zhi, Wang Anshi, Zhang Jixian, Chen Ji, V. Gilyarovskiy, A. Blok, F. Sologub, K. Balmont, O. Mandelstam, S. Esenin, E. Bagritskiy, D. Kharms, G. Berestov, A. Barto, E. Moshkovskaya, V. Sosnora. The authors examine different variations in actualizing the archetypal meanings of the rooster image depending on ethnocultural and civilizational factors, as well as on the writers' cognitive memory; identify both universal symbolic connotations of the rooster, isomorphic for Russian and Chinese culture, and differences in the principles of artistic representation of the rooster in two different cultures. The article draws attention to the change in symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation and on the natural and historical-mythological realities accompanying the key symbol. The authors conclude that the image of the rooster in Russian and Chinese poetry, despite their geographical and cultural distance, reveals an amazing intertwining of meanings, the artistic nature of the image is complex and diverse, this character appears in different, sometimes contradictory hypostases – a sage, a keeper, a

mentor, a demon, a guardian, etc., becoming a multifaceted archetype, reflecting the deep human ideas about the world and its order.

Key words: symbol; mythology; mythopoeics; the rooster image; ornithomorphic archetype; russian poetry; chinese poetry; lyrical hero

This article is published as part of the activities of the Center for studying Russian-speaking countries in Southwest University of the People's Republic of China under the Ministry of Education, PRC

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the rooster in russian and chinese poetry. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 59–83. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-59>. <https://elibrary.ru/KPEIQM>.

Введение

«В споре о том, что было раньше – курица или яйцо, я бы высказался в пользу петуха» [Кумор, 2006, с. 462]. Действительно, образ петуха, с его активной, созидательной ролью в мироздании, наделен богатой культурной символикой, отражающей как древние поверья, так и глубокие философские размышления о времени и бытии, и является одним из важнейших орнитоморфных архетипов. В отечественном и зарубежном литературоведении представлены многочисленные исследования орнитологического дискурса: отражены архетипы и символы «семейных ценностей» в образе голубей, гусей, лебедей [Абакарова, 2017]; анализируются этнокультурные особенности орнитоморфных образов народов Севера [Бычков, 2019]; рассматриваются орнитологические образы в русском языке [Грудева, 2015]; проводится сопоставительный анализ культурной семантики образа ворона в русской и китайской поэзии [Болдырева, 2023],

анализируются орнитологические образы в контексте творчества конкретных поэтов и писателей различных эпох [Цзин Цзинши, 2021; Джанумов, 2019; Абашева, 2019; Федотов, 2019; Верина, 2019; Дубинина, 2016; Бельская, 2016]. Образы птиц подвергаются осмыслению в фундаментальных исследованиях М. Эпштейна, рассматривавшего функционирование их в контексте анализа природного мира русской поэзии [Эпштейн, 1990], А. В. Гуры, изучавшего символику животных, в том числе птиц, в славянской народной традиции [Гура, 1997]. Подобный научный интерес к осмыслению орнитологической парадигмы обусловлен тем, что «символический образ птицы, воплотивший в себе устойчивый архетип, объясняющий реальность, открывает нам наиболее древнюю форму восприятия человеком действительности. В формате современной науки понятие “орнитоморфный архетип” выступает как инструмент исследования закономерностей исторического развития,

приобретая статус метатеоретической категории, которая служит источником новых знаний о культуре» [Рябцева, 2019, с. 226].

Среди всех представителей орнитологического дискурса петух представляет особый интерес в контексте русско-китайского литературного диалога, поскольку для обеих культур образ этой домашней птицы является не только аутентичным, но и отражающим значимые аспекты мифопоэтической картины мира.

Традиционно в русском фольклоре петух – «вещая птица, наделяемая огненной, солнечной и одновременно хтонической, а также мужской сексуально-брачной символикой и символикой плодородия, способностью противостоять нечистой силе и в то же время демоническими свойствами» [Гура, 2009, с. 29]. При этом положительные коннотации образа птицы преобладают. Солярная символика петуха олицетворяла смену времен года, переход от зимы к весне, от ночи ко дню. Согласно древней легенде о трех братьях (Солнце, Месяце и Петухе), день чередуется с ночью, поскольку Солнце и луна поссорились из-за петуха, которого Месяц сбросил с облака, а Солнце рассердилось. Этим объясняется, что Петух кричит на рассвете в знак приветствия Солнца, защитившего его от злого Месяца и восстановившего справедливость. Пение петуха также символизирует торжество света и сокрушение сил зла. В связи с этим существует поверье, что трижды прокричавший петух изгоняет де-

монов и ведьм, низвергая их в леса и болота. Кроме того, петух отгонял болезни, поэтому поедание птицы приравнивалось к обряду, дарующему исцеление.

В русской культуре петух также считался хранителем очага – отсюда традиция возводить флигель с изображением птицы или изображать ее на дверях избы. В дизайнерских решениях подобное явление можно наблюдать и в сельской местности, и в современных многоквартирных домах до сих пор, наряду с подковой или еловым венком.

Не менее значимыми для русской культуры были метафорические значения петуха как символа плодородия и сексуальной энергии. В связи с этим существовало много свадебных традиций. Так, петух ознаменовывал танцем союз молодоженов, присутствовал в спальне при первой брачной ночи и др.

С приходом христианства образ петуха не утратил положительных коннотаций, однако к ним добавились хтонические значения: с одной стороны, петух считался изгнанником дьявола, с другой – воплощал демоническую природу. В этой парадигме доброго и злого начала особенную семантику приобретает цвет птицы. Так, белому петуху надлежало охранять православный мир от Антихриста, черному – служить ведьмам и упырям.

В мифопоэтическом пространстве Китая образ петуха является не менее значимым. Его сакральные свойства обусловлены огненной природой, дарующей жизнь, свет и тепло. В Древнем Китае, как и на

Руси, петух считался символом домашнего очага. Поскольку кровь петуха считалась сакральной, его приносили в жертву, чтобы защитить домочадцев или избежать природных катаклизмов. Важную роль играл петух в сельскохозяйственном календаре: первый день первого месяца принято было считать днем Петуха, когда по поведению птиц, по погоде в этот день, можно было судить об урожае, а в первый день десятого месяца птицу забивали, чтобы злые духи не могли проникнуть в человеческое жилище и принести с собой болезни и смерть: «В китайской картине мира петух, предстает как жертва судьбы, своего предназначения» [Инь Бинь, 2014, с. 220].

Не обходились без петухов и свадебные обряды Китая, где молодоженам надлежало есть мясо этих птиц, их подносили в качестве особого сакрального подарка родственники жениха семье невесты. Петух также становился участником бракосочетания, молодожены держали птиц в руках во время церемонии.

С древних времен петух в китайской культуре является воплощением «пяти добродетелей», таких как мудрость, храбрость, мужественность, гуманность и доверие. Все эти коннотации связаны с идеей очистительной силы труда: петух встает раньше всех и призывает жителей к пахоте или иным важным делам, например, к учению.

Наряду с прочим, в отличие от русской культуры, петух является

символом императорской власти. Часто эти птицы становились обитателями резиденции и принимали участие в Петушиных боях. Известная даосская притча о боевом петухе государя, выражающая идею мудрого спокойствия, рассказывает о птице, которая в течение нескольких месяцев готовилась к поединку. С каждым разом питомец императора становился хладнокровнее, утрачивал гордость, ярость и в конце концов обрел такую спокойную статью, уверенность и внутреннюю силу, что другие петухи отказывались вступать с ним в поединок. Таким образом, петух коррелирует с самим императором, основное качество которого – холодный ум и чувство собственного достоинства.

Несмотря на то, что образ петуха широко распространен как в русской, так и в китайской литературе (в произведениях И. Крылова, Н. Гоголя, А. Пушкина, А. Куприна, Хай Цзы, Лин Хэ, Чжан Цзисяня), научных трудов, посвященных художественной репрезентации образа, на данный момент не существует. Научный интерес исследователей сосредоточен либо на лингвокультурологическом и культурологическом аспекте [Ван Чжихао, 2023; Инь Бинь, 2014; Михайлова, 2016; Лицарева, 2019], либо на творчестве отдельных авторов [Смирнов, 2004; Баландина, 2021]. В то же время обширный литературный материал позволяет провести сравнительно-типологический анализ образа петуха, обладающего

значительным символическим потенциалом и в русской, и в китайской поэзии. Проанализировав стихотворения Вэнь Тинъюня, Янь Чжэньциня, Цао Чжи, Вана Аньши, Чжана Цзисянь, Чэня Цзи, В. Гиляровского, А. Блока, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, О. Мандельштама, С. Есенина, Э. Багрицкого, Д. Хармса, Г. Сапгира, В. Берестова, А. Барто, Э. Мошковской, В. Сосноры, мы выделили концептуальные ипостаси, в которых предстает петух в пространстве поэтического дискурса: хранитель дома, мудрец, храбрый воин, ментор, глашатай нового дня, огненный демон, страж метафизического пространства.

**«Я слышал, как зовет Петух»:
Петух – Хранитель дома**

На Руси и в Древнем Китае особую роль в жизни населения играло сельское хозяйство. В связи с этим были широко распространены различные земледельческие культы, сопровождавшие такие свойственные разным национальным культурам праздники, как Масленица, Зажинки и Дожинки, день Ивана Купалы, Культ Шэн-нуна, Почитание местных духов (ту-ди). В основе их лежали ритуалы жертвоприношения, чтобы обеспечить богатый урожай, избавиться от непогоды и различных болезней. Нередко жертвой в подобных ритуалах становится петух. Ранее мы уже говорили о том, что в культе древних славян эта птица приносила себя в жертву как бы сознательно, поскольку была тесно связана с до-

мом и с хозяевами. Кроме того, они находились в сакральном союзе с Домовыми, и с Солнцем, Землей и Небом (на Руси), а также духами местности (в Китае). Поэтому и в русской, и в китайской культуре петух является не только символом, но и хранителем дома.

В стихотворении «В горах Шаншань» [Вэнь Тинъюнь, 1987, с. 216]. Вэнь Тинъюнь лирический герой пребывает в длительной дороге. Идея прощания с домом в китайской лирике порождает ряд противоречий героев многих текстов: с одной стороны, дорога сулит новые перспективы и реализует даосистскую идею непрерывности пути, с другой – отражает ностальгическую тоску и прощание с предками, почитаемыми в китайской культуре, с детством и всем, что дорого сердцу. Противоречивость героя в этом стихотворении поддерживается рядом бинарных оппозиций, заключенных в символических образах: колокольчик, зовущий в дорогу, противопоставлен статичному двору постоянной избы, которая, очевидно, напоминает ему собственную, а перелетные птицы – гуси и утки – крику домашнего петуха, возвещающего о том, что где бы ни находился герой, дверь в родной дом всегда открыта для него. На это указывает и образ следов на мосту: целостность конструкции не нарушена, исходя из чего ходить по ней можно в обе стороны: «Крик петуха. Свет призрачный луны. Заиндевелый мост, следы от чьих-то ног» [Вэнь Тинъюнь, 1987, с. 216]. Здесь мост – символ связи с родом

и предками. На подобную семантику указывают листья дуба, рассыпанные по горной дороге, и сон, где герой видит родную провинцию и ощущает себя перелетной птицей, хоть и без прочного гнезда, но той, что всегда возвращается к родным местам: «И мне невольно грезится Дулин, Где перелётных птиц в прудах полным-полно» [Вэнь Тинъюнь, 1987, с. 216]. А петух, в свою очередь, криком своим зовет героя домой, становится его надеждой и ориентиром. В то же время непрерывное движение героя – это развитие, трудный, но необходимый для духовного становления путь.

Сходные значения петух имеет и в русской лирике. Так, в стихотворении С. Есенина «Где ты, где ты, отчий дом...» [Есенин, 1995, с. 371] лирический герой, подобно герою китайского текста, предстает в образе тоскующего скитальца. Но в отличие от предыдущего примера, его путь неизвестен и сравним с листом, пущенным по ветру. Пространство текста четко разделено на «здесь» и «там». Мир здесь застилает глаза герою стрелами дождя, поэтому он не дезориентирован. Кроме того, дождь (как и мельница) – воплощение Хроноса: «Месяц маятником в рожь Лить часов незримый дождь. Время – мельница с крылом» [Есенин, 1995, с. 371]. Чем дальше герой от дома и чем быстрее вращаются лопасти, тем слабее слышится крик петуха и тем дальше воспоминания о счастливом детстве: «Этот дождик с сонмом стрел, В тучах дом мой за-

вертел, Синий подкосил цветок, Золотой примял песок» [Есенин, 1995, с. 371]. Цветовые эпитеты здесь приобретают особую значимость и коррелируют с мотивами счастья и утраченной юности. Петух, призывно кричащий где-то вдаль, бессилён остановить бег времени: «За рекой поет петух» [Есенин, 1995, с. 371]. Примечательно то, что река времени разделяет мир на «до» и «после» ухода в бесцельное странствие (отметим, что в тексте нет описания мира «здесь»). Отсутствующий мост, лодка и иные средства, позволяющие преодолеть водный барьер, указывают на обреченность героя, вступающего в своего рода диалог с петухом. Но из-за шума ливня, реки, мельницы, они не слышат друг друга, и в отличие от героя Вэнь Тинъюня есенинский путник никогда не вернется домой.

Образ деревенского петуха также встречается в стихотворении «Я сладко изнемог от тишины и снов» Э. Багрицкого [Багрицкий, 1977, с. 73], где петух представлен не только как символ дома, но и как оберег. Его герой, напротив, находится в пространстве дома, но также испытывает ряд противоречий. Христианские образы, гармонично сочетающиеся с языческими, выражают двойственность и героя, и времени. С одной стороны, мир статичен, события, обстоятельства повторяются раз за разом, что порождает в душе героя глубокую тоску, с другой – оно и движется, подобно «варенью, капающему

с ложки». И здесь как раз особую значимость приобретают иконы и полотенце с вышитым петухом. Здесь они, будучи атрибутами различных культов (православного и языческого), не противопоставлены друг другу, а взаимодополняемы. Герой, помня традиции предков, любит иконы, и петухом, которые одновременно и статичны, и динамичны: «Мне любви петухи на полотенцах белых И копоть древняя суровых образов», «И, шею вытянув, протяжно запекает На полотенце вышитый петух» [Багрицкий, 1977, с. 73]. Здесь петух выполняет функцию оберега. Оккультный символ полотенца с вышитым петухом даровал владельцу здоровье, новую жизнь, был солярным символом. Теми же функциями обладает и икона. Сама же идея дома заключается в почитании традиций предков, соблюдении всех традиций, когда-либо существовавших в народе. Дуальность русской культуры как таковой хорошо показана в образе героя, для которого тоска – благо, тяжкая ноша – сладостна, а петух и иконы обеспечивают герою двойную защиту.

«Но, как видно, и он не дурак был, петух»: Петух – Мудрец

В культуре Древнего Китая петух являлся птицей «Пяти добродетелей», первой из которых была мудрость или способность к учению. В связи с этим широко распространены притчи, прославляющие различные грани мудрости – благородство, спокойствие, уве-

ренность в себе, трудолюбие, красноречие. Известна древняя притча о некоем Цзы-цине, ученике Мо-цзы – почитаемого китайского философа царства Лу. Цзы-цин, рассуждая о том, как сделать беседу интересной, быть услышанным и понятым, обратился к учителю за помощью в разрешении мучившего его вопроса. Тот внимательно выслушал и ответил: «Как только он [петух] запоет ранним утром, все люди просыпаются и радуются новому дню. Так разве есть польза в многословии? Важно, чтобы сказанное было своевременным» [Мифы Китая, 2024, с. 114].

Подобные мотивы характерны и для китайской поэзии. Так, в стихотворении «Поощрение обучения» Янь Чжэньцина [颜真卿 ... , 2025] петух является покровителем всех, кто обратил свои помыслы к учению: «С полночи до утра, когда кричит петух, – лучшее время для мальчика учиться» [颜真卿 ... , 2025]. Здесь птица не только разделяет пространство дня и ночи, но и напоминает о том, что пока человек молод, у него есть силы на то, чтобы выполнять несколько дел, не заботясь о сне и отдыхе. Петух здесь символизирует и благородный труд, ибо днем мальчику надлежит работать в хозяйстве и помогать своим родителям. В труде также содержится великая мудрость, потому что культ земли, дарующий человеку богатство недр, не менее значим, чем культ знания. К тому же интеллектуальное развитие не может осуществляться само

по себе: для этого нужна дисциплина, которую дает труд физический. Поэтому для культуры Китая идея баланса духовного и физического является особенно значимой: она проявляется как в религиозно-философских течениях (конфуцианстве, например), так и в школах боевых искусств (кунг-фу, ушу). В связи с этим петух также олицетворяет мудрость управления временем и собственным ресурсом. Человек пожилой утрачивает все эти качества: и гибкость ума, и силу тела. Поэтому, не обучившись в юности, он не сможет ни достичь высот в науке, ни постичь великие тайны мира, а так и останется пахарем, а когда силы его покинут, не сможет на старости лет утешить себя воспоминаниями: «Если в юности не будет усердно учиться, то будет сожалеть, когда его волосы поседеют» [颜真卿 ... , 2025].

В русской ментальности мудрость петуха актуализирована в несколько ином ключе. Являясь персонажем многих народных и авторских сказок, он часто становится воплощением хитрости и русской смекалки, переигрывая в этом даже лису. Противостояние петуха и лисицы отражено и в русской поэзии. В стихотворении Д. Хармса «Лиса поймала петуха...» [Хармс, 2020, с. 210] повторяется архетипический сюжет, отражающий противостояние жадной и хитрой, но легкомысленной хищницы и ловкой и удачливой птицы. Первая показана в тексте самолюбленной, нарочито вежливой и

несколько кокетливой, что отражается в ее речевой культуре: «– Я откормлю вас, Ха-ха-ха! И съем вас Как конфетку» [Хармс, 2020, с. 210]. Будучи увлечена собой, легкостью победы, она упускает из вида существенные детали: «Ушла лисица, Но в замок Забыла сунуть ветку» [Хармс, 2020, с. 210]. Петух здесь играет роль ловкого хитреца, цель которого – не просто спасти свою жизнь, а наказать лису за ее кровожадность и одновременно с тем легкомысленность. По возвращении домой, не обнаружив петуха в клетке, она заходит в нее, и герой закрывает коварную хозяйку, при этом громко смеясь. Таким образом, здесь мудрость петуха явлена не только через ловкость, но и через идею справедливого возмездия.

В русской поэзии также встречается такое символическое значение петуха, как мудрость ложная. Еще ее можно определить как бессмысленную хитрость. Ярким примером здесь выступает стихотворение Г. Сапгира «Крокодил и петух» [Сапгир, 2024, с. 107]. В пространстве текста встретились два героя: крокодил с головой петуха и петух с головой крокодила. И каждый из них решил, что чужая голова краше и ближе. Поменявшись головами, каждый из них думает, что обманул другого, приобрел что-то ценное даром и оттого преумножил собственную выгоду. Но подобный взаимовыгодный, как им казалось, обмен, лишен всякого смысла, ибо в итоге каждый остался со своим: «И каждый подумал: “Красива на

диво! Обманул я его, Чудака”. И ушёл Крокодил С головой крокодила, А Петух – С головой петуха» [Сапгир, 2024, с. 107]. Мораль здесь сложно определить однозначно: финал выражает и идею бессмысленной зависти, и невозможность обретения выгоды за счет обмана другого. Как бы то ни было, петух воплощает здесь непривычный для себя символический модус обманщика и лжемудреца.

**«В курятнике не спорят с петухом»:
Петух – Храбрый воин**

Петух – один из ключевых героев русского фольклора, поэтому он получил широкое распространения в народных сказках. Тексты эти отражают двойственную природу птицы. С одной стороны, задиристость, бахвальство и тщеславие, с другой – храбрость, ответственность за других, самоотверженная защита справедливости, когда представлен как храбрый и бесстрашный воин.

Так, в стихотворении В. Берестова «Петух» [Берестов, 2020, с. 61] герой изображен статным и величественным, где чувство собственного достоинства дополняется красотой его перьев: «Шагает, как Наполеон, Красавец мой петух. Мне зренья услаждает он И услаждает слух» [Берестов, 2020, с. 61]. В тексте актуализируются сюжеты русских сказок, где птица часто вступает в противоборство с антагонистами, такими как лиса или повар: в таких историях героя сопровождают удача, смекалка, лов-

кость благодаря которым он выходит победителем из опасных ситуаций: «И что герою лисья пасть И кухонный котёл!» [Берестов, 2020, с. 61]. Природная надменность здесь не является качеством отрицательным, напротив – уверенность в себе, гордость транслируются через образ орла, который, в свою очередь, является аллегорией отваги, свободы и независимости: «Он любит бой. Он любит власть. Он грозен, как орёл» [Берестов, 2020, с. 61]. В мире зверей и людей ему нет равных, поэтому единственный, кто может представлять опасность для петуха – это его сородич, такой же гордый, смелый и властный – и столь же удачливый: «Отведать эти потроха Мечтают все вокруг. Но главный враг у петуха – Другой такой петух» [Берестов, 2020, с. 61]. Таким образом, в стихотворении герой представлен как храбрый и неуязвимый воин, сопровождаемый удачей и всеобщим признанием и готовый отдать жизнь только себе подобному – достойному врагу Петуху.

Петух как воплощение доблестного воина встречается и в китайской культуре. Связано это в первую очередь с тем, что в азиатских странах с древних времен были популярны петушиные бои – соревнования, где два петуха дерутся на арене, подобно гладиаторам, и часто погибают от ран или от рук хозяев, разочарованных поражением и, как следствие, финансовыми потерями. Мотив доблести и самопожертвования бойцового петуха отражен и в китайской ли-

рике. В стихотворении Цао Чжи «Петушиный бой» [Цао Чжи, 2025] сюжет представляет собой кровавые состязания, призванные для увеселения скучающей публики. Хозяин петуха, пребывая в праздной тоске, отвергший высокое искусство, находит особую радость, наблюдая за страданиями измученной, но гордой, закаленной в боях птицы. Натурализм в описании боя подчеркивает, с одной стороны, жестокость и цинизм представителей человечества, с другой – смелость петуха, его волю к победе и веру в значимость собственных побед. Взъерошенные перья, налитые кровью глаза, истерзанная плоть, шпоры, вонзающиеся в жертву – все эти образы сближают птичьих бои к состязаниям римских гладиаторов, где награда за победу – жизнь, добытая ценой смерти соперника. Несмотря на существенный физический урон, петух изображен в бою легким, что подчеркивает естественность конкурирующей среды: «Их пух невесомый Летает, летает кругом», «Взмахнули крылами, И ветер пронесся струей» [Цао Чжи, 2025]. С точки зрения птицы бой – это один из способов доказать свое превосходство, казаться сильным и отважным: «И крыльями машет. Геройски взлетая, петух, Покамест отваги Огонь ещё в нем не потух. Он требует жира На рваные раны свои, Чтоб выдержать с честью Любые другие бои» [Цао Чжи, 2025]. Несмотря на то, что петух показан как эпический герой без страхов и со-

мнений, в этом тексте подчеркнута горькая ирония: что для одного снадобье от тоски, для другого – вся жизнь, пронизанная верой в высокие идеалы доблести, отваги и самоотверженности.

**«Петушок поёт, наш Петя,
Чтобы вы проснулись, дети»:
Петух – Ментор**

Детство – это благодатная почва для формирования духовно-нравственных и общественных ценностей. В связи с этим петух в русской литературе становится неким ментором, выступающим в нескольких ипостасях: он и сопровождает ребенка на пути взросления, помогая ему справляться с первыми трудностями, и на своем примере демонстрирует те или иные качества, хорошие и плохие, становясь тем самым нравственным флюгером, и отражает беззаботность и непосредственность восприятия, воплощая идею детства как таковую.

Так, в стихотворении О. Аминой «О чем поет петух» [Озод, 1986, с. 37] птице отводится роль наставника, возвещающего о добродетели учения. Юный герой, сопротивляющийся трудностям школьных будней, ленится и притворяется, будто не понимает слов птицы: «Петух кричит, петух поет, Поспать мне утром не дает. – О чем кричит он, мама? Что он твердит упрямо?» [Озод, 1986, с. 37]. Однако петух терпелив и настойчив. Ему известны все детские хитрости и уловки, обусловленные несформированностью ценностных ориенти-

ров: «– Ты что хитришь? – он говорит. – Ведь ты не спишь? – он говорит. – А ну давай, – он говорит, – Вставай, вставай! – он говорит» [Озод, 1986, с. 37]. Далее петух напоминает, что учение – это не процесс, а культура, поэтому необходимо не только усваивать знания, но и с уважением относиться к себе: умываться с мылом, чистить зубы, быть последовательным во всем, вставать рано, чтобы лучше подготовиться к занятиям: «Мчись на урок! – он говорит. – Да чтоб был прок – он говорит» [Озод, 1986, с. 37]. Таким образом, здесь петух является ключевой фигурой формирования личности и воспитания ценностных ориентиров, способствующих обучению.

Одна из наивысших добродетелей – гуманизм, поскольку помощь ближнему – мерило человеческой морали. В связи с этим, петух выступает в роли экзаменатора, определяющего нравственные устои подрастающего поколения. Пример тому – стихотворение А. Барто «Река разлилась» [Барто, 1959, с. 76]. В тексте изображается полководец, унесшее со двора домашнюю птицу. Наблюдающие за этим явлением школьники стоят перед сложным выбором: бросить петуха тонуть и предаться беззаботному веселью или проявить храбрость и спасти беззащитное создание. Провокационный характер речи субъекта лирического высказывания как бы отвлекает ребят от правильного выбора, указывает на то, что они бессильны, а сам пернатый обречен: «По реке петух плывет Унесло

беднягу. Ну, теперь ему конец. Он неопытный пловец». В действительности и свидетель ситуации, и сам утопающий не сомневаются в моральных качествах советских детей, готовящихся, очевидно, стать пионерами, основной девиз которых – «Всегда готов!». К тому же, петухи отлично плавают. К счастью, юные герои с честью сдают экзамен на смелость: бросаются на помощь, не думая о возможной опасности для себя. В финале есть существенная деталь, указывающая на условный характер ситуации: «Машет крыльями петух, Он летит на берег» [Барто, 1959, с. 76]. Исходя из этого мы понимаем, что никакая опасность ему не угрожала, а тонул он на виду у всех исключительно ради того, чтобы проверить ребят, готовы ли те перейти в условно взрослую жизнь (среднюю школу), взять ответственность за чью-то судьбу. И наградой для юных героев становится общественное признание и одобрение: «Знают все, что третий класс Петуха сегодня спас» [Барто, 1959, с. 76]. Однако слава здесь выступает не как аллегория успеха, а как назидание: положительный пример необходим для других ребят.

Петух выступает в русской поэзии еще и в ипостаси усердного ученика, осваивающего азы красноречия. Так, в стихотворении «Секрет» Э. Мошковской маленький герой спешит поделиться радостью: «Петушок признался маме: «Знаешь, я уже могу говорить кукареку!» [Мошковская, 2017, с. 15]. В этом простом на первый взгляд

тексте заключены важнейшие идеи, необходимые для формирования психологически здорового ребенка: важность освоения новых умений, доверительный характер детско-родительских отношений, усердие в обучении, желание быть признанным и успешным в глазах родителей, чтобы сообщить о маленьких радостях «по секрету» самому близкому человеку, и герой стихотворения, вдохновленный, перестает стесняться и приступает к урокам с новой силой: «По секрету, по секрету, где большие лопухи, по секрету всему свету он сказал: «КИ-КИ-РЕ-КИ!!!» [Мошковская, 2017, с. 15]. Очевидно, что сила его голоса крепнет, и благодаря поддержке близких и собственным стараниям он вскоре станет искусным глашатаем.

**«Изливаются в возгласах трубных
Звездочеты ночей – петухи»:
Петух – Глашатай нового дня**

Вопреки тому, что петухи не являются певчими птицами, этимологически название восходит к слову «певец», «петь». Благодаря своей уникальности петух в русской культуре считался вестником, и его крик мог символизировать различные перемены. В связи с этим на Руси существовало много примет, связанных с петухом: кричит дурным голосом – быть беде, внезапно лишился голоса – к болезни близких, проснулся утром от крика петуха – к удаче. Исходя из этого, в русской поэзии петух часто стано-

вится глашатаем нового дня (эры, жизни).

Так, в стихотворении Ф. Сологуба «Просыпаться утром рано» [Сологуб, 2014, с. 339] крик петуха, рассеивая ночную тьму, дарит герою надежду на новое счастье. Погруженный в депрессивное состояние, он предпринимает попытку выйти из круговорота невзгод, актуализируя идею, что новый день – новая возможность. Инфинитивные конструкции – «просыпаться», «слушать», «позабыть» – носят скорее императивную модальность и сближают стихотворение с манифестом, где определенная последовательность действий приводит к нужному результату. Цикличная композиция текста, напротив, говорит о повторяемости событий и замкнутости пути героя, его стагнации и обреченности. Несмотря на то, что петух, возвещая приход нового дня, призывает и героя к началу труда, тот, в свою очередь, пребывает в бездействии и перекладывает ответственность за собственные беды на мировой порядок и на птицу: «День промедлить без греха И опять проснуться рано Под оранье петуха» [Сологуб, 2014, с. 339]. Бездействие героя порождает бесильную злобу на птицу: вначале он называет крик «пением», затем – «ораньем», упрекая тем самым вещь петуха в том, что дни идут за днями, повинуюсь призыву птицы, но жизнь героя остается такой же горестной и бессмысленной. Так, возвещая о смене суток, петух остается безучастным к судьбе че-

ловека, выбор которого – бездействовать и погибать без всякой пользы для мира.

У Сологуба мы видим, что петух не может изменить жизнь человека, потому что тот сам не способен к действию, без которого перемены невозможны. Однако иногда, даже предпринимая попытки изменить судьбу, человек обречен проводить свою жизнь в бессмысленном труде. Петух же, в свою очередь, возвещает об изменении в метафизическом пространстве, но к жизни и деятельности человека они не имеют никакого отношения. Так происходит, например, в стихотворении О. Мандельштама «Я изучил науку расставанья...» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Человеческая жизнь в нем соотносится со смирением вола, жующего траву до скончания дней. В отличие от людей эти животные смиренны и не издают жалобный стон, не взывают к Господу при вигилии, чтобы тот наполнил их жизнь высшим смыслом. Поедая пищу, вол спокойно ожидает конца жизни, в то время как человек насыщает свою жизнь событиями – войной, страстью, любовными переживаниями. Но все это – тщета в сравнении с мировым порядком, заключающимся в повторении одних и тех же событий – день сменяется ночью, зима – весной. Это и перемены, и одновременно статичность, обеспечивающая мировой порядок. И вестник этого порядка, вестник перехода от одних событий к другим – петух. И огненная птица, и вол – часть природного мира, находящегося под

покровительством Дианы (в тексте – Делия). Человек, вовлеченный в суету, не может раскрыть послание петуха: «Что нам сулит петушьё восклицанье, Когда огонь в акрополе горит», «Зачем петух, глашатай новой жизни, На городской стене крылами бьёт?» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Неясное вызывает хтонических страх, и герой вспоминает о народных приметах, согласно которым ночной крик петуха символизирует несчастье: «И чту обряд той петушиной ночи, Когда, подняв дорожной скорби груз, Глядели вдаль заплаканные очи» [Мандельштам, 2023, с. 714]. В данном случае речь идет о расставании – с любовью: на это указывают мужской и женский образ. Тем не менее судьба человека как героя, так и героини предопределена, на что указывает аллюзия к Мойрам: «И я люблю обыкновенье пряжи: Снует челнок, веретено жужжит» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Герой мирится с неотвратимостью судьбы, но, в отличие от вола, сокрушается и злится: «О, нашей жизни скудная основа, Куда как беден радости язык! Всё было встарь, всё повторится снова, И сладок нам лишь узнаванья миг» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Мужское начало более рационально, и хоть оно не может понять смысл повторяемости и осмыслить петушиный крик, возвещающий о новом цикле, признает существование порядка. Женское начало, напротив, иррационально, поэтому героиня, не в силах смириться с расставанием, прибегает к гаданию, про-

водит свою жизнь в нервном неведении, в то время как герой, повинувшись петуху, понимает, что за разлукой неизбежна встреча, и все, что остается – надежда, что состоится она в этой жизни. Но вероятность этого исхода ничтожна, так как мужчины пренебрегают миром и постоянно пребывают в состоянии борьбы: «Не нам гадать о греческом Эрбе, Для женщин воск, что для мужчины медь. Нам только в битвах выпадает жребий, А им дано гадая умереть» [Мандельштам, 2023, с. 714]. Здесь очевидным становится различие мужского и женского начала, но противоположные подходы к осмыслению бытия бессмысленны, поскольку и мужчина, и женщина пребывают во мраке неведения. И если герой может осмыслить неотвратимость судьбы и повторяемость мировых событий, предсказать свою жизнь на краткосрочный период он не способен и все равно погибает в бессмысленной борьбе с собственной природой и тщеславием, повинувшись инстинкту воина. Женщина же, от природы более гибкая, не способна к осмыслению космических материй и сосредоточена на решении текущих задач. Она умеет ждать, но, погружаясь во мрак эмоциональных переживаний, утрачивает надежду и так же погибает. Петух же, с возвышения взирающий на мир людей, остается к ним безучастным и издает крик, понятный лишь волю. Он возвещает о смене очередного цикла, о скоротечности времени относительно

всего живого и материального. Если бы человек смог внять этому возгласу, он осознал бы, что путь его должен быть соотнесен с жизнью вола, который молча жует траву и проживает в созерцании каждый отпущенный ему день. Это похоже на путь монаха, который, отрекшись от суеты, углубился в самопознание и постижение тайн мирового порядка.

Петух как вестник нового дня широко распространен и в китайской поэзии. На Востоке петух символизирует начало весны и связан с культом земледелия и плодородия. Но кроме того, он может возвещать об успехе и связанными с ним положительными изменениями. Так, в стихотворении «Поднялся нагорную вершину Фэйлайфэн» Вана Аньши [王安石 ... , 2025] крик петуха возвещает о преодолении значительной высоты и обретении мудрости и самопознания. Фэйлайфэн – священная гора, поскольку находится на территории монастыря. Покоривший ее – нравственно очищается и приобретает духовный опыт, переходя на новую стадию развития. Прежние невзгоды и образ мышления, аллегорически изображенные в виде облаков, рассеиваются и теряют власть над человеком: «Не боюсь, что плывущие облака могут скрыть мои глаза, Ведь теперь я здесь, в горах, на вершине» [王安石 ... , 2025]. Петух, в свою очередь, знаменует духовное просветление, заключенное в образе восходящего солнца: «я услышал крик петуха и увидел вос-

ход солнца» [王安石 ... , 2025]. Здесь это зарождение новой жизни, и петух еще выполняет роль стража, рассеивающего тьму заблуждений и приветствующего обновленного человека.

**«Впустите Красного петуха»:
Петух – Огненный демон**

Петух – символ солнца, которое, в свою очередь, являет собой пламя. Оно может даровать свет и тепло, но вместе с тем способно обратить все живое в пепел. Двойственная семантика огня заключена и в образе петуха, которого славяне считали птицей двуликой. Подобные воззрения о противоположных началах птицы заключены и в древних приметах, о которых мы уже говорили, и во фразеологии: выражение «красный» петух обозначает пожар или поджог. Природа огня отражается и в характере, и во внешности птицы: алый гребень соотносят с языками пламени. Кроме того, считалось, что достигший семилетнего возраста петух превращается в «демона огня» и несет своим хозяевам болезни, смерть и разорении.

Демоническая природа петуха нашла свое отражение и в русской поэзии. В «Сказке о петухе и старушке» А. Блока языки пламени, вырвавшиеся из печи, изображены в образе сбежавшего петушка: «Петуха упустила старушка, Золотого, как день, петуха! Не сама отворилась клетушка, Долго ль в зимнюю ночь до греха!» [Блок, 2022, с. 210]. Исходя из художественных дета-

лей, мы понимаем, что дверь печи не была закрыта, поскольку было очень холодно, и беспечность старушки обернулась трагедией. Демоническая природа птицы усиливается тем, что старушка была немогущей и не могла свободно передвигаться. В поисках «посошка» она утратила драгоценные секунды, которые пожирал демон: «И на белом узорном крыльчке Промелькнул золотой гребешок...», «Вот – ударило светом в оконце, Загорелся старушечий глаз...» [Блок, 2022, с. 210]. События развиваются слишком стремительно, и с каждым мгновением огненный петух осваивает все новые пространства, мелькает и в избе, и во дворе. Характер повествования нивелирует трагичность ситуации, петушок воспринимается как пронырливый озорник – таким воспринимает его добрая старушка, сохраняющая оптимизм и свет души в самый последний момент жизни перед тем, как милый солнечный петушок заберет ее с собой в небытие: «А уж в кучке золы – незнакомый Робко съежился маленький труп...», «Петушка своего потеряла, Ан, нашел тебя сам петушок!», «Мертвый глаз будто всё еще ищет, Где пропал петушок... золотой» [Блок, 2022, с. 210]. В тексте противопоставлены образы золота, олицетворяющего языки смертоносного пламени, и солнца, воплощающего идеи добра и взаимопомощи. Так, деревня солнечная, поскольку жители, узнав о пожаре, ни секунды не помедлив, бросились заливать поглощенный пламенем дом, в то время как золо-

той петушок с демоническим взглядом обращал в пепел пространство вокруг себя: «Вон стоит он в углу, озаренный, Из-под шапки тарачит глаза...» [Блок, 2022, с. 210]. Необходимо отметить, что демоническая природа петуха у древних славян соотносилась с идеей богатства, развращающего душу. Финал сказки поистине прискорбный, но не только потому что добрая старушка погибла в муках из-за своей беспечности, но еще и потому, что хоть пожар и потушили, огненный демон остался непобежденным и, возможно, через какое-то время золотой петушок даст о себе знать: «А над кучкой золы размеченной, Где гулял и клевал петушок, То погаснет, то вспыхнет червонный Золотой, удалой гребешок» [Блок, 2022, с. 210].

Путь огненного петуха описан и в стихотворении «Красный петух» В. Гиляровского [Гиляровский, 1967, с. 224]. В отличие от А. Блока он рассуждает не о частной ситуации, а о природе этой пламенной птицы и о том, где и по каким причинам она появляется. Форма текста представляет собой древнее сказание, передающиеся из уст в уста: «У нас на Руси, на великой, (То истина, братцы, – не слух) Есть чудная, страшная птица, По имени «красный петух»...» [Гиляровский, 1967, с. 224]. Актуализируя фольклорное начало образа, герой обращается к поверьям, согласно которым Петух может служить дьяволу. На это указывает и образ змеи, проползающей по лесу и оставляя

за собой дым и пепел: «По листьям и хвоем сухим он Гадюкой пополз через лес, И пламя за ним побежало, И дым поднялся до небес...» [Гиляровский, 1967, с. 224]. И поскольку дьявол относительно человека всемогущ, красного петуха также невозможно остановить: «Деревья, животные, птицы – Все гибло в ужасном огне. Преград никаких не встречалось Губительной этой волне» [Гиляровский, 1967, с. 224]. Красный петух там, где бедность. В подтверждении этой мысли сказитель вспоминает о деревне, где жители не могли позволить себе дрова, а печь топили соломой, из которой состояло и пространство избы, и двор. Случайная искра, вылетевшая из печи, за день обратила в пепел всю деревню, а старики и дети, оставшиеся на хозяйстве, беспомощны были что-либо предпринять. Еще одна причина, по которой является демон – пьянство. Сказитель вспоминает сгоревшее в Заволжье село, где красного петуха призвали мужики, заснувшие с трубкой во рту. Летит он и на зов несостоявшейся любви: один из героев сказа поджигает избу мужа своей избранницы. Наконец, пламенные крылья настигают беспечных людей, разжигающих костры в лесу и засыпающих уже навсегда. Во всех этих историях жертвами Красного петуха становились не только те люди, по зову или беспечности которых он прилетал, но и целые деревни, города, ни в чем не повинные люди: «Все лето дубрава пылала, Дым черный страну засти-

лал, Возможности не было даже Прервать этот огненный вал...» [Гиляровский, 1967, с. 224].

**«По всей предутренней вселенной
горланят третьи петухи»:**

Петух – Страж

метафизического мира

Крик петуха – сигнал, возвещающий о соблюдении космического порядка. За ночь он кричит трижды: первый раз в полночь, второй – в два часа ночи, третий – в четыре часа утра. Согласно поверью древних людей, с последним криком петуха исчезает нечистая сила: ведьмы, вурдалаки, оборотни. Повинуясь биологическим часам, петух кричит в одно и то же время несмотря ни на погодные условия, ни на освещение. Это делает его стражем мирового порядка, задача которого – следить за тем, чтобы все в мире шло своим чередом, чтобы внешние демонические силы не разрушали космическое пространство и время и там самым не мешали людям жить и исполнять свое предназначение – развиваться и развивать материальный мир, способствовать прогрессу и всеобщему благу. Он отсчитывает время, борется с хтоническим злом, непрерывно трудится – все это проявление его солярной природы, дарующей жизнь и тепло всему живому. Здесь он как бы выступает в роли волшебной Жар-птицы – доброго помощника человека.

Одна из функций петуха, отраженная в поэзии, – соблюдение хода времени. В стихотворении К. Бальмонта «Солнечный знак»

петух знаменует переход от зимы к весне: «Уж скоро крикнет петух весны, Что пламя мчится из вышины, Что пламя пляшет пред торжеством – Дрожать гореньем во всем живом» [Бальмонт, 1989, с. 178]. Здесь мы видим, что огненная природа петуха благоприятна для окружающего мира. Тепло солнечных лучей противостоит холодным льдам и снегу, ветрам и метели. Но Петух – страж времени, поэтому он не может ускорить его или задержать, как бы людям того ни хотелось. Уставшие от зимы жители внимают пению и ждут, когда весна вступит в полную силу: «Секундной стрелки проворен бег, Буравчик тонкий источит снег» [Бальмонт, 1989, с. 178]. Исходя из того, что все события наступают в одно и то же время на протяжении многих веков, жители доверяют петуху, перенимают у него природное, органическое чутье: «В веселый полдень почуял дух, Что там на Солнце пропел петух» [Бальмонт, 1989, с. 178]. Таким образом, петух не просто следит за порядком течения космического времени с пространства Солнца, но и делает людей более природными, осознанными, развивает их внутренний слух, наполняет божественной энергией, на что указывает образ колоколов, возникающий в тексте.

Петух стоит не только на страже времени, но и метафизического пространства. В стихотворении В. Сосноры «Поет первый петух» [Соснора, 2024, с. 132] петух представлен как космический страж, задача которого – рассеять хтони-

ческий мрак. Голос его, громкий и в то же время высокий, проникает во все материи и дарит герою надежду на то, что в мире есть искусство, добро, радость познания: «Большие контуры поэм Я знаю: в нём, а не во мне. Я – лишь фонарик на корме, Я – моментальный инструмент... Но раз рассвет – не на беду Поёт космический петух» [Соснора, 2024, с. 132]. Здесь птица воплощает в себе еще и искусство, создающее альтернативные миры, и солнечная энергия, заключенная в птица, проникает, в том числе в пространство текста. Однако миссия петуха значительно шире, чем сложение стихов – ему поручено преобразовать мир, транслировать красоту, благо, преобразовать пространство земное. Ради столь высокой цели он готов мириться с несовершенством материи: «Петух с навозом заодно Клюёт жемчужное зерно. В огромном мире, как в порту Корабль зари – Поёт петух!» [Соснора, 2024, с. 132]. Корабль – символ непрерывного движения, прогресса. Космический мир трансформируется, каждый новый день не похож на предыдущий, новая заря – новая пристань. Человеку сложно осмыслить гармонию вселенной, но петух – метафизическая птица, которой вверено соблюдение законов пространства и времени не только на земле, но и далеко за ее пределами.

Подобной семантикой наделен петух и в китайской поэзии. Исследователи отмечают, что «древние использовали пение птиц для обо-

значения времени и сезонов. Более того, оно также представляет время суток. Известно, что в древние времена не было часов и хронометров, поэтому явления природы стали инструментами, с помощью которых люди могли узнать время» [卞欣欣, 2022, с. 59]. Кроме того, космический порядок в китайской культуре тесно связан с миром природы, которая строго подчиняется мировому закону: все происходит в свой черед и имеет высший смысл, связанный с идеями буддизма.

Так, в стихотворении «Петух» Чжан Цзисяня птица воплощает в себе идею красоты и счастья, наступающими с рассветом: «Петухи обладают пятью добродетелями Красная корона красива, как перья феникса» [张继先, 2024]. Здесь образ петуха соотносится с фениксом – мифологической птицей, являющейся одной из четырех основ мироздания. Гребень петуха – красная корона, или «корона феникса», воплощает само солнце, наделяя птицу энергией ян и указывая на ее связь с космическим миром. Но в задачи петуха входит не только охрана мирового порядка, но и помощь земным созданиям: «Перед рассветом они поют, пробуждая тех, кто еще спит» [张继先, 2024]. Аллюзия к образу феникса позволяет нам судить о том, что сон здесь имеет духовную природу. Люди, разучившиеся жить в согласии с природой, утрачивают и способность к самосозерцанию, обращая свой взор на мирские дела –

достижение социального успеха, обогащение и т. д. Петух же, будучи органичным, пением своим призывает людей к тому, чтобы они пробудились ото сна бездуховности и задумались о том, что человеческая жизнь подобно дню – столь же коротка.

Петух, как страж метафизического времени и пространства, представлен и в стихотворении «Первый день по лунному календарю года синего Дракона» Чэнь Цзи [陈纪, 2024]. Как и в стихотворении В. Сосноры, крик петуха знаменует положительные перемены и соблюдение мирового порядка: «Пение петуха на углу дома возвещает о конце года» [陈纪, 2024]. Вместе со старым годом река времени уносит человеческие печали, на смену которым приходит надежда и обновление. Несмотря на то, что каждый год приближает физическую старость, в круговороте природы есть высший смысл, известный только творцу и космическим созданиям – Дракону, Петуху и иным животным зодиакального круга: «Небо и земля справедливы, и трава и деревья снова становятся весенними» [陈纪, 2024]. Умирая, человек становится частью природы уже на физическом уровне: из тела его произрастают цветы и деревья: «Чаша формы кипарисовых листьев вновь наполнялась вином нового года, а цветы сливы прошли год со мной» [陈纪, 2024]. Чаша здесь символизирует саму жизнь, полную событий и впечатлений, и задача Петуха – следить за тем, чтобы до срока

она была всегда наполнена, чтобы время шло, травы и деревья, пройдя очередной цикл, вновь зацветали и украшали мир. Как и у В. Сосноры, порядок мировой соизмерим с гармонией поэтического искусства: «Сколько мест может охватить восточный ветер? Но он породил бесчисленное множество освежающих стихов» [陈纪, 2024]. Очевидно, здесь имеется в виду ветер перемен, исходя из чего мы понимаем, что задача искусства сродни задаче петуха – возвещать о переменах, соблюдая при этом космический порядок, выражающийся в строгости формы текста.

Заключение

«Куры под одной крышей живут в мире и согласии, а два петуха никогда не могут ужиться в одном курятнике – уж такова их природа» [Леонардо да Винчи, 2023, с. 76]. Художественная природа петуха в пространстве поэтических текстов, русских и китайских, сложна и разнопланова: этот герой предстает в различных, подчас противоречивых ипостасях – мудреца, хранителя, ментора, демона, стража и т. д. В целом символическое значение петуха в русской и китайской поэзии имеет значительный ряд сходств.

Так, в обеих культурах петух выступает в качестве хранителя дома. Его тесно связывают с культом земледелия, с мотивами странничества, отшельничества или, напротив, стагнации. Подобно домовому, он охраняет жилище от хтонических сил и указывает криком дорогу к родному жилищу. И в

русской, и в китайской поэзии петух является воплощением мудрости и реализует дидактическую функцию, направленную на формирование в первую очередь у юного поколения идеалов гуманизма, справедливости, ответственности и добросовестного отношения к труду и обучению. Разница заключается в том, что в китайских стихотворениях акцент делается на развитие трудолюбия и интеллекта, в русской – на неотвратимость наказания за пороки. В русской и в китайской поэзии петух является воплощением храбрости и самоотверженности в бою. Вступая в противостояние с другими героями в пространстве текста, он всегда выходит победителем благодаря не только смекалке и хитрости, но и во многом бесстрашию, готовности к сражению, чувству собственного превосходства. В русских стихотворениях образ петуха восходит к фольклорным традициям, в частности к сказкам, в китайской – к исторически сложившимся формам досуговой деятельности, в частности петушиным боям. Но в том и в другом случае петух представляет собой ипостась воина, встречающего врага только среди себе подобных. Петух в русской и китайской поэзии символизирует обновление, знаменем которого является крик птицы. В русских текстах петух остается беспристрастным в отношении мира людей, поскольку его функция более глобальная – возвещать о начале нового круга жизни

природы и вселенной. В китайских текстах, напротив, петух сопровождает человека на пути к самопознанию и самосовершенствованию. Наконец, в русских и китайских текстах петух выступает в ипостаси Стража метафизического мира. Обитая в космическом пространстве, он, с одной стороны, криком своим доносит до людей волю творца, с другой – наполняет мир светом и надеждой, помогая людям обрести высший смысл существования.

Помимо общих символических коннотаций образа петуха в интересующих нас культурах, ему в русской поэзии присущи особые значения. Петух выполняет функции ментора: он становится и нравственным примером, и помощником, и мудрым, требовательным учителем. Нередко петух выступает в качестве мерила человеческой добродетели, актуализируя идеи гуманизма и храбрости, граничащей с потенциальным самопожертвованием. Подобная семантика отражается как в древнерусских сказках, так и в детской поэзии советского и постсоветского периода, когда формирование идеологии было одной из основных задач художественной литературы. Кроме того, в русской поэзии петух символизирует разрушительную силу огня, аккумулируя в себе демонические силы. Часто подобная семантика связана с фольклорными жанрами – сказкой, сказанием, актуализируя тем самым древние хтонические представления славян

о двуликости петуха и его демонической огненной природе.

Подводя итоги, можно утверждать, что образ петуха в русской и китайской поэзиях, несмотря на географическую и культурную дистанцию, обнаруживает удивительное переплетение смыслов. От хранителя домашнего очага до вестника зари, от воплощения воинской доблести до символа обновления – петух предстает многогранным архетипом, отражающим глубинные представления человека о мире и его устройстве. Петух в поэзии двух великих культур – это не просто птица, а зеркало, отражающее общее и особенное в человеческом восприятии мира. И в этом зеркале мы видим не только отблески древних мифов и ритуалов, но и проекцию надежд и страхов, присущих человечеству во все времена. Петух, как символ, оказывается удивительно пластичным, способным адаптироваться к различным культурным контекстам, сохраняя при

этом свое глубинное значение. Он напоминает нам о том, что, несмотря на все различия в языке, истории и обычаях, люди во всем мире разделяют общие ценности и стремления, которые находят свое выражение в универсальных символах, таких как гордый и звонкий петух, возвещающий наступление нового дня. И этот день, будь то в русской избе или китайском дворе, несет с собой не только свет и тепло, но и вызов, призыв к действию, к борьбе со тьмой и невежеством. Крик петуха – это не просто звук, это метафора пробуждения сознания, осознания своего места в мире и своей роли в его преображении. И, возможно, именно в этой универсальной потребности человека в пробуждении и преображении кроется секрет долговечности и многогранности символического образа петуха в поэзии, объединяющей столь разные, но в то же время удивительно созвучные культуры.

Библиографический список

1. Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. Москва: Художественная литература, 1977. 192 с.
2. Баландина И. А. Орнитологические Образы Иосифа Бродского // Уральский Филологический Вестник. 2021. №1. С. 124–132.
3. Бальмонт К. Д. Избранное. Москва: Советская Россия, 1989. 592 с.
4. Барто А. Где живет герой. Москва: Детская литература, 1959. 174 с.
5. Берестов В. Как хорошо уметь читать. Стихи. Москва: Самовар, 2020. 112 с.
6. Блок А. А. Стихотворения. Москва: Эксмо, 2022. 384 с.
7. Болдырева Е. М. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Ч. 1 / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №1. С. 36–47.
8. Болдырева Е. М. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Ч. 2 / Е. М. Болдырева, Е. В. Асафьева // Верхневолжский филологический вестник. 2023. №2. С. 8–17.
9. Ван Чжихао Образы змеи и петуха в китайских фразеологизмах // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. 2023. №1. С. 11–13.

10. Вэнь Тинъюнь В горах Шаншань // Поэзия эпохи Тан (VII – X вв.). Москва : Художественная литература, 1987. 480 с.
11. Гиляровский В. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 4. Москва : Правда, 1967. 464 с.
12. Гура А. В. Петух // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-и томах. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). Ин-т славяноведения РАН Москва : Международные отношения. 2009. С. 28–35.
13. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в 7 т. Т. 1 Стихотворения. Москва : Наука–Голос, 1995. 671 с.
14. Инь Бинь Особенности зооморфии в русской и китайской лингвокультуре // Филология и лингвистика. 2014. №5. С. 217–221.
15. Леонардо да Винчи. Афоризмы // Фалкирк М. Афоризмы для умных мужчин. Тверь : Мартин, 2023. 192 с.
16. Лицарева А. Ф. Образ Петуха в гаданиях и предсказаниях, связанных с Великой Отечественной войной // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке : коллективная монография. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. С. 68–74.
17. Мандельштам О. Э. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. Москва : Альфа-книга, 2023. 1182 с.
18. Мифы Китая. Москва : Бомбора, 2024. 256 с.
19. Михайлова Н. Ю. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Н. Ю. Михайлова, Чжао И // Филология. 2016. № 2. С. 168–181.
20. Мошковская Э. Э. Я пою. Москва : Речь, 2017. 96 с.
21. Озод Зеленая тропинка : Стихи и поэмы / Пер. с тадж. Москва : Советский писатель, 1986. 95 с.
22. Сапгир Г. Стихотворения. Москва : Эксмо, 2024. 336 с.
23. Смирнов В. П. «Пел петух...» : О стихотворениях «Петух на церковном кресте» И. А. Бунина и «Петухи поют» А. Заболоцкого // Тарусские страницы XXI век : Литературно-художественный альманах. Таруса : ИД «ГТ», 2013. С. 256–258.
24. Сологуб Ф. К. Книга Полное Собрание Стих. и Поэм. Москва : Наука, 2014. 990 с.
25. Соснора В. А. И повсюду космос. Москва : Азбука, 2024. 416 с.
26. Хармс Д. И. Я гений пламенных речей. Санкт-Петербург : Азбука, 2020. 336 с.
27. Цао Чжи. Петушиный бой // Китайская поэзия URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=3217 (дата обращения: 19.04.2025).
28. 卞欣欣. 《诗经》中动物的信息可视化设计研究[D]苏州大学, 2022: 59.
29. 王安石 《登飞来峰》 URL: <https://www.ruiwen.com/wenxue/wanganshi/595066.html> (дата обращения: 19.04.2025).
30. 颜真卿 《劝学诗》 URL: <https://www.ruiwen.com/> (дата обращения: 19.04.2025).

31. 张继先《鸡》 URL: <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=add471818d42beb831be3d5c10d13d9c> (дата обращения: 19.04.2025).

32. 陈纪《甲辰元日》 URL: <https://www.hancibao.com/shici/s138542179.html> (дата обращения: 19.04.2025).

Reference list

1. Bagrickij Je. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1977. 192 s.

2. Balandina I. A. Ornitologicheskie Obrazy Iosifa Brodskogo = Joseph Brodsky's Ornithological Images // Ural'skij Filologičeskij Vestnik. 2021. №1. S. 124–132.

3. Bal'mont K. D. Izbrannoe = Selected works. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1989. 592 s.

4. Barto A. Gde zhivet geroj = Where the hero lives. Moskva : Detskaja literatura, 1959. 174 s.

5. Berestov V. Kak horosho umet' chitat' = It's good to be able to read. Stih. Moskva : Samovar, 2020. 112 s.

6. Blok A. A. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Jeksmo, 2022. 384 s.

7. Boldyreva E. M. Kul'turnaja simbolika obraza vorona v ruskoj i kitajskoj poezii. Ch. 1 = Cultural symbolism of the raven image in Russian and Chinese poetry. Part 1 / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2023. №1. S. 36–47.

8. Boldyreva E. M. Kul'turnaja simbolika obraza vorona v ruskoj i kitajskoj poezii. Ch. 2 = Cultural symbolism of the raven image in Russian and Chinese poetry. Part 2 / E. M. Boldyreva, E. V. Asaf'eva // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. 2023. № 2. S. 8–17.

9. Van Chzhihao Obrazy zmei i petuha v kitajskih frazeologizmah = Snake and rooster images in Chinese phraseological phrases // Russkij jazyk i lingvokultura v sopostavitel'nom aspekte. 2023. №1. S. 11–13.

10. Vjen' Tin#jun' V gorah Shanshan' = In the Shangshan Mountains // Pojezija jepohi Tan (VII – X vv.). Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1987. 480 s.

11. Giljarovskij V. Sobranie sochinenij v 4-h t. T. 4 = Collected works in 4 vols. V. 4. Moskva : Pravda, 1967. 464 s.

12. Gura A. V. Petuh = Rooster // Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvističeskij slovar' v 5-i tomah. T. 4: P (Pereprava cherez vodu) – S (Sito). In-t slavjanovedenija RAN Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija. 2009. S. 28–35.

13. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij v 7 t. T. 1 Stihotvorenija = Complete collection of works in 7 vols. V. 1 Poems. Moskva : Nauka-Golos, 1995. 671 s.

14. In' Bin' Osobennosti zoomorfii v ruskoj i kitajskoj lingvokulture = Zoomorphic characteristics in Russian and Chinese linguoculture // Filologija i lingvistika. 2014. №5. S. 217–221.

15. Leonardo da Vinchi. Aforizmy = Aphorisms // Falkirk M. Aforizmy dlja umnyh mužhchin. Tver' : Martin, 2023. 192 s.

16. Licareva A. F. Obraz Petuha v gadanijah i predskazanijah, svjazannyh s Velikoj Otechestvennoj vojnoj = The image of the Rooster in fortune-telling and predictions related to the Great Patriotic War // Ptica kak obraz, simbol, koncept v literature, kul'ture i jazyke: Kollektivnaja monografija. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. S. 68–74.

17. Mandel'shtam O. Je. Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome = A complete collection of poetry and prose in one volume. Moskva : Al'fa-kniga, 2023. 1182 s.
18. Mify Kitaja = Chinese myths. Moskva : Bombora, 2024. 256 s.
19. Mihajlova N. Ju. Kul'turnye konnotacii zoonimov v russkoj i kitajskoj frazeologii = Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology / N. Ju. Mihajlova, Chzhao I // Filologija. 2016. №2. S. 168–181.
20. Moshkovskaja Je. Je. Ja poju = I am singing. Moskva : Rech', 2017. 96 s.
21. Ozod Zelenaja tropinka: Stihi i pojemy = The Green Path: Verses and poems / Per. s tadzh. Moskva : Sovetskij pisatel', 1986. 95 s.
22. Sapgir G. Stihotvorenija = Poems. Moskva : Jeksmo, 2024. 336 s.
23. Smirnov V. P. «Pel petuh...» : O stihotvorenijah «Petuh na cerkovnom kreste» I. A. Bunina i «Petuhi pojut» A. Zabolockogo = “The Rooster Sang...” On the poems The Rooster on the Church Cross by I. A. Bunin and Roosters Singing by A. Zabolotsky // Tarusskie stranicy XXI vek : Literaturno-hudozhestvennyj al'manah. Tarusa : ID «TT», 2013. S. 256–258.
24. Sologub F. K. Kniga Polnoe Sobranie Stih. i Pojem. = The Book of the Complete Collection of Verses and Poems. Moskva : Nauka, 2014. 990 s.
25. Sosnora V. A. I povsjudu kosmos = And space is everywhere. Moskva : Azbuka, 2024. 416 s.
26. Harms D. I. Ja genij plamennyh rechej = I am a genius of flaming speeches. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2020. 336 s.
27. Cao Chzhi. Petushinyj boj = Rooster fight // Kitajskaja poezija URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=3217 (data obrashhenija: 19.04.2025).
28. 卞欣欣. 《诗经》中动物的信息可视化设计研究[D]苏州大学, 2022: 59.
29. 王安石 《登飞来峰》 URL: <https://www.ruiwen.com/wenxue/wanganshi/595066.html> (data obrashhenija: 19.04.2025).
30. 颜真卿 《劝学诗》 URL: <https://www.ruiwen.com/> (data obrashhenija: 19.04.2025).
31. 张继先 《鸡》 URL: <https://hanyu.baidu.com/shici/detail?pid=add471818d42beb831be3d5c10d13d9c> (data obrashhenija: 19.04.2025).
32. 陈纪 《甲辰元日》 URL: <https://www.hancibao.com/shici/s138542179.html> (data obrashhenija: 19.04.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 82–1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-84
EDN ПУМНН

**Киплингская традиция в советской поэзии:
Николай Тихонов и Осип Мандельштам**

Борис Вадимович Соколов

Доктор филологических наук, кандидат исторических наук, научный консультант,
издательство «Вече», г. Москва
bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация. В статье рассматривается в контексте киплингской традиции влияние поэмы Н. С. Тихонова «Лицом к лицу» на цикл «Стихи о неизвестном солдате» О. Э. Мандельштама. Также показано отражение поэмы «Лицом к лицу» в стихотворении С. А. Есенина «Письмо к женщине» и реконструируются возможные обстоятельства знакомства Есенина с поэмой «Лицом к лицу». Доказывается, что Есенин дал наиболее афористическое определение содержания тихоновской поэмы и что данная поэма послужила основным источником важнейших мотивов «Стихов о неизвестном солдате» – мотива оптовой скупки задешево людей, превращаемых в пушечное мясо, мотива окопов, превращенных в могилы, а также идеи метафорической трансформации текста об историческом событии в луч света и придания тем самым информации о нем скорости света. Поэму «Лицом к лицу» и цикл «Стихи о неизвестном солдате» роднит пацифистский пафос, полемичный по отношению к Киплингу. Показана также неопределенность текстологии «Стихов о неизвестном солдате». Реконструирована ранняя биография Тихонова и доказано с использованием архивных материалов его производство в офицеры и участие в гражданской войне на стороне белых – в Северо-Западной армии Н. Н. Юденича. Предположительно, Тихонов также мог служить в Русской армии П. Н. Врангеля. Эти факты своей биографии Тихонов успешно скрывал на протяжении всей жизни. Показано, что неприятие Тихоновым коммунистической власти и завуалированная сатира на нее отразились в написанной в духе Киплинга повести «От моря до моря» и в повести «Анофелес», где под влиянием повести М. Булгакова «Роковые яйца» пародируется В. И. Ленин, а также в киносценарии «Улыбка», где пародируется И. В. Сталин. Показано также влияние повести «От моря до моря» на роман В. А. Каверина «Два капитана».

Ключевые слова: традиция; О. Э. Мандельштам; Н. С. Тихонов; Р. Киплинг; советская поэзия; поэтическая лениниана; интертекстуальность; текстология; пародия; сатира; пацифизм

Для цитирования: Соколов Б. В. Киплингская традиция в советской поэзии: Николай Тихонов и Осип Мандельштам // Мир русскоговорящих стран. 2025.

№ 2 (24). С. 84-109. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-84>.
<https://elibrary.ru/IYMN>.

Original article

**Kipling's tradition in soviet poetry:
Nikolai Tikhonov and Osip Mandelstam**

Boris V. Sokolov

Doctor of philology, candidate of historical sciences, scientific consultant, publishing house "Veche", Moscow

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract. The article considers the influence of N. S. Tikhonov's poem Face to Face on the cycle The Poem about the Unknown Soldier by O. E. Mandelstam in terms of the Kipling tradition. It also shows how the poem Face to Face is reflected in S.A. Esenin's poem Letter to a Woman and reconstructs possible circumstances of Esenin's encounter with the poem Face to Face. The author proves that Esenin gave the most aphoristic definition to the content of Tikhonov's poem and that this poem served as the main source of the most important motifs for The Poem about the Unknown Soldier – the motif of people bought in bulk for cheap and turned into cannon fodder, the motif of trenches turned into graves, as well as the idea of metaphorically turning a text about a historical event into a ray of light and thus giving information about it the speed of light. The poem Face to Face and the cycle The Poem about the Unknown Soldier are related to the pacifist pathos, polemical in relation to Kipling. The article also shows the uncertainty of the textual criticism of The Poem about the Unknown Soldier. The early Tikhonov's biography is reconstructed and the archival materials prove that he was an officer and took part in the civil war on the side of the Whites in N. N. Yudenich's North-Western Army. Presumably, Tikhonov could also have served in P. N. Wrangel's Russian Army. Tikhonov successfully concealed these facts of his biography throughout his life. It is shown that Tikhonov's rejection of communist power and his disguised satire on it were reflected in the story From Sea to Sea written in the spirit of Kipling as well as in the story Anopheles, where V. I. Lenin is parodied under the influence of Mikhail Bulgakov's story The Fatal Eggs, and also in the screenplay Smile, where I. V. Stalin is parodied. Moreover, the author shows the influence of the story From Sea to Sea on V. A. Kaverin's novel Two Captains.

Key words: tradition; O. E. Mandelstam; N. S. Tikhonov; R. Kipling; soviet poetry; poetic Leniniana; intertextuality; textual criticism; parody; satire; pacifism

For citation: Sokolov B. V. Kipling's tradition in soviet poetry: Nikolai Tikhonov and Osip Mandelstam. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 84-109. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-84>.
<https://elibrary.ru/IYMN>.

Введение

Советская поэзия наследовала киплингговскую традицию как непо-

средственно, так и от поэтов-акмеистов. Монографическое исследование данной проблемы отсут-

ствуют. Есть лишь отдельные наблюдения, в том числе в предисловиях и послесловиях к сборникам переводов Киплинга [См.: Кузьминский, 2008; Сурганова, 2009; Бетаки, 2011; Казарин, Ищенко, 2012; Мосова, 2012; Лекманов, 2016]. Можно согласиться с выводом Р. Ш. Абельской о том, что киплингская поэзия в России неожиданно оказалась «камертоном эпохи» и ощущалась созвучной российским событиям и настроениям первой половины XX века [Абельская, 2006]. Среди акмеистов Николай Гумилев, несомненно, является наиболее ярко выраженным киплингианцем. Но и Осип Мандельштам, хотя и был дальше от киплингской традиции, отразил ее в своем творчестве – прежде всего, в стихотворениях «Я пью за военные астры...» (1931) [См.: Раскин, 2017] и «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931) [См.: Лекманов, 2016]. Также его «Стихи о неизвестном солдате», не восходящие к этой традиции напрямую, оказывается имели в качестве важного источника стихи из поэмы «Лицом к лицу» Николая Тихонова, видного представителя киплингской традиции в советской поэзии. Однако у Мандельштама в тех стихах, которые испытали влияние Тихонова, киплингская традиция отсутствует. Мы постарались показать, как трансформировался один из эпизодов поэмы Тихонова в стихотворении Мандельштама и как данная поэма Тихонова повлияла на творчество Есенина. Киплингианские же мотивы в творчестве Тихонова ока-

зались тесно связаны с его подлинной биографией, которую ему пришлось скрывать всю жизнь.

1. Тихонов и Есенин: «Лицом к лицу» и «Письмо к женщине»

Поэма Н. С. Тихонова «Лицом к лицу» представляет собой один из первых образцов советской поэтической ленинианы. Она была написана в январе – марте 1924 года и прочитана 6 апреля 1924 года в Институте современной литературы Государственного института искусств. Согласно записи И. А. Груздева, О. Э. Мандельштаму поэма не понравилась, так она и не эпическая, и не субъективная, а главный герой, петроградский лудильщик, «вначале ближе к Ленину, чем в конце. И что с ним происходит дальше – неизвестно. Нет сюжета. Все сплошная гипербола». Ю. Н. Тынянов возразил, что «сейчас мы должны разрывать каноническую форму, чтобы ощутить новую» (*Груздев И. А. Отчет И. А. Груздева об обсуждении поэмы Н. Тихонова «Лицом к лицу» и цикла «Юг» в Институте современной литературы Государственного института искусств с участием О. Э. Мандельштама. 6.4.1924. // РГАЛИ, Фонд 1527 (Эйхенбаум Б. М.). Опись 1, дело 36. ЛЛ. 14–15*). А. Г. Мец ошибочно датирует это чтение 8 марта 1926 года [Мандельштам, 2011, с. 780–781].

В поэме Тихонова в ночь Октябрьской революции лудильщик встречает на Марсовом поле лицом к лицу Ленина, не зная, кто этот человек. В финале же поэмы, уже после гражданской войны, он видит Лени-

на в кинохронике, и понимает, какого великого человека он встретил.

Содержание поэмы Тихонова хорошо передает Сергей Есенин в стихотворении «Письмо к женщине» (1924), обращенном к его первой жене З. Н. Райх:

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстояньи.
[Есенин, 1997, с. 123]

Это стихотворение впервые было опубликовано 21 ноября 1924 года в тифлисской газете «Заря Востока», а поэма Тихонова была впервые напечатана в 1925 году в 6-й книге альманаха «Недра»¹ [Тихонов, 1925]. Но поэма «Лицом к лицу» уже 6 апреля 1924 года читалась автором публично. Есть большая вероятность, что эту поэму Есенин услышал непосредственно от Тихонова. Поэты встретились в Тифлисе в духане между 10 и 17 сентября 1924 года за стаканом напареули. Тихонов описал эту встречу в воспоминаниях, написанных в связи с гибелью Есенина: «Мы сидели один на один и разговаривали стихами» [Летопись жизни ... , 2010, с. 399–400].

30 сентября 1924 года в письме Е. Г. Полонской Тихонов отмечал: «В Тифлисе встретил Есенина. Он написал 2 балалаечно-геройские поэмы – из пушек по воробьям» [Летопись жизни ... , 2010, с. 399–400]. Составители «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина» приходят к выводу, что Есенин читал Тихонову «Поэму о 36» и «Песнь и великом походе» [Летопись жизни ... , 2010,

с. 421]. А в 1964 году Тихонов уточнил, что Есенин читал ему, в частности, «Поэму о 36» [Воспоминания о Сергее Есенине, 1965, с. 492²].

Поскольку поэты «разговаривали стихами», Тихонов тоже читал свои стихи. Поэма «Песнь о великом походе» (1924) посвящена гражданской войне. Там упоминается Ленин, и центральное место занимает отражение похода Н. Н. Юденича на красный Петроград в 1919 году:

Ты не смей дремать,
Трудовой народ!
Как под Питером
Рать Юденича!
[Есенин, 1998, с. 127]

Тихонов сам был тогда офицером в «рати Юденича», что впоследствии в анкетах превратил в участие в «разгроме Юденича под Петроградом» в рядах Красной Армии. В ответ он мог прочесть Есенину свою еще не опубликованную поэму «Лицом к лицу», где речь также шла о гражданской войне, и в которой центральное место занимал Петроград. Поэмы Есенина Тихонову не понравились. «Песнь о великом походе» передавала народный взгляд на события гражданской войны с красной стороны. Тихонов же сражался под Петроградом на белой стороне, и есенинское изображение недавних трагических событий ему, вероятно, претило, но открыто признаться в этом он не мог.

В начале XX века в Москве и Петербурге лудильщики были главным образом цыгане. Журнал «Огонек» в 1917 году поместил фотогра-

фию лудильщиков-цыган с подписью: «На улицах столицы за последнее время появилось очень много цыган-лудильщиков и продавцов медной утвари и посуды» [Петроград в эти дни, 1917, с. 461]. Тихонов намекает на то, что герой – цыган, когда говорит, что он брюнет: «Как будто выплеснул душу /На темную щекую свою» [Тихонов, 1925, с. 54]. А цыгане, как известно, – народ, вышедший из Индии, и его язык относится к индоарийской ветви языков.

Дни – сухарями. Пыль. Корчма.
Ночи – тревогами. Пыли – нагар –
Темнеют панские дома,
Встречая Северный Наган.

К словам «Северный Наган» Тихонов сделал примечание: «Дело идет о польской кампании 1919 года» [Тихонов, 1925, с. 48].

В поэме упоминается «кривой прыжок в условное» [Тихонов, 1925, с. 53]. В реальности цыган в императорской России в армию не призывали, тем более в элитный род войск – кавалерию. Сделав своего лудильщика солдатом и всадником, Тихонов передал ему черты своей военной биографии. Вот только в польской кампании Красной Армии 1919 года, когда советские войска сражались с польскими в Литве и Белоруссии, поэт не участвовал, поскольку в это время сражался против большевиков в Латвии, а потом участвовал в походе Северо-Западной армии Юденича на Петроград. Зато Тихонов мог находиться в Польше в 1920 году вместе с остат-

Это роднит «Лицом к лицу» с гораздо более известным произведением тихоновской ленинианы – поэмой «Сами» (1921). Там героем является индийский мальчик, воображающий себе Ленина. Обе поэмы объединяет то, что вождь большевиков дан в наивном восприятии людей, находящихся на периферии европейской цивилизации и впервые услышавших о Ленине.

В «Лицом к лицу» есть такие строки:

ками армии Юденича в период советского контрнаступления на польском фронте.

2. Тихонов и Мандельштам: «Лицом к лицу» и «Стихи о неизвестном солдате»

О влиянии О. Э. Мандельштама на Н. С. Тихонова писала советская критика 1920-х годов. Современные исследователи также отмечают случаи влияния Тихонова на Мандельштама [Лекманов, 2017]. Пути двух поэтов неоднократно пересекались. В декабре 1922 года Тихонов впервые посетил Мандельштама и читал ему свои стихи, после чего последний, по свидетельству его жены Н. Я. Мандельштам, «попал под очарование Коли Тихонова, но это длилось недолго» [Лекманов, 2017, с. 474]. 8 марта 1926 года между Тихоновым и Мандельштамом состоялась дискуссия на заседании Госу-

дарственного института искусств в Ленинграде. Как вспоминал присутствовавший при этом В. А. Каверин, здесь столкнулись две поэтики: «Мандельштам возражал против предметной поэзии, называвшей вещи своими именами. <...> Это была защита права поэзии на пророчество, на разговор с вечностью». Тихонов же «предпочитал меткость, отчетливость, ясность, развертывающуюся мысль, которая не должна и не может нуждаться в изысканности, отгадке» [Каверин, 1989, с. 302–303].

В 1928 году Тихонов подарил Мандельштаму сборник своих стихов «Поиски героя» (1927) с памятной надписью: «Осипу Эмильевичу Мандельштаму – с любовью. Н. Тихонов. 1928» [Лекманов, 2017, с. 474]. Как один из ведущих членов редколлегии журнала «Звезда», он добился публикации в 1933 году мандельштамовского «Путешествия в Армению».

31 декабря 1936 года ссыльный Мандельштам писал Тихонову из Воронежа с просьбой о помощи. Он просил: «Добейтесь до разрешения общего вопроса, что может затянуться, – немедленной конкретной помощи – не частной – ну ее к черту, – но скромной организованной советской поддержки. Имейте в виду, что служить я не могу, потому что стал не в шутку инвалидом. Не могу также переводить, потому что очень ослабел и даже работа над своим стихом, которую я не могу отложить, стоит мне многих припадков» [Письма, 1991, с. 29–30].

Под «скромной организованной советской поддержкой» имелась в виду возможность публиковать стихи и прозу в советской печати. Тихонов, который в то время фактически возглавлял редколлегию «Звезды», прекрасно понимал, что судьбу поэта, репрессированного за антисталинские стихи, может решить только сам Сталин, непосредственного контакта с которым он тогда не имел. Поэтому 20 января 1937 года Тихонов переслал письмо Мандельштама зав. отделом художественной литературы ЦК ВКП(б) В. Я. Кирпотину с просьбой ответить «как и что решили» [Письма, 1991, с. 30]. Ответ Кирпотина неизвестен.

Последнее отчаянное письмо Мандельштама Тихонову было написано около 17 апреля 1937 года: «Сейчас дело пахнет катастрофой. Вмешайтесь, пока не поздно. Верьте каждому слову моей жены. Спешите. Иначе всё кончится непоправимо» [Мандельштам, 2011, с. 558]. Но публиковать Мандельштама на свой страх и риск, даже под псевдонимом, Тихонов побоялся.

3 февраля 1924 года Тихонов писал своему другу поэту П. Г. Антокольскому, что «Мандельштам ищет движение и сюжет» [Тихонов, 2005, с. 410]. Для Тихонова же, по замечанию Тынянова, опорой сюжета становится слово [Тынянов, 1977, с. 191–193].

По нашему мнению, поэма «Лицом к лицу» отразилась в цикле Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» («Этот воздух пусть будет свидетелем») (1937–1938)

(библиографию работ об этом стихотворении см.: [Василенко, 2017, с. 83]). Этот цикл Манделъштам послал Тихонову в приложении к письму от 6 марта 1937 года для возможной публикации в журнале «Звезда». В этом письме Манделъш-

До прибылей охочие
Скупали звоном ловким
Дымящееся мясо
В жестянках развороченных
Окопов по дешевке.
Дешевле с каждым часом,
С очередным невольным,
Невольничьим отрядом.

Земля становилась складом
Гнилых консервов...

[Тихонов, 1925, с. 44]

Манделъштам сам не воевал и использовал свидетельство поэта, прошедшего Первую мировую и гражданскую войну. От Тихонова у

там просил о денежной помощи в долг, ответ Тихонова неизвестен [Осип Манделъштам, 1982, с. 9–10].

Вот стихи тихоновской поэмы, отражающие военный опыт поэта периода Первой мировой войны:

Манделъштама – мотив оптовой скупки задешево людей, превращаемых в пушечное мясо, и мотив окопов, превращенных в могилы:

Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте –
Доброй ночи, всего им хорошего
От лица земляных крепостей.
Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей –
За тобой, от тебя, целокупное,
Я губами несусь в темноте –
За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил, –
Развороченных – пасмурный, оспенный
И придымленный гений могил.

[Манделъштам, 2009, с. 229]

Скупка по дешевке дымящегося мяса превратилась в «Стихах о неизвестном солдате» в «миллионы «убитых задешево». «Склад гнилых консервов», развороченных жестя-

нок – это метафора окопов, заваленных трупами и ставших могилами для миллионов солдат. У Манделъштама окопы стали развороченными «земляными крепостями», над кото-

рыми витает «пасмурный, оспенный и придымленный гений могил». Небо над окопами Манделъштам видит небом «крупных оптовых смертей». У Тихонова миллионы погибших остаются гнить на земле, а у Манделъштама они протаптывают тропу на небе.

Стоит заметить, что даже в том случае, если бы Манделъштам не был репрессирован в 1934 и 1938 годах, публикация «Стихов о неизвестном солдате» в 1937 году была бы невозможна не только из-за обвинений в пацифизме (по этой причине от публикации стихов отказался журнал «Знамя», см.: [Манделъштам, 2011, с. 844]), но, прежде всего, из-за неизбежных обвинений в «формализме». Здесь мы видим ту же бессюжетность и те же гиперболы, которые сам Манделъштам отмечал в середине 20-х в поэме Тихонова как недостаток, но сам пришел к тем же самым приемам в своих последних стихах. Замечу, что текстология «Стихов о неизвестном солдате» не прояснена до сих пор, и, учитывая, что работа над произведением из-за ареста не была Манделъштамом закончена, вряд ли когда-нибудь нам удастся установить текст, соответствующий последней воле поэта [Богатырева, 1995]. В этой ситуации оптимальным эдиционным решением нам видится публикация всех существующих редакций в одном корпусе, без выделения канонического текста. М. Л. Гаспаров приводит концовку «Стихов о неизвестном солдате», имеющую явно цензур-

ный характер, от которой, по его мнению, поэт в конце концов отказался, поскольку эти строки были «слишком прямолинейные»: «Но окончилась та перекличка И пропала, как весть без вестей, И по выбору совести личной, По указу великих смертей Я – дичок, испугавшийся света, Становлюсь рядовым той страны, У которой попросят совета Все, кто жить и воскреснуть должны. И союза ее гражданином Становлюсь на призыв и учет, И вселенной ее семьянином Всяк живущий меня назовет» [Манделъштам, 2001, с. 671]. По мнению Г. А. Морева, этот текст в действительности отражает последнюю волю Манделъштама [Морев, 2022, с. 174–175]. Но даже если бы Манделъштам представил для публикации «Стихи о неизвестном солдате» с этой концовкой, их публикация в СССР во второй половине 1930-х годов была невозможна.

В поэме Тихонова и в цикле Манделъштама есть общий мотив превращения информации об историческом событии в луч света и придания тем самым словам скорости света:

Империю смыло – ночь рыжей,
И ночи быть довольно. –
Уже рассвет. Зарей уже
Рассказ летит над Смольным.

Как быстрота он не остыл,
Ты верен здесь, Джон Рид,
Сказав про то, что видел ты:
«Very good speed»!

[Тихонов, 1925, с. 47]

Цитату из книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (Ten Days that Shook the World) (1919) Тихонов перевел как «очень хорошая быстрота» [Тихонов, 1925, с. 47]. Здесь возможен также перевод «очень хорошая скорость». У Тихонова рассказ о великом историческом событии – Октябрьской революции – превращается в луч зари. У Мандельштама в луч света превращается рассказ о великих битвах прошлого и настоящего, где «Сквозь эфир десятично-означенный /Свет размолотых в луч скоростей /Начинает число, опрозраченный /Светлой болью и молью нулей. <...> /Весть летит светопыльной обновою: /– Я не Лейпциг, я не Ватерлоо, /Я не Битва Народов, я новое, /От меня будет свету светло» [Мандельштам, 1994, с. 124].

Мы вслед за П. М. Нерлером и А. Т. Никитаевым полагаем, что этот фрагмент относится к последней авторской редакции цикла. А. Г. Мец [Мандельштам, 2011] и М. Л. Гаспаров [Мандельштам, 2001] относят его к одной из промежуточных редакций. В этих строках заключена важная для Мандельштама мысль о том, что память об истории метафорическим лучом освещает настоящее и будущее.

3. Тайная биография

Николая Тихонова и Р. Киплинг

По заключению Ю. С. Блюмквист, образ войны являлся центральным в поздних стихотворениях Киплинга [Блюмквист, 2014]. У Тихонова же война была главной

темой его поэзии, и лучшие стихи и поэмы Тихонова, начиная с «Орды» и «Браги» и заканчивая поэмами «Киров с нами» и «Слово о 28 гвардейцах», посвящены военной теме. Но в отличие от Киплинга и Мандельштама, никогда не воевавших, Тихонов семь лет провел на фронтах Первой мировой и гражданской войн, сначала унтер-офицером и фельдфебелем (подпрапорщиком), а с октября 1917 года и по осень 1920 года – офицером поля боя, непосредственно участвовавшим в боевых столкновениях. Киплингу, как и Мандельштаму, никогда не приходило в голову скрывать свою раннюю биографию до наступления литературной известности, и придумывать и жить с вымышленной биографией. А Тихонову пришлось придумать себе биографию, так как приходилось скрывать свое богатое белогвардейское прошлое, отразившееся, прежде всего, в сборниках «Орда» и «Брага» и некоторых более поздних стихотворениях и поэмах.

Чтобы легализоваться в советской поэзии, Тихонову пришлось придумать себе отца – бедного ремесленника и собственную службу писцом в хозяйственном управлении Морского министерства, на которую будто бы пришлось пойти, чтобы помочь семье сводить концы с концами. Также пришлось придумать службу в гусарском полку во время Первой мировой войны, вступление добровольцем в Красную Армию и участие в разгроме армии Юденича под Петроградом

осенью 1919 года [Тихонов, 1981]. На самом деле отец Тихонова был вполне состоятельным бизнесменом, владельцем магазина «Парики» в центре Петрограда [Весь Петроград на 1917 год, 1916]. Легенду про службу в Морском министерстве пришлось изобретать для того, чтобы объяснить знание ряда морских терминов. Это знание Тихонов, по всей видимости, приобрел во время учебы в Морском кадетском корпусе. В повести Тихонова «Старатели», опубликованной в 1918 году в журнале «Нива» и при жизни автора не переиздававшейся, главный отрицательный герой с inferнальными чертами Меффистофеля носит фамилию Зейман. А «зейманами» называли друг друга кадеты и гардемарины Морского кадетского корпуса. Но признаваться в учебе в Морском кадетском Тихонов никак не мог, так как сыновья бедных ремесленников там никогда не учились, а учились только дети из обеспеченных семей.

Уже в 70-е годы в беседах с ленинградским журналистом и издательским работником Д. Т. Хренковым Тихонов признавался: «Стихи Киплинга были для меня глотком свежей воды. <...> Киплингowski томми – всегда в оппозиции к своему народу и всегда в своих завоеваниях приносит беду народу другому. Не могу сказать, что тогда, в годы, предшествовавшие первой мировой войне, я понимал это глубоко» [Хренков, 1984, с. 11]. Здесь – косвенное признание в том, что Тихонов знал английский язык

еще до Первой мировой войны, так как стихотворения Тихонова на русский еще не были переведены, и он мог читать их только по-английски. Но ранее, в 1930 году, Тихонов вспоминал, как в 1921 году в беседе с К. И. Чуковским прочел ему «Балладу о синем пакете», и тот указал ему на сходство сюжета баллады с сюжетом баллады английского поэта XIX века Роберта Браунинга (Броунинга) «Как привезли новости из Гента в Аахен». Признаваться в знании английского Тихонову было никак нельзя, так как до революции английский, не преподававшийся в гимназиях и торговых школах, можно было выучить, либо обучаясь в морском кадетском корпусе, либо занимаясь английским со специально нанятым домашним учителем. Последнее было доступно только состоятельным семьям. Поэтому Тихонов всем говорил, что начал учить английский только в начале 20-х годов, уже после выхода «Орды» и «Браги». А тогда он спросил Чуковского: «А Браунинг по-русски есть?», и, услышав отрицательный ответ, заявил: «Я же по-английски не читаю. Поэтому откуда же у меня с ним связь?». Чуковский, смеясь, ответил: «Не знаю, наверное, родство душ». Завершил же Тихонов рассказ ложным утверждением: «Когда впоследствии я стал заниматься английским и уже читал английские стихи, я, помня о Браунинге, отыскал его и сразу же схватил эту балладу. Но похожи там были только некоторые места рит-

ма, больше ничего» [Тихонов, 2005, с. 356].

Тихонов служил не в гусарском полку (так в 17-й кавалерийской дивизии называли полк Офицерской кавалерийской школы), а в 20-м драгунском Финляндском полку той же дивизии и приказом по полку от 7 октября 1917 года был произведен из подпрапорщиков в прапорщики (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, Л. 75*). 18 декабря 1917 года он был выбран командиром 3-го эскадрона финляндских драгун (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, Л. 98*), а 24 февраля 1918 года, в ходе германского наступления, согласно записи в Журнале военных действий 20-го драгунского Финляндского полка, «во время перестрелки убит командир эскадрона тов. Тихонов» (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, Л. 112*). Кроме того, в августе 1917 года в составе 20-го драгунского Финляндского полка Тихонов, будучи членом полкового комитета и начальником команды связи, принимал участие в разоружении и аресте части солдат 10-го Сибирского стрелкового полка, отказавшихся выступать на фронт (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917, фонд №3572, опись 1, дело 408. ЛЛ. 10–13*). Эти события были отражены в повести

«Старатели», причем с явной критикой действий большевиков и других революционных партий, разлагавших армию, в том числе через солдатские комитеты. Очевидно, Тихонов стремился скрыть как факт своего производства в офицеры, так и свое участие в подавлении антивоенного выступления солдат. Поэтому и указал местом службы другой полк, где его следы при всем желании невозможно было найти. А поскольку в 20-м Финляндском полку Тихонов по документам числился убитым, он всегда мог заявить, что это был его однофамилец.

24 февраля 1918 года Тихонов не погиб, а присоединился к Отряду Особой важности имени атамана Леонида Пунина, который тогда действовал совместно с 17-й кавалерийской дивизией. Отрядом командовал штабс-ротмистр С. Н. Булак-Балахович. Повесть Тихонова «От моря до моря» (1925), название которой повторяет название книги очерков Киплинга “From sea to sea”, опубликованной в 1899 году, по содержанию напоминает роман Киплинга «Ким» (Kim) (1901), о мальчике, сыне ирландца и индианки, после смерти отца выполняющем в Индии и Афганистане задания британской разведки. У Тихонова главный герой – мальчик Димка (в его имени есть все три буквы имени «Ким»)³, потерявший отца, путешествует с большевиками-красноармейцами от Балтийского до Черного моря в годы гражданской войны 1918–1921 гг., попутно вы-

полняя порой функции разведчика. В финале же, перед возвращением к красным, он как бы становится Маугли – волны сорвали с него одежду, и голый Димка «стал первобытным мальчиком, вокруг которого бушевали стихии...» [Тихонов, 1975, 93]. Как и у Киплинга, в повести Тихонова есть inferнальные мотивы. В частности, образ Козела ассоциируется с чертом. Киплинговским образом, навеянным стихотворением «Мировая с медведем» (*The Truce of the Bear*) (1898), является образ безумного моряка Киракоза, который сошел с ума после того, как мальчиком испугался в лесу медведя, бросившего в него камень, то есть медведь здесь, как и у Киплинга, ведет себя как человек. Тихоновский медведь бросает в мальчика камень, а медведь Киплинга выходит из каменной пещеры.

Исходя из информации, которой мы располагаем о Тихонове, воспоминанием о детстве выглядит эпизод с малышом, играющим с большой железной дорогой, доступной только богатым детям. Также автобиографические черты могут быть у еще одного героя повести – 17-летнего Эрика фон Торрена, петербургского немца (точнее, австрийца) из обедневших дворян, который служит в конноартиллерийской батарее у белых, а потом переходит к красным. Не исключено, что отец Тихонова имел дворянское происхождение (в Санкт-Петербургской губернии был дворянский род Тихоновых, но

неизвестно, принадлежал ли к нему отец Тихонова). Также возможно, что в роду Тихонова были остзейские немцы. В автобиографии 1922 года Тихонов писал, что «дед у меня латыш» [Тихонов, 1922, с. 29], но не исключено, что латышской национальностью он маскировал остзейского предка.

В повести есть и завуалированное осуждение красного террора: «Суд революции в те времена был и скор и строг. Судьбу человека, здания, корабля, города революция решала в одну минуту, и если они были осуждены этим судом, здание рушилось, корабль тонул, город загорался с четырех концов, а человек умирал так быстро, что не успевал вспомнить, как его зовут» [Тихонов, 1975, с. 61]. А еще, намек на последствия революции, Тихонов предупреждал: «Ни в каком деле нельзя ручаться за повороты» [Тихонов, 1975, с. 30]. И скептически относился к перспективам мировой революции: «Кишка тонка на весь мир идти! И так без порток ходим...» [Тихонов, 1975, с. 67]. И иронизировал в повести над инспектором военкомата Соколовым, основное занятие которого в голодном Петрограде – разыгрывать на картах будущие бои на улицах Парижа, Берлина, Лондона или Рима.

В «От моря до моря» уже присутствует тот стиль, который мы привыкли связывать с Андреем Платоновым, возникший у Тихонова раньше. Вполне по-платоновски звучат некоторые фразы тихоновской повести: «Голоса комиссаров

догоняли уходящих и возвращали обратно. Эта переключка голосов и стуков наполняла все комнаты и лестницы небольшого дома»; «Судья революции сидел перед ним, темнея квадратным подбородком и холодными, точно электрическими, глазами. Порой они горели кошачьим огнем. Он был, как сама революция, прост и страшен» [Тихонов, 1975, с. 29, 62]. Но, поскольку «От моря до моря» была предназначена для детей, в ней не было натурализма, который мы находим у Платонова.

У Тихонова была мысль продолжить «От моря до моря» в духе Киплинга. Он писал литературоведу Н. А. Трифонову 9 октября 1978 года: «Если вы вспомните роман Киплинга “Ким”, то там шла речь о мальчике-разведчике, где он главного врага Британской империи в Индии видел в России. У меня была мысль на нашем восточном материале написать роман – поспорить с Киплингом. Этот роман остался только в черновых набросках плана» [Из эпистолярного наследия ... , 1983, 594]. В начале тихоновской повести Димка вместе с отбившимся от своего полка отрядом из 12 всадников во главе с солдатом, большевиком Степановым (автобиографическим персонажем, при том что в гражданскую войну Тихонов был противником большевиков), отступая под натиском немцев, в конце февраля 1918 года в Северной Латвии в одном из имений встречают «батальон смерти», который Степанов

определяет как противников большевиков. Хотя Степанов и назван в повести солдатом, но у него имеется полевая книжка – атрибут офицера. «Батальонами смерти» в русской армии называли пехотные ударные батальоны, которые начали формироваться после Февральской революции. В кавалерии «батальоны смерти» не создавались, но фактически к ним приравнивались созданные еще до революции два конных партизанских отряда – Отряд Особой важности имени атамана Леонида Пунина в Прибалтике и партизанский отряд под командованием атамана Б. В. Анненкова, действовавший в Белоруссии. Димка и Степанов видят знамя «батальона смерти»: «Они носили на рукавах черные полосы, а на рукавах и папах череп с белыми костями. <...> Знамя тоже было черное с черепом и костями» [Тихонов, 1975, с. 16]. Бойцы отряда имени атамана Леонида Пунина называли себя «рыцарями смерти», а их знамя, существовавшее еще с 1916 года, представляло собой «черное полотнище из добротного плотного шелка. На его лицевой стороне скалила белые зубы Адамова голова, а вокруг бежала надпись: “Всадники несите смерть Германии”» [Хорошилова, 2013, с. 75]. О том, что встреченный Степановым и Димкой отряд был кавалерийским, свидетельствует то, что командир «батальона смерти», капитан Рыкачев, является кавалеристом, так как в дальнейшем он командует в армии Деникина конноартиллерийской

батареи. В отряде имени атамана Пунина тоже была такая батарея. Вероятно, в образе Рыкачева, главного антипода положительных героев повести, отразились черты С. Н. Булак-Балаховича. Интересно, что образ «батальона смерти» из повести «От моря до моря», возможно, отразился в романе близкого друга Тихонова В. А. Каверина «Два капитана» (1938–1944). Здесь отчим главного героя, Гаер Кулий, служащий в батальоне смерти, очень напоминает солдата Козела, которого встречают Степанов и Димка в том же имени, и людей Рыкачева. Этот солдат – мошенник, спекулянт и мародер, тащит с собой мешок с украденными настенными часами. Гаер Кулий после разгрома батальона тащит из дома матери главного героя мешок с вещами, в том числе с бархатной жакеткой матери.

Отряд С. Н. Балаховича еще в октябре 1917 года признал власть большевиков, а в марте 1918 года на его основе под командой Балаховича был сформирован Лужский партизанский (он же – 1-й Конный) полк, получивший личное шефство Троцкого. После того, как германская угроза миновала, полк Балаховича в начале ноября 1918 года перешел на сторону белых в Псков, где формировался Северный добровольческий корпус. Офицеры полка во время службы у большевиков сняли погоны, но бережно хранили их, рассчитывая вскоре надеть вновь. Вместе с полком к белым перешел и Тихонов. В авто-

биографии 1926 года он писал, что служил в 1-м полку, но только стрелковым, имени Калинина [Тихонов, 2005], а в позднейшей автобиографии утверждал, что был демобилизован из старой армии весной 1918 года, а осенью того же года пошел добровольцем в Красную Армию [Тихонов, 1981]. Эта ложь понадобилась для того, чтобы скрыть службу у красных в полку Булак-Балаховича, что предполагало последующий переход к белым. В первой редакции повести, опубликованной (не полностью) в 1925 году журнале «Новый Робинзон», присутствовало имя Троцкого, к которому в Смольный обращался один из персонажей повести. В позднейших изданиях имя Троцкого исчезло.

После того как в ноябре 1918 года под натиском Красной Армии белые оставили Псков и отступили в Прибалтику, Тихонов оказался среди той части Северного корпуса, которая отошла на Ригу, а потом на Либаву, где он в январе 1919 года вступил в отряд светлейшего князя А. П. Ливена, вместе с которым участвовал в боях в Прибалтике. В стихотворении Тихонова «Атака под Роденпойсом» отразился бой под Роденпойсом 24 мая 1919 года, когда отряд попал в засаду и был атакован красными. Лирический герой Тихонова и его товарищи после атаки вынуждены отступать под неприятельскими пулями, как это и было с кавалерийским эскадроном ливенцев в том бою [Белая борьба ... , 2003].

Тихонов же впоследствии утверждал, что участвовал в кавалерийской атаке под Роденпойсом 21 августа (3 сентября) 1917 года в Первой мировой войне, во время немецкого наступления на Ригу [Тихонов, 1981]. Однако тихоновский 20-й драгунский Финляндского полка, согласно записям в его Журнале военных действий, в этой атаке не участвовал (*Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), 1917–1918, дело 409, ЛЛ. 4–15*). Зато в ней участвовал разъезд отряда имени атамана Пунина, к которому потом присоединился Тихонов и от бойцов которого он мог знать подробности атаки. И события 21 августа совсем не соответствуют тому, что описал Тихонов в стихотворении, поскольку из-за атаки русской кавалерии немцы отступили и целый день не возобновляли наступление [Хорошилова, 2013].

Отряд Ливена летом 1919 года был переброшен с Эстонию, а затем в белую Северо-Западную армию, в составе которой был реформирован в 5-ю пехотную Ливенскую дивизию. В альбоме «Белая Россия 1917–1922» есть фотография «Сторожевой пост под д. Килли лето 1919 г.» (в настоящее время эта деревня относится к Кингисеппскому району Ленинградской области), запечатлевшая ливенцев [Белая Россия, 2003]. Впервые она была опубликована в сборнике воспоминаний офицеров Ливенского отряда «Памятка ливенца» (1929 год), изданном в Риге. На фото можно узнать Тихонова,

причем в отличие от остальных ливенцев, одетых в германскую униформу и каски (большинство отряда составляли офицеры и добровольцы, ранее находившиеся в плену в Германии; они были экипированы из германских складов в Прибалтике), он единственный одет в русскую униформу – гимнастерку и фуражку, причем по положению на заднем плане и свободной, неуставной манере держаться можно заключить, что Тихонов – начальник поста.

В архиве Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына в документах штаба 5-й Ливенской пехотной дивизии армии Юденича мне удалось обнаружить следующую записку карандашом без даты: «К-ру 2 полка Передовые части противника подошли к Перегребу (*деревня Гдовского уезда Петербургской губернии, ныне – в Сланцевском районе Ленинградской области. – Б. С.*), отеснив наш конный разъезд. Численность противника пока не выяснена. Тихонов (*расшифровка подписи и подпись. – Б. С.*)». На обороте донесения (*другим почерком – Б. С.*): «Прошу передать телефонограмму в штаб полка. Е. Р.» (*Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына, 1919. Л. 19 и об.*) Резолюция на обороте донесения принадлежит подполковнику Е. Н. Решетникову, в ноябре 1919 года исполнявшему должность начальника штаба Ливенской дивизии, а в декабре утвержденному в этой должности. Вероятно, донесение написано в середине ноября 1919 года, когда

армия Юденича отступала от Петрограда к эстонской границе. Согласно заключению эксперта-подчерковеда Д. М. Фельдмана, можно «заключить с высокой долей вероятности, что Н. С. Тихонов – автор документа, хранящегося в архиве Дома Русского Зарубежья»⁴. Основываясь на тексте донесения, Тихонов в тот момент был командиром конной разведки 2-го Ливенского (18-го Рижского) полка. Таким образом, находит свое объяснение, почему самое известное тихоновское стихотворение «Баллада о гвоздях», как доказал Н. В. Кофырин, посвящено британским морякам, совершившим рейд на торпедных катерах на красный Кронштадт в ночь с 17 на 18 августа 1919 года [Кофырин, 2015]. Ведь англичане тогда были союзниками Юденича.

Дальнейший путь Тихонова в гражданской войне можно реконструировать только предположительно. Он отступил в Эстонию вместе с армией Юденича. Оттуда Тихонов, скорее всего, весной 1920 года через Латвию, Польшу и Германию добрался до французского порта Марсель, а оттуда прибыл в Крым, занятый Русской армией П. Н. Врангеля. Косвенным свидетельством пребывания поэта в армии Врангеля может служить стихотворение «Да, чужда мне, чужда Нева...», где есть такие строки:

Тело бросили в долгий гон,
Но нельзя же годами в бреду
Вместе с кожей срезать погон
Иль на лбу вырезать звезду.

[Тихонов, 2024, с. 106]

Здесь Тихонов осуждает только красный террор, поскольку эти строки восходят к одному конкретному эпизоду. В освобожденном от красных Харькове Добровольческая армия при эксгумации жертв ЧК обнаружила, что «на трупах бывших офицеров <...> были вырезаны ножом, или выжжены огнем погоны на плечах, на лбу – советская звезда, а на груди – орденские знаки» [Жевахов, 1928, с. 185]. Об этом эпизоде писали в 1919–1920 гг. в деникинских и врангелевских газетах, но вряд ли эту информацию можно было найти в газетах Северо-Западной армии. В Крыму Тихонов мог встречаться с теми, кто знал о харьковской эксгумации жертв ЧК. Это стихотворение Тихонова было впервые опубликовано в берлинском альманахе «Пчелы» в 1923 году. Но написано оно могло быть раньше, еще в 1920 году, в Крыму. Степанов, у которого есть портретное сходство с Тихоновым («высокий человек, с лицом, точно вырезанным из красной сосны», [Тихонов, 1975, с. 93]), в конце повести командует красной конноартиллерийской батареей, которая прежде была у белых. Не исключено, что Тихонов у Врангеля служил в конной артиллерии.

Также в стихотворении «Перекоп» тот, от лица которого написана первая половина стихотворения, находится не в Северной Таврии, среди штурмующих Перекоп красных, а в Крыму, среди обороняющих Перекоп белых, которые «красным волкам» готовят «кап-

кан», используя против них авиацию («Волкодавы крылатые бросились с гор»). На это указывают и упоминаемые в начале стихотворения кипарисовые рощи, свойственные для Крыма, но не для Северной Таврии [Тихонов, 2005]. Характерно, что Тихонов до Великой Отечественной войны никогда не приезжал в Крым, возможно, опасаясь, что его могут опознать как бывшего врангелевского офицера. И в повести «От моря до моря» Крым выпадает, поскольку действие после весны 1920 года переносится в конец 1920 года, уже после эвакуации Крыма. И нет там также боев под Петроградом, то есть тех боев, в которых Тихонов точно участвовал. При этом в повести говорится, что герои вступают в «великую гражданскую войну» [Тихонов, 1975, с. 48], из чего можно заключить, что Тихонов на самом деле высоко оценивал свою миссию в этой войне. Он никогда не упоминал об участии в гражданской войне на стороне красных, кроме разгрома Юденича. Но про последнее можно было писать без всякого риска. Когда Северо-Западная армия осенью 1919 года подходила к Петрограду, в городе было создано много импровизированных отрядов из работников тыловых военных учреждений и рабочих. Когда опасность миновала, эти отряды были расформированы. Тихонов всегда мог сказать, что служил в одном из таких отрядов, и проверить его слова было невозможно. А вот сказать, что он участвовал в разгроме Вран-

геля, было рискованно, поскольку было хорошо известно, какие именно красные полки участвовали в боях с Врангелем, и Тихонова могли поймать на лжи.

Как именно Тихонов попал от белых к красным, мы не знаем до сих пор. Можно только предположить, что, очутившись у красных в Крыму или в Северной Таврии, он сумел выдать себя за красноармейца, оказавшегося в плену у Врангеля, и таким образом избежать проверки и причисления к белым. Известно только, что в конце 1920 года Тихонов уже был в Петрограде, а в начале 1921 года несколько месяцев служил в учебно-опытном минном дивизионе, откуда по ходатайству Н. С. Гумилева был демобилизован для занятия поэзией.

Если судить по другим произведениям, Тихонов так и не полюбил большевиков, хотя и удачно к ним приспособился. Скрытая антисоветская сатира присутствует у него вплоть до начала 30-х годов. Так, в повести «Анофелес» (это слово в переводе с латинского (*Anopheles*) означает «малярийный комар» и происходит от древнегреческого ἀνοφέλης – «беспольный, никчёмный, вредный») главный герой, пожилой учитель географии Кучин, интеллигент в пенсне и бородкой, идет осуществлять утопический проект вывода из города стариков и создания из них лесной коммуны, для соединения с природой, но проект терпит крах в самом начале, так как Кучина задерживают на

улице во время учебной газовой тревоги, укладывают на носилки, бинтуют и уносят в подвальное газозубежище. Здесь Тихонов пародировал утопический проект Ленина по построению коммунистического общества в России, обреченный на провал, в том числе из-за милитаризации жизни общества. Вероятно, Тихонов вдохновился повестью М. А. Булгакова «Роковые яйца», опубликованной в той же книге альманаха «Недра», что и поэма «Лицом к лицу». Булгаков пародировал Ленина и большевистскую революцию в образе профессора Персикова – изобретателя красного луча, вызвавшего к жизни гигантских гадов. Одна из этимологий фамилии Кучин – от реки Куча в Юсьвинском районе Пермского края, что ставит ее в ряд фамилий и псевдонимов, производных от северных русских рек – Онегин (от Онеги), Печорин (от Печоры), Ленин (от Лены). Кроме того, было известно, что Ленин в 1893 году болел малярией, а Кучин в повести уподоблен малярийному комару. В эпизоде же, когда главный герой оказывается на улице во время учебной газовой тревоги, он видит в окно людей в противогазах, похожих на гигантских рептилий из булгаковской повести: «Перед столом у телефона стояло чудовище со сборчатой мордой, с огромными рыбьими глазами, от удлиненного подбородка спускался змеевик в сумку живота. Руки чудовище имело вполне человеческие, одна рука держала телефонную трубку. Дру-

гой родственник чудовища сидел с фуражкой на своей драконьей голове за столом и тоже человеческой рукой писал на бланках что-то видно очень спешное и важное» (Тихонов Н. С. *Химическая тревога* (из рассказа «Анофелес») // *Красная панорама. 1929. 13 декабря. № 50. С. 2–3*). Этот эпизод, опубликованный еще в 1929 году, отразился в эпизоде романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931), когда Корейко сбегает от Бендера во время учебной газовой тревоги [Щеглов, 2009]. Этот эпизод тихоновской повести мог также отразиться и в булгаковском романе «Мастер и Маргарита», где пустой костюм подписывает бумаги и разговаривает по телефону.

В «Анофелесе» пародируются собрания «Серапионовых братьев»: кучинские старики собираются за рюмкой водки, и каждый рассказывает другим истории и ожидает, что его похвалят. При этом один из стариков произносит крамольную фразу по поводу речей Кучина: «Одно дело слушать бредни, другое дело приводить их в исполнение» [Тихонов, 1930, с. 33]. Проницательный читатель мог догадаться, к кому в действительности относится эта фраза.

Еще опаснее для автора был сценарий «Улыбка», написанный Тихоновым в соавторстве с режиссером А. В. Мачеретом в начале 1930-х годов. Его содержание Тихонов подробно изложил в мемуарах, опубликованных незадолго до смерти. Действие происходит на боль-

шом судостроительном заводе, символизирующим Балтийский завод в Ленинграде, на котором Тихонов работал с бригадой писателей. Происходит спуск на воду первого большого советского корабля. Но внезапно корабль останавливается и не сходит со стапелей. Выясняется, что мыло, которым смазали стапеля, было бракованным. Оно замерзло, и схватило корабль. В ходе расследования «открывается вся картина завода и взаимоотношений между людьми, и все восходит к <...> директору, который был такой железный большевик, что никогда в жизни не улыбался. Постепенно выясняется, что его отношения с людьми не те, которые нужны, он очень беспощаден, он очень строг там, где не нужно, и вся катастрофа, собственно говоря, сводится к делопроизведению. И вот в процессе устранения недостатков на заводе и исправления директорского характера проходят в обратном плане все взаимоотношения, все меняется к лучшему, и директор становится другим человеком. И когда наконец корабль действительно спускается на воду, тогда впервые видят, как директор улыбнулся счастливой улыбкой» [Тихонов, 2005, с. 386–387].

В образе «железного большевика» директора здесь была слишком явная пародия на Сталина, и неудивительно, что сценарий был отвергнут. По словам Тихонова, когда Мачерет вернулся из Москвы, «мне было трудно его утешить. Он сказал, что нам за сценарий так выпали, что-то невероятное» [Тихонов,

2005, с. 387]. Можно сказать, что Тихонову еще повезло. Если бы фильм «Улыбка» был поставлен, и не кулуарный, а публичный скандал разразился бы уже после его выхода на экран, Тихонова и Мачерета могли репрессировать. Во всяком случае, после скандала с «Улыбкой» Тихонов больше скрытую сатиру в свои произведения не вставлял, а начал делать успешную номенклатурную карьеру, сначала во главе Ленинградской писательской организации, а потом в руководстве Союза советских писателей и Советского комитета защиты мира. И испугался помочь Мандельштаму, вероятно, потому, что репрессии становились все суровее, и он все больше опасался разоблачения. И после 1930 года Тихонов больше не переиздавал «Анофелес».

В воспоминаниях, опубликованных в 1978 году, незадолго до смерти, Тихонов, писал о К. А. Федине: «<...> как ни странно, я мог бы с ним встретиться в 19-м году, потому что он был редактором газеты Башкирской дивизии, которая воевала против Юденича и в это время вступила в Петроград. Но тогда мы с ним не увиделись» [Тихонов, 2005, с. 375–376]. Поскольку Тихонов в то время сражался в рядах армии Юденича, то его сожаление о не встрече с Фединым – того же рода, что и сожаление М. А. Шолохова в выступлении на XXIII съезде КПСС 2 апреля 1966 года о том, что А. Д. Синявский и Ю. М. Даниэль не попались ему «в памятные двадцатые годы»,

когда «не ту меру наказания получили бы эти оборотни!» [XXIII съезд КПСС, 1966, с. 358]. Возможная встреча Тихонова с Фединым под Петроградом выглядела бы, вероятно, так:

«Ваше благородие! Тут комиссара поймали, с башкирской дивизии! У него партбилет в кармане! – С собой не потащим! Давай его в овраг! – Братцы! Родненькие! Не надо в овраг! Я не по своей воле! Мобилизованный! А из партии я как раз выписаться хотел!» (*Федин действительно вышел из партии большевиков в 1921 году, чтобы всецело посвятить себя литературе*).

Сожаление Тихонова в последних мемуарах о своей неслучившейся встрече с Фединым в 1919 году свидетельствует не только о его нелюбви к Федину в последние годы жизни (о ее причинах можно только догадываться), но и о том, что он ничуть не сожалел о своем белогвардейском прошлом.

Заключение

Есенин сформулировал афористическое определение основной идеи поэмы «Лицом к лицу». У Тихонова эта идея относится к исторической личности и историческому событию. У Есенина же в «Письме к женщине» она касается лишь взаимоотношений мужчины и женщины. Поэма «Лицом к лицу» для Мандельштама стала источником образов и идей дешевых оптовых смертей и окопов как «консервов» пушечного мяса, а также идеи

метафорического превращения текста об историческом событии в луч света и придания тем самым информации о нем скорости света в «Стихах о неизвестном солдате». Пацифистский пафос этого цикла полемичен по отношению к Киплингу, как и поэма Тихонова.

Тихонов, зная английский язык, познакомился с творчеством Киплинга еще до Первой мировой войны. Оно отразилось как в стихах «Орды» и «Браги», запечатлевших его опыт Первой мировой войны и службы в белых армиях, так и в прозе, прежде всего в повести «От моря до моря». Вынужденный всю жизнь скрывать свою подлинную белогвардейскую биографию, Тихонов тем не менее не сожалел о белогвардейском прошлом, и в написанной в духе Киплинга повести «От моря до моря» и в повести «Анофелес» и стихотворениях 1920-х годов допускал завуалированное осуждение красного террора и столь же завуалированную сатиру на коммунистический эксперимент в России и его автора Ленина, а также написал довольно злую пародию на Сталина – так и не поставленный киносценарий «Улыбка». Только в начале 1930-х годов он прекратил скрытое фрондерство, понятное только проницательным и образованным читателям. Это произошло, по всей вероятности, как из-за усиления репрессий в стране, так и из-за начала собственной номенклатурной карьеры.

Примечания

- ¹ За предоставление текста этой публикации хочу принести свою самую искреннюю благодарность профессору Владимиру Васильевичу Захарову, к несчастью, уже покойному.
- ² Впервые опубликовано: Тихонов, 1964, с. 340–341.
- ³ Димка – в данном случае сокращенная форма от имени Вадим.
- ⁴ Копия письма Д. М. Фельдмана, хранящаяся в архиве автора статьи.

Библиографический список

1. Абельская Р. Ш. «Не бродяги, не пропойцы, за столом семи морей...» (Окуджава, Киплинг, Гумилев и другие) // *Голос надежды: новое о Булате Окуджава* / сост. А. Е. Крылов. Москва : Булат, 2006. Вып. 3. С. 336–358.
2. *Белая борьба на Северо-Западе России* / сост., науч. ред., предисл., коммент. С. В. Волкова. Москва : Центрполиграф, 2003. 687 с.
3. *Белая Россия 1917–1922. Фотоальбом* / под ред. В. Ж. Цветкова, Б. С. Пушкарева. Москва : Посев, 2003. 320 с.
4. Бетаки В. П. Редьярд Киплинг и русская поэзия XX века // Киплинг Р. *Избранные стихи из всех книг* / сост. В. П. Бетаки. [Б. м.] : Salamandra P.V.V., 2011. С. 256–305.
5. Блюмквист Ю. С. Образ войны в поэзии позднего Р. Киплинга // *Science Time*. 2014. № 9. С. 21–28.
6. Богатырева С. И. Воля поэта и своеволие его вдовы. Проблемы текстологии позднего Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи международные Мандельштамовские чтения : сборник статей. Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1995. С. 360–377.
7. Василенко С. В. О. Э. Мандельштам. Произведения: стихотворения // *Мандельштамовская энциклопедия: В 2 тт. Т. 2* / под ред. О. А. Лекманова, П. М. Нерлера. Москва : РОССПЭН, 2017. С. 55–109.
8. *Весь Петроград на 1917 год*. Петроград : Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1916. 1880 с.
9. *Воспоминания о Сергее Есенине* / под ред. Ю. Л. Прокушева. Москва : Московский рабочий, 1965. 521 с.
10. XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта – 8 апреля 1966 г. Стенографический отчет: в 2-х тт. Т. 1. Москва : Политиздат, 1966. 640 с.
11. Дымшиц В. А. Редьярд Киплинг // Киплинг Р. *Стихотворения* / сост. А. Глебовская, С. Степанов. Санкт-Петербург : Северо-Запад, 1994. С. 5–23.
12. Есенин С. А. *Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т. 2* / под ред. Ю. Л. Прокушева. Москва : Наука; Голос, 1997. 464 с.
13. Есенин С. А. *Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т. 3* / под ред. Ю. Л. Прокушева. Москва : Наука; Голос, 1998. 720 с.
14. Жевахов Н. Д. *Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода князя Николая Жевахова. Т. 2: Март 1917 – Январь 1920*. Новый Сад, 1928. VIII+461 с.
15. Из эпистолярного наследия советских писателей // *Литературное наследство. Т. 93: Из литературного наследия советских писателей 1920–1930-х*

- годов. Новые материалы и исследования / под ред. В. Р. Щербины. Москва : Наука, 1983. С. 531–737.
16. Каверин В. А. Счастье таланта: Воспоминания и встречи, портреты и размышления. Москва : Современник, 1989. 320 с.
17. Казарин В. П. Б. П. Корнилов и Д. Р. Киплинг / В. П. Казарин, Н. А. Ищенко // Вопросы русской литературы. 2012. № 20 (77). С. 128–133.
18. [Кофырин Н. В.] Баллада о гвоздях. Часть 1. Десятилетия под спудом ложных версий // Сергей Беленький. Былое и думы. 2015. 2 июля. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11069.html> (дата обращения: 28.05.2025).
19. [Кофырин Н. В.] Баллада о гвоздях. Часть 2. Курс – ост. Кронштадский кегельбан // Сергей Беленький. Былое и думы. 2015. 15 августа. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11333.html> (дата обращения: 28.05.2025).
20. Кузьминский К. К. Еще о «народных» песнях... Киплинг, Ада Оношкович-Яцына, Геннадий Фиш и Ю. Андропов. URL: <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/kipl.htm> (дата обращения: 28.05.2025).
21. Лекманов О. А. Осип Мандельштам: ворованный воздух. Москва : АСТ, 2016. 464 с.
22. Лекманов О. А. Тихонов Николай Семенович // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 тт. Т. 1 / под ред. О. А. Лекманова, П. М. Нерлера. Москва : РОССПЭН, 2017. С. 474–475.
23. Летопись жизни и творчества С. А. Есенина: в 5 тт. Т. 4 / под ред. Н. И. Шубниковой-Гусевой. Москва : ИМЛИ РАН, 2010. 736 с.
24. Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 тт. / сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца. Москва : Прогресс-Плеяда, 2009.
25. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений: в 4 тт. Т. 3 / сост. и коммент. П. М. Нерлер, А. Т. Никитаев. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1994. 530 с.
26. Мандельштам О. Э. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гаспаров. Москва : АСТ; Харьков : Фолио, 2001. 739 с.
27. Морев Г. А. «Стихи о Сталине» и «Стихи о неизвестном солдате» Мандельштама. Археографический контекст и восстановление текста // Новый мир. 2022. № 5. С. 164–178.
28. Мосова Д. В. Стихотворение Булата Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы...»: диалог с Блоком на фоне Киплинга // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2012. Вып. 2. С. 85–88.
29. Осип Мандельштам. Семь писем. Публикация Серафимы Поляниной [Софии Викторовны Поляковой] // Часть речи. Альманах литературы и искусства. Вып. 2–3. Нью-Йорк : Серебряный век, 1982. С. 6–14.
30. Петроград в эти дни. По фотографиям для «Огонька» А. Помовского // Огонек. 1917. № 29. 30 июля (12 августа). С. 461.
31. Письма О. Э. Мандельштама Н. С. Тихонову. Публикация, предисл. и примеч. С. В. Поляковой // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы / под ред. З. С. Паперного. Москва : Наука, 1991. С. 28–34.
32. Раскин Д. Облака уплывающих империй. Киплинг и Мандельштам // Звезда. 2017. № 10. С. 233–244.

33. Сурганова Т. В. «Мы с тобой одной крови»: Редьярд Киплинг в творчестве Владимира Высоцкого // Владимиру Высоцкому – 70. Николаев : Наваль, 2009. С. 208–221.
34. Тихонов Н. С. Анофелес. Ленинград : Изд-во Писателей в Ленинграде, 1930. 142 с.
35. Тихонов Н. С. Двойная радуга. Москва : Советский писатель, 1964. 684 с.
36. Тихонов Н. С. Из могилы стола: литературное наследие / сост. И. А. Чепик-Юренева. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 512 с.
37. Тихонов Н. С. Лицом к лицу. Поэма // Недра. Литературно-художественный сборник. Кн. 6. Москва : Недра, 1925. С. 43–56.
38. Тихонов Н. С. Николай Тихонов // Литературные записки. 1922. № 3. С. 29.
39. Тихонов Н. С. Собрание сочинений: в 7 тт. Т. 5. Москва : Художественная литература, 1975. 448 с.
40. Тихонов Н. С. Стихотворения и поэмы / Вступит. статья и сост. В. А. Шошин, подготовка текста и примеч. А. С. Морщихина. Ленинград : Советский писатель, 1981. 800 с.
41. Тихонов Н. С. 100 стихотворений / сост. К. А. Шакарян. Москва : Б. С. Г.-Пресс, 2024. 224 с.
42. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / под ред. В. А. Каверина, А. С. Мясникова. Москва : Наука, 1977. 578 с.
43. Хорошилова О. А. Всадники особого назначения. Москва : Фонд «Русские Витязи», 2013. 248 с.
44. Хренков Д. Т. Николай Тихонов в Ленинграде. Ленинград : Лениздат, 1984. 206 с.
45. Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд., исправл. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 656 с.

Reference list

1. Abel'skaja R. Sh. «Ne brodjagi, ne propojcy, za stolom semi morej...» (Okudzhava, Kipling, Gumilev i drugie) = “Not vagabonds, not drunkards, at the table of the seven seas...” (Okudzhava, Kipling, Gumilev and others) // Golos nadezhdy: novoe o Bulate Okudzhave / sost. A. E. Krylov. Moskva : Bulat, 2006. Vyp. 3. S. 336–358.
2. Belaja bor'ba na Severo-Zapade Rossii = The White struggle in the North-West of Russia / sost., nauch. red., predisl., komment. S.V. Volkova. Moskva : Centrpoligraf, 2003. 687 s.
3. Belaja Rossija 1917–1922. Fotoal'bom = The White Russia 1917-1922. Photoalbum/ pod red. V. Zh. Cvetkova, B.S. Pushkareva. Moskva : Posev, 2003. 320 s.
4. Betaki V.P. Red'jard Kipling i russkaja poezija XX veka = Rudyard Kipling and the 20th century Russian poetry // Kipling R. Izbrannye stihi iz vseh knig / sost. V. P. Betaki. [B. m.] : Salamandra P.V.V., 2011. S. 256–305.
5. Bljumkvist Ju.S. Obraz vojny v poezii pozdnego R. Kiplinga = The war image in the poetry of the late R. Kipling // Science Time. 2014. № 9. S. 21–28.
6. Bogatyreva S.I. Volja pojeta i svoevolie ego vdovy. Problemy tekstologii pozdnego Mandel'shtama = The poet's will and the willfulness of his widow. Textual problems in the late Mandelstam's works // «Otdaj menja, Voronezh...»: Tret'i

mezhdunarodnye Mandel'shtamovskie chtenija : sbornik statej. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1995. S. 360–377.

7. Vasilenko S.V. i dr. O. Je. Mandel'shtam. Proizvedenija: stihotvorenija = O. E. Mandelstam. Works: poems // Mandel'shtamovskaja jenciklopedija: V 2 tt. T. 2 / pod red. O. A. Lekmanova, P. M. Nerlera. Moskva : ROSSPJeN, 2017. S. 55–109.

8. Ves' Petrograd na 1917 god = All of Petrograd for 1917. Petrograd : T-vo A. S. Suvorina «Novoe vremja», 1916. 1880 c.

9. Vospominanija o Sergee Esenine = Memories about Sergei Esenin / pod red. Ju. L. Prokusheva. Moskva : Moskovskij rabochij, 1965. 521 s.

10. XXIII s#ezd Kommunisticheskoj partii Sovetskogo Sojuza. 29 marta – 8 aprelja 1966 g. Stenograficheskoj otchet: v 2-h tt. T. 1 = XXIII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. March 29 – April 8, 1966. Stenographic report: in 2 vols. Vol. 1. Moskva : Politizdat, 1966. 640 s.

11. Dymshic V. A. Red'jard Kipling = Rudyard Kipling // Kipling R. Stihotvorenija / sost. A. Glebovskaja, S. Stepanov. Sankt-Peterburg : Severo-Zapad, 1994. S. 5–23.

12. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 2 = Complete collection of works: in 7 vols. Vol.2 / pod red. Ju.L. Prokusheva. Moskva : Nauka; Golos, 1997. 464 s.

13. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 3 = Complete collection of works: in 7 vols. Vol.3 / pod red. Ju.L. Prokusheva. Moskva : Nauka; Golos, 1998. 720 s.

14. Zhevahov N.D. Vospominanija tovarishha Ober-Prokurora Svjatejshego Sinoda knjazja Nikolaja Zhevahova. T. 2: Mart 1917 – Janvar' 1920 = Memoirs of Prince Nikolai Zhevakhov, comrade of the Chief Prosecutor of the Holy Synod. Vol. 2: March 1917 – January 1920. Novyj Sad, 1928. VIII+461 s.

15. Iz jepistoljarnogo nasledija sovetskih pisatelej = From the epistolary heritage of Soviet writers // Literaturnoe nasledstvo. T. 93: Iz literaturnogo nasledstva sovetskih pisatelej 1920–1930-h godov. Novye materialy i issledovanija / pod red. V. R. Shherbiny. Moskva : Nauka, 1983. S. 531–737.

16. Kaverin V.A. Schast'e talanta: Vospominanija i vstrechi, portrety i razmyshlenija = The happiness of talent: Memories and meetings, portraits and reflections. Moskva : Sovremennik, 1989. 320 s.

17. Kazarin V. P. B. P. Kornilov i D.R. Kipling = B. P. Kornilov and D. R. Kipling / V. P. Kazarin, N.A. Ishhenko // Voprosy russkoj literatury. 2012. № 20 (77). S. 128–133.

18. [Kofyrin N. V.] Ballada o gvozdjah. Chast' 1. Desjatiletija pod spudom lozhnyh versij = The Ballad of Nails. Part 1. Decades under a bushel of falsehoods // Sergej Belen'kij. Byloe i dумы. 2015. 2 ijulja. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11069.html> (data obrashhenija: 28.05.2025).

19. [Kofyrin N. V.] Ballada o gvozdjah. Chast' 2. Kurs – ost. Kronshadskij kegel'ban = The Ballad of Nails. Part 2. The course is Kronstadt bowling alley // Sergej Belen'kij. Byloe i dумы. 2015. 15 avgusta. URL: <https://strannik17.livejournal.com/11333.html> (data obrashhenija: 28.05.2025).

20. Kuz'minskij K.K. Eshhe o «narodnyh» pesnjah... Kipling, Ada Onoshkovich-Jacyna, Gennadij Fish i Ju. Andropov = More on “folk” songs... Kipling, Ada Onoshkovich-Yatsyna, Gennady Fish and Yu. Andropov. URL: <https://kkk-pisma.kkk-bluelagoon.ru/kipl.htm> (data obrashhenija: 28.05.2025).

21. Lekmanov O.A. Osip Mandel'shtam: vorovannyj vozduh = Osip Mandelstam: stolen air. Moskva : AST, 2016. 464 s.

22. Lekmanov O.A. Tihonov Nikolaj Semenovich = Tikhonov Nikolai Semenovich // Mandel'shtamovskaja jenciklopedija: v 2 tt. T. 1 / pod red. O. A. Lekmanova, P. M. Nerlera. Moskva : ROSSPJeN, 2017. S. 474–475.
23. Letopis' zhizni i tvorcestva S.A. Esenina: v 5 tt. T. 4 = Chronicles of S. A. Yesenin's life and work: in 5 vol. Vol. 4 / pod red. N. I. Shubnikovoj-Gusevoj. Moskva : IMLI RAN, 2010. 736 s.
24. Mandel'shtam O. Je. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 3 tt. = Complete collection of works and letters: in 3 vols. / sost., podgot. teksta, komment. A. G. Meca. Moskva : Progress-Plejada, 2009.
25. Mandel'shtam O. Je. Sobranie sochinenij: v 4 tt. T. 3 = Collection of works: in 4 vols. Vol. 3 / Sost. i komment. P. M. Nerler, A. T. Nikitaev. Moskva : Art-Biznes-Centr, 1994. 530 s.
26. Mandel'shtam O. Je. Stihotvorenija. Proza = Poems. Prose / Sost., vstup. st. i komment. M. L. Gasparov. Moskva : AST; Har'kov : Folio, 2001. 739 s.
27. Morev G. A. “Stihi o Staline” i “Stihi o neizvestnom soldate” Mandel'shtama. Arheograficheskij kontekst i vosstanovlenie teksta = Mandelstam's “Poems about Stalin” and “The Poem about the Unknown Soldier”. Archeographic context and text recovery // Novyj mir. 2022. № 5. S. 164–178.
28. Mosova D. V. Stihotvorenije Bulata Okudzhavy «Ne brodjagi, ne propojcy...»: dialog s Blokom na fone Kiplinga = Bulat Okudzhava's poem “Not vagabonds, not drunkards...”: a dialogue with Blok against the background of Kipling // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2012. Vyp. 2. S. 85–88.
29. Osip Mandel'shtam. Sem' pisem. Publikacija Serafimy Poljaninnoj [Sofii Viktorovny Poljakovoj] = Osip Mandelstam. Seven Letters. Published by Serafima Polyana [Sofia Viktorovna Polyakova] // Chast' rechi. Al'manah literatury i iskusstva. Vyp. 2–3. N'ju-Jork : Serebrjanyj vek, 1982. S. 6–14.
30. Petrograd v jeti dni. Po fotografijam dlja «Ogon'ka» A. Pomovskogo = Petrograd in those days. Based on A. Pomovsky's photographs for “Ogonyok” // Ogonek, 1917. № 29. 30 ijulja (12 avgusta). S. 461.
31. Pis'ma O. Je. Mandel'shtama N.S. Tihonovu. Publikacija, predisl. i primech. S. V. Poljakovoj = O. E. Mandelstam's letters to N.S. Tikhonov. Publication, foreword and notes by S. V. Polyakova // Slovo i sud'ba. Osip Mandel'shtam: Issledovanija i materialy / pod red. Z. S. Papernogo. Moskva : Nauka, 1991. S. 28–34.
32. Raskin D. Oblaka uplyvajushhih imperij. Kipling i Mandel'shtam = Clouds of empires floating away. Kipling and Mandelstam // Zvezda. 2017. № 10. S. 233–244.
33. Surganova T. V. «My s toboj odnoj krovi»: Red'jard Kipling v tvorcestve Vladimira Vysockogo = “You and I are of the same blood.” Rudyard Kipling in Vladimir Vysotsky's work // Vladimiru Vysockomu – 70. Nikolaev : Naval', 2009. S. 208–221.
34. Tihonov N. S. Anofeles = Anopheles. Leningrad : Izd-vo Pisatelej v Leningrade, 1930. 142 s.
35. Tihonov N. S. Dvojnaja raduga= Double rainbow. Moskva : Sovetskij pisatel', 1964. 684 s.

36. Tihonov N. S. Iz mogily stola: literaturnoe nasledie = From the grave of the table: a literary legacy / sost. I. A. Chepik-Jureneva. Moskva : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2005. 512 s.
37. Tihonov N. S. Licom k licu. Pojema = Face to Face. Poem // Nedra. Literaturno-hudozhestvennyj sbornik. Kn. 6. Moskva : Nedra, 1925. S. 43–56.
38. Tihonov N. S. Nikolaj Tihonov = Nikolai Tikhonov // Literaturnye zapiski. 1922. № 3. S. 29.
39. Tihonov N. S. Sobranie sochinenij: v 7 tt. T. 5 = Collection of works: in 7 vols. Vol.5. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 448 s.
40. Tihonov N. S. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems / Vstupit. stat'ja i sost. V. A. Shoshin, podgotovka teksta i primech. A. S. Morshihina. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1981. 800 s.
41. Tihonov N. S. 100 stihotvorenij = 100 poems / sost. K. A. Shakarjan. Moskva : B.S.G.-Press, 2024. 224 s.
42. Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino = Poetics. Literary history. Cinema / pod red. V. A. Kaverina, A. S. Mjasnikova. Moskva : Nauka, 1977. 578 s.
43. Horoshilova O. A. Vsadniki osobogo naznachenija = The horsemen for special purpose. Moskva : Fond «Russkie Vitjazi», 2013. 248 s.
44. Hrenkov D. T. Nikolaj Tihonov v Leningrade. = Nikolai Tikhonov in Leningrad. Leningrad : Lenizdat, 1984. 206 s.
45. Shheglov Ju.K. Romany Il'fa i Petrova. Sputnik chitatelja = The novels by Ilf and Petrov. The Reader's Companion. 3-e izd., ispravl. i dop. Sankt-Peterburg : Izd-vo Ivana Limbaha, 2009. 656 s.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.
The article was submitted on 19.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-110
EDN IJWNWV

**Эволюция образа высокородной девицы в русской трагедии:
от Сумарокова к Пушкину**

Анастасия Владимировна Семенова

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Казахстан-
ский филиал), г. Астана

anastasia_semenova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

Аннотация. В статье рассматриваются женские персонажи – Ксении Шуйской, царевен Флавии и Ксении Годуновой – в трагедиях А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова и А. С. Пушкина, соответственно, сопоставляются их функции в произведениях. Второстепенные (у Сумарокова и Хераскова) и эпизодический (у Пушкина) персонажи имеют пересечения: влюбленность и потеря или угроза потери возлюбленного по вине отца, преданность родителю и переживание его вероятной или действительной гибели; способствуют раскрытию характеров правителей. Дочь Шуйского и обе царевны демонстрируют сильную волю, стойко переносят несчастья, каждая хранит верность жениху и отцу (у Хераскова на этом строится внутренний конфликт героини). Флавия и обе Ксении – наиболее близкие царям женщины в произведениях, взаимодействие с ними Димитрия, Борислава и Бориса добавляет образам царей определенные черты. Все девушки переживают мятеж в столице, жертвами которого могут стать, хотя по разным причинам: Димитрий жаждет смерти Ксении – так он отомстит предателям Шуйскому и Георгию; Флавию готов погубить отец, чтобы не допустить «торжества изменницы»; Ксения становится свидетельницей гибели родных и заложницей нового правителя. Девушки в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина имеют общие черты характера, в определенный момент жизни каждой происходят близкие по типу события, так что персонажи приобретают сходство, что позволяет говорить о некоей литературной традиции в создании образа высокородной девицы, которой следовал А. С. Пушкин.

Ключевые слова: А. П. Сумароков; М. М. Херасков; А. С. Пушкин; «Димитрий Самозванец»; «Борислав»; «Борис Годунов»; трагедия; царевна; Ксения; Флавия; тиран

Для цитирования: Семенова А. В. Эволюция образа высокородной девицы в русской трагедии: от Сумарокова к Пушкину // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 110–123. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-110>. <https://elibrary.ru/IJWNWV>.

Original article

**Evolution of the highborn maiden's image in Russian tragedy:
from Sumarokov to Pushkin**

Anastasia V. Semenova

Candidate of philological sciences, senior lecturer at the department of philology,
Moscow State University of the Lomonosov (Kazakh branch), Astana
anastasia_semenova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2715-3982>

Abstract. The article examines the female characters – Ksenia Shuiskaya, tsarevna Flavia and Ksenia Godunova – in the tragedies by A. P. Sumarokov, M. M. Kheraskov and A. S. Pushkin, respectively, and compares their functions in the works. Secondary characters (in Sumarokov and Kheraskov's works) and episodic ones (in Pushkin's work) have something in common: falling in love and losing or the threat of losing the beloved through the father's fault, devotion to the parent and suffering from his probable or actual death; they contribute to revealing the characters of the rulers. Shuisky's daughter and both tsarevna demonstrate a strong will, endure misfortunes, and each keeps loyalty to her fiancé and father (in Kheraskov, this is the basis for the heroine's inner conflict). Flavia and both Xenias are the women closest to the tsars in the works; their interaction with Demetrius, Borislav and Boris adds certain features to the images of the tsars. All the girls are experiencing a rebellion in the capital, whose victims they may become, although for different reasons: Demetrius longs for Ksenia's death to take revenge on the traitors Shuisky and Georgy; Flavia's father wants to destroy her in order to prevent the “triumph of the traitor”; Ksenia becomes a witness to the death of her relatives and a hostage of the new ruler. The girls in the tragedies by Sumarokov, Kheraskov and Pushkin have common character traits; at a certain point in their lives, each of them experiences similar events, so the characters acquire similarities, which suggests a certain literary tradition in creating the image of a highborn maiden, which A. S. Pushkin followed.

Key words: A. P. Sumarokov; M. M. Kheraskov; A. S. Pushkin; “Demetrius the Impostor”; “Borislav”; “Boris Godunov”; tragedy; tsarevna; Xenia; Flavia; tyrant

For citation: Semyonova A. V. Evolution of the highborn maiden's image in Russian tragedy: from Sumarokov to Pushkin. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 110–123. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-110>. <https://elibrary.ru/IJWNWV>.

Введение

Трагедия М. М. Хераскова «Борислав» (1774) мало исследована: сравнительно подробно текст комментируется в работах А. В. Западова [Западов, 1961] и Л. М. Пастушенко [Пастушенко, 1974], упоминается среди драматических произведений автора [Кулакова,

1947]. Между тем заслуживают внимания пересечения «Борислава» с трагедиями на схожие темы. Помимо «Димитрия Самозванца» (1771) А. П. Сумарокова, с которым чаще всего связывают трагедию Хераскова (на первом плане образ тирана), можно говорить о ее перекличке с «Борисом Годуно-

вым» (1825) А. С. Пушкина. Трагедии Пушкина посвящено много работ, в том числе комментирующих ее литературные и исторические источники, достаточно упомянуть исследования А. Г. Филонова [Филонов, 1899], Д. Д. Благого [Благой, 1950], Б. П. Городецкого [Городецкий, 1953], В. И. Коровина [Коровин, 1995; Коровин, 2002], Л. М. Лотмана [Лотман, 1996], О. Г. Винокура [Винокур, 1999], И. З. Сермана [Серман, 1969], Ю. В. Стенника [Стенник, 1995] и другие. «Бориса Годунова» чаще всего сопоставляют с трагедиями А. П. Сумарокова и У. Шекспира, Ф. Д. Батюшков говорит о связи с Расином [Батюшков, 1900], однако в известных нам работах пушкинский текст не сравнивают с «Бориславом» Хераскова. Нами были исследованы пересечения в трагедиях Хераскова и Пушкина, сходства и различия главных героев и принципы создания образов персонажей [Семенова, 2022]. Помимо Борислава и Бориса, а

также Дмитрия Самозванца (все трое тираны), в трагедиях интересны женские образы – Ксения Шуйская, царевны Флавия и Ксения Годунова. Сравнительный и отчасти сравнительно-исторический анализ текстов позволяют установить определенное сходство женских персонажей и связанных с ними событий в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина.

**Флавия и две Ксении:
сходные места в трагедиях
«Дмитрий Самозванец»,
«Борислав» и «Борис Годунов»**

В трагедии Сумарокова Ксения Шуйская – один из значимых персонажей: девушка находится в центре традиционного классицистического любовного треугольника и вместе с тем невольно замешана в интригах отца-царедворца. Дмитрий испытывает к Ксении мучительную страсть и готов отравить супругу-римлянку, чтобы взять в жены дочь Шуйского:

Так я не кроюся. Могу прервати брак,
И тайный яд мою жену пошлет во мрак

[Сумароков, 1957, с. 430].

Царя не останавливает и то, что у Ксении есть жених – князь Георгий Галицкий, которому девушка искренне благоволит. Отец уговаривает дочь притвориться покорной воле царя, изобразить влюблен-

ность и якобы отречься от Георгия, как того требует Дмитрий – это позволит Шуйскому потянуть время и собрать сторонников для свержения неугодного монарха:

Обманывай его, притворствуй сколько лъзя,
Надежду подавай, в нем сердце распаляя
И варварство его любовью уголяя,
Во воздыхание преобращая гнев

[Сумароков, 1957, с. 436–437].

Димитрий требует от Ксении подчинения и отречения от Геор-

гия, в противном случае девушку и ее возлюбленного ждет расправа:

А став супругой мне, судьбой определенной,
Послушна буди, дщерь монарха всей вселенной,
И, мне покорствуя, любви моей ищи...
А ежели не так, страшись и трепещи!

[Сумароков, 1957, с. 457].

Ксения оказывается в крайне сложном положении: с одной стороны, ее долг – подчиняться отцу и способствовать его обману, а с другой – девушка не готова изменять

Георгию даже на словах и намерена хранить ему верность в жизни и смерти, несмотря на угрозы Димитрия:

Я честность верности до гроба сохраняю.
Или ты должности родительской не внемлешь,
Что мя соделати неверной предприемлешь?
Всё тщетно, как бы ты меня ни увещал

[Сумароков, 1957, с. 435].

Димитрий патологически подозрителен, надежда на то, что брак с Ксенией обеспечит ему лояльность Шуйского, призрачна, тиран не доверяет мнимым сторонникам и, убедившись в их измене, намерен убить Ксению, чтобы отомстить, раз уж не может покарать всех вокруг, однако Пармен вырывает девушку из рук царя, и ему остается погубить лишь себя.

Флавия в «Бориславе» – персонаж достаточно заметный, именно ее любовь к Пренесту и возможное замужество становятся отправной точной конфликта. Девушка, как подобает трагической героине, испытывает муки выбора между отцом и женихом, поскольку любит обоих, но не способна примирить их. По мере развития действия ситуация усложняется, царевне грозят сначала немилость, затем гнев отца и наконец смерть от его руки, к

этому добавляется нужда отречься от возлюбленного, чтобы спасти его. Непростое решение: бежать с Пренестом или остаться с окончательно утратившим здравомыслие отцом во время мятежа в столице – важно для развязки трагедии: верность Флавии и добродетель Пренеста заставляют тирана одуматься, раскаяться в своих заблуждениях и отречься от престола в пользу детей (в первой редакции финал не столь оптимистичный: Борислав принимает яд и умирает, не изменив своего мнения о близких, сведения об этом содержатся в книге «История русской драматургии» со ссылкой на «Драматический словарь» [Драматический словарь, 1787, с. 27]; мы ссылаемся на версию «Борислава», вошедшую в состав «Российского феатра» [Херасков, 1786], поскольку она стала известна читателям ранее).

Ксения Годунова в трагедии Пушкина появляется в одной сцене, однако этого достаточно, чтобы составить мнение о героине. Де-

вушка печальна, скорбит о гибели жениха и намеревается хранить ему верность, о чем прямо говорит своей мамке:

Нет, мамушка, я и мертвому буду ему верна

[Пушкин, 1960, с. 242].

Лаконичный образ Ксении в трагедии достраивается за счет известных фактов биографии царевны. Внучка Малюты Скуратова отличалась красотой и статью, была умна, талантлива (пела и музицировала, занималась рукоделием) и хорошо образованна (отец пригласил преподавателей из Европы, и Ксения Борисовна обучалась «семи премудростям» вместе с братом Феодором, что большая редкость для того времени), имела сильный характер, не сетовала на горькую судьбу, хотя претерпела множество лишений. Борис любил дочь и неоднократно предпринимал попытки устроить политически выгодный, но в то же время счастливый брак дочери, однако на этом поприще его преследовали неудачи. По разным причинам не состоялись или расстроились помолвки со шведским принцем Густавом, австрийским эрцгерцогом Максимилианом, грузинским царевичем Хозроем, герцогом Шлезвигским Филиппом и боярином Басмановым. Наиболее вероятен и желателен был брак с братом датского короля Христиана IV принцем Иоганном Шлезвиг-Гольштейнским. Молодой принц,

красивый, богатый, умный и благородный, приглянулся родителям Ксении и самой царевне, согласился на все брачные условия (переехать в Московское государство, принять русские обычаи и т. д.), так что свадьба казалась делом решенным. Едва ли Ксения и Иоганн встречались – традиции запрещали жениху видеть царевну до свадьбы, но Ксения подсматривала за женихом из укрытия и была очарована им, как и многие придворные. Дело могло устроиться ко всеобщей радости, но в 1602 году незадолго до венчания Иоганн скончался в Москве от внезапной болезни. Ксения болезненно приняла новость, вероятно, именно этот момент биографии царевны Пушкин обыгрывает в трагедии, хотя девушка упоминает о могилке жениха на чужой сторонке, а не в Москве, остальное сходится: «Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной могилке на чужой сторонке. Никогда не утешусь, вечно по тебе буду плакать» [Пушкин, 1960, с. 242].

Флавия у Хераскова также скорбит, тяжело переживая утрату возлюбленного:

Неотвратимая пришла ко мне беда,
Увы! любезного лишаюсь навсегда

[Херасков, 1786, с. 179].

Ксению Шуйскую, Флавию и Ксению Годунову роднит условно общий исторический прототип. Конечно, Сумароков и Херасков очень далеки от исторической достоверности. Героиня трагедии Сумарокова, вероятно, не случайно носит то же имя, что и дочь Бориса Годунова: осиротевшая царевна Ксения, будучи заложницей Лжедмитрия, могла быть объектом его любовных и политических притязаний, как это происходит у Сумарокова. Дочери Василия Шуйского – Анна и Анастасия (Мария) – рождены были в браке с Екатериной Шуйской (княжной Марией Буйносовой-Ростовской) после 1608 года, причем Анна умерла в младенчестве, Анастасия же появилась на свет незадолго до свержения Василия Шуйского (прожила до 1626 года), таким образом, пересечение Лжедмитрия и дочери Шуйского – анахронизм либо авторский вымысел. Херасков также не претендует на историчность трагедии, Флавия мало соотносится с реальной Ксенией Годуновой. Пушкин, напротив, опирался на исторические сочинения, прежде всего Н. М. Карамзина, и создавал правдоподобные образы персонажей, что, однако, не умаляет некоторого сходства судеб Ксени Шуйской, Флавии и Ксени Годуновой в изображении драматургов. Девушки высокого происхождения не защищены от несчастий, каждая переживает утрату любимого: отдалить Георгия от Ксени Шуйской требует Ди-

митрий, и отец девушки просит молодых людей на время разлучиться, Пренеста высылает из столицы Борислав (и намеревается убить), жених Ксени умирает без участия Бориса. Не менее болезненна для девушек возможная гибель отца, хотя Ксения Шуйская и Флавия избегают этой участи – боярин Шуйский успешно захватывает власть, Борислава мятежники щадят, и только Ксения Годунова действительно переживает гибель родителя, но Пушкин оставляет этот момент за рамками трагедии. Любовь к добродетельному жениху, его потеря (временная – для Ксени Шуйской и Флавии, окончательная – для Ксени Годуновой) и готовность хранить ему верность в жизни и смерти, возможная или случившаяся смерть отца – схожие мотивы в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина.

Дочери Борислава и Бориса у Пушкина и Хераскова – единственные близкие главным героям женщины, действующие в трагедиях. Отчасти то же можно сказать о Ксени у Сумарокова: девушка приходится дочерью Шуйскому, но Димитрий лишь к ней испытывает подобие нежных чувств. Поведение царей в отношении Ксени Шуйской, Флавии и Ксени Годуновой дополнительно характеризует персонажи. Добиваясь руки Ксени, Димитрий руководствуется не только страстью, но и политическими мотивами: жена-римлянка не способствует укреплению его вла-

сти, брак с православной боярышней был бы более предпочтителен. Очевидно, жена царю глубоко безразлична (хотя исторический Григорий Отрепьев иначе относился к Марине Мнишек), единственный проблеск положительных эмоций у Дмитрия – отношение к Ксении:

Смягчает мя любви желаемая сладость

[Сумароков, 1957, с. 442].

Чувства Дмитрия к Ксении нельзя назвать любовью: тиран желает обладания девушкой, ему нравится мучить ее, ненависть отрав-

ляет страсть до того, что Дмитрий не только готов собственноручно убить Ксению, но жаждет терзать ее душу:

О небо! Истиной ко мщению бегу,
Тужа, что, жизнь отняв, терзати не могу.
Подвигнул бы теперь ад, море я и сушу
И вечно бы терзал я Ксениину душу

[Сумароков, 1957, с. 435].

В конечном итоге ни в чем, кроме возможности погубить Георгия, Шуйского и весь неверный ему народ вместе с ними, хочет заколоть девушку:

возможности погубить Георгия, Шуйского и весь неверный ему народ вместе с ними, хочет заколоть девушку:

Любовница и дочь предателей моих!
Когда они спаслись, так ты умри за них!
И сим уж ты винна, что тех народов дева,
Которы моего достойны царска гнева

[Сумароков, 1957, с. 467]

В начале трагедии Хераскова Борислав, в целом вовсе не сентиментальный, говорит, что дочь ему

дорога, но он готов стать виновником ее несчастья:

В уныние вхожу, что дочь тому вручаю,
В ком новаго себе злодея получаю.
Но нет, хотя мне дочь моя и дорога,
Хотя Пренест ей мил, я вижу в нем врага;
Народом он любим, моей короной льстится;
Сия любовь ему в погибель обратится;
Пошлем его отсель...

[Херасков, 1786, с. 168]

Пушкинский Борис с неподдельной нежностью обращается к дочери, печалится вместе с ней, искренне

сожалеет, что не сумел устроить счастье Ксении и, кажется, многое бы отдал, чтобы все исправить:

Что, Ксения? что, милая моя?
В невестах уж печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвом женихе.
Дитя мое! судьба мне не судила
Виновником быть вашего блаженства.
Я, может быть, прогневал небеса,
Я счастье твое не мог устроить.
Безвинная, зачем же ты страдаешь?..

[Пушкин, 1960, с. 242–243]

В трагедии Хераскова Борислав, опасаясь потерять власть, вредит Пренесту, вместе с тем причиняя боль дочери, о чем мало беспокоится, поскольку считает ее долгом быть признательной и покорной, чем невыгодно отличается от пушкинского Бориса и весьма походит на сумароковского Димитрия, который также требует от окружающих, в частности Ксении, безусловной покорности царю. Пре-

нест любим народом и придворными, как симпатичен подданным Димитрия Георгий Галицкий, к слову, хорошо был принят в Москве и Иоганн, о чем, впрочем, Пушкин умалчивает. Правитель Богемии поначалу хочет пощадить чувства дочери, высылая Пренеста, затем планирует тихо погубить конкурента и найти Флавии более достойного жениха:

Не раздражаюсь я отчаяньем твоим;
Твоя тоска мое смущенье утоляет,
Она погибель мне врагов моих являет,
Когда Пренеста нет, спокоен твой отец,
И жизни я твоей и счастья творец;
Могу я радости твои опять восставить,
И лучшего тебе супруга здесь представить,
Который будешь мне не враг, но верный друг

[Херасков, 1786, с. 213].

Упорство Флавии раздражает Борислава немногим меньше, чем упрямство Ксении злит Димитрия у Сумарокова, от тени сочувствия не

остается и следа, правитель все более ярко проявляет качества тирана, в том числе по отношению к самому близкому человеку:

Я нежности твои из сердца изгоню,
И смерть твою для мук всегдашних отменю;
Злодейка! ты свое упрямство взненавидишь,
Ты мертва пред собой любовника увидишь,
И будешь век над ним слез токи проливать

[Херасков, 1786, с. 192].

Борислав, как и Димитрий, угрозами заставляет Флавию отречься от Пренеста, но девушка остается верна жениху, хотя никак не злоумышляет против отца. И все же правитель видит в дочери врага, обрекая себя на полное одиночество:

Нигде не слыхано коварство таковое,
Не помнят здесь ни дружбы, ни родства!
Ни правил честности, ни правил естества!
В какя пропасти ввергал мя рок ужасный.
Мне дочь злодействует! увы отец несчастный!

[Херасков, 1786, с. 204]

Окончательно предаваясь подзрительности и жестокости, Борислав, опять же подобно сумароковскому Димитрию, являет себя деспотом, близким к безумию, велит рубить дочь-преступницу мечами. Пушкинский Борис, напротив, именно в семье находит отраду, оттого и переживает боль дочери как свою. Однако общим местом в трагедиях является мотив участия отца в устранении неугодного жениха дочери (притворного – у Сумарокова, действительного – у Хераскова и мнимого – у Пушкина). Молва приписывает Борису вину в гибели жениха Ксении; Пушкин не оговаривает, в чем заключался предположительный мотив Бориса, но попробуем допустить, что жених мог быть якобы негоден как потенциальный претендент на корону:

В семье моей я мнил найти отраду,
Я дочь мою мнил осчастливить браком –
Как буря, смерть уносит жениха...
И тут молва лукаво нарекает
Виновником дочернего вдовства
Меня, меня, несчастного отца!..

[Пушкин, 1960, с. 226]

В трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина боярышня и царевны становятся свидетельницами мятежа, направленного против правителя, а значит, могут стать его жертвами. В «Димитрии Самозванце» о мятеже речь заходит уже в первом действии: Пармен, пока еще верный царю, пытается увещевать его и предупреждает о последствиях жестокого, бесчестного правления:

Во тревоженное вдаешься, царь, ты море,
А тщи учредить Москве и россам горе,
Готовишь ты себе несчастливый конец;
Колблется твой трон, с главы падет венец

[Сумароков, 1957, с. 430].

Димитрий видит причину мятежа в Шуйском, которого надеется усмирить тем или иным способом:

Мятеж – от Шуйского. В лице его то зрю.
Когда во друга я врага не претворю,
В сей день пожрет его, пожрет земли утроба,
Отверзу и ему и Ксении дверь гроба
[Сумароков, 1957, с. 432].

Однако итог предсказуем – заговорики во главе с Шуйским вры- ваются во дворец, чтобы положить конец бесчинствам Димитрия:

Весь Кремль народом полн, дом царский окружен,
И гнев во всех сердцах против тебя зажжен.
Вся стража сорвана, остались мы едины
[Сумароков, 1957, с. 466].

У Хераскова недовольство народа назревает постепенно, и чем менее адекватным становится Борислав, тем больше ополчаются против него подданные. Восставшие силой пробиваются в царские палаты, намереваясь лишить тирана власти. Мятеж в трагедии Хераскова описан практически так же, как у Сумарокова:

Везде смятение, пылает весь дворец;
Увы! Пренест, увы! приходит твой конец;
Все стражи прочь текут, какое приключенье!
Мне вопли слышатся и ратно ополченье
[Херасков, 1786, с. 211].

В «Борисе Годунове» причиной мятежа становится не столько творимое царем беззаконие, сколько интриги бояр, предрассудки народа и неудачное стечение обстоятельств – природные бедствия, приведшие к голоду, а также появление самозванного царевича. Борис знает о назревающем восстании, но умирает, не успев его подавить, а жертвой мятежников становится семья Годунова. Картина мятежа у Пушкина схожа с таковой у Сумарокова и Хераскова:

Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий!
Да гибнет род Бориса Годунова!
[Пушкин, 1960, с. 296]

Однако если Ксении Шуйской и Флавии мятежники не угрожают, напротив, те спасают девушек от разъяренных правителей, жаждущих

крови, то царевна у Пушкина претерпевает народный гнев, правда, это остается вне текста. О судьбе Ксении поэт ничего не говорит, но молчание красноречиво: после смерти Бориса царевна пережила казнь матери Марии Григорьевны и брата Феодора, оказалась бесправной сиротой, заложницей (возможной невестой или любовницей) Лжедмитрия, а затем, высланная в Белозерский монастырь, приняла постриг (позже перевезена в Успенский Княгинин монастырь, наконец обосновалась в Подсосенском монастыре неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, где перезахоронили ее родных). Уже инокиня Ольга (Ксения Годунова) наблюдала за событиями Смуты.

Заключение

Ксения Шуйская и две царевны – Флавия и Ксения Годунова – отчасти схожи судьбой и характером. Каждая верна отцу и жениху (или его памяти), непритворно любит обоих, имеет сильную волю – достойно переносит утрату избранника и переживает мятеж. Образы девушек имеют в трагедиях Сумарокова, Хераскова и Пушкина общую функцию: героини способствуют более полному раскрытию образов Дмитрия, Борислава и Бо-

риса. Дмитрий в своих чувствах к Ксении являет себя человеконенавистником, обделенным способностью любить и радоваться чему-либо, кроме чужих страданий. По тому, как меняется отношение Борислава ко Флавии, прослеживаются его метаморфозы от «тирана умеренного», не лишённого положительных качеств, в частности сочувствия, к одинокому, ожесточившемуся полубезумцу, одержимому властью и идеей всеобщего предательства. Борис, напротив, несмотря на обвинения в убийстве царевича Дмитрия и в расправе с иными неугодными, в эпизоде с Ксенией предстает любящим отцом и хорошим семьянином, не тираном, а несчастливым человеком со сложной судьбой, отчего образ царя приобретает неоднозначность и многогранность. Пересечение трагедий Сумарокова, Хераскова и Пушкина на схожие темы позволяет говорить о заложенной драматургами XVIII века литературной традиции в изображении персонажей, в том числе женских, которой отчасти следовал, одновременно перерабатывая и по-новому обыгрывая каноны, А. С. Пушкин.

Библиографический список

1. Батюшков Ф. Д. Пушкин и Расин: («Борис Годунов» и «Athalie»). Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 34 с.
2. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826) . Москва–Ленинград : Наука, 1950. 724 с.
3. Винокур Г. О. Собрание трудов / ред. Г. Н. Шелогурова, И. В. Пешков. [Т. 3]: Комментарии к «Борису Годунову» А. С. Пушкина. Москва : Лабиринт, 1999. 414 с.
4. Городецкий Б. П. Драматургия Пушкина. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 360 с.

5. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах, а где, и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральныя представления. Санкт-Петербург, 1787. 166 с.
6. Западов А. В. Творчество Хераскова // Херасков М. М. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и прим. А. В. Западова. Ленинград : Советский писатель, 1961. С. 5–56.
7. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века / ред. Ю. К. Герасимов, Л. М. Лотман, Ф. Я. Прийма. Ленинград : Наука, 1982. 532 с.
8. Карамзин Н. М. История государства российского [В 12 т.]. Т. X. Санкт-Петербург : В типографии Н. Греча, 1824. 460 с.
9. Коровин В. И. Пушкин и Карамзин (К истолкованию трагедии «Борис Годунов») // Коровин В. И. Статьи о русской литературе. Москва, 2002. С. 43–147.
10. Коровин В. И. Размышления Пушкина о русской и западноевропейской истории как фон «Бориса Годунова» // Филологические науки. 1995. № 5–6. С. 14–28.
11. Кулакова Л. И. Херасков // История русской литературы: [В 10 т.]. Т. 4: Литература XVIII века. Ч. 2. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. С. 320–341.
12. Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. Санкт-Петербург : Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996. С. 129–359.
13. Пастушенко Л. М. Драматургия М. М. Хераскова. Ленинград, 1974. 118 с.
14. Пушкин А. С. Борис Годунов // А. С. Пушкин. Собрание сочинений: [В 10 т.] Т. 4./ Под общ. ред. Д. Д. Благого и др.; Послесл. Д. Д. Благого. Москва : Гос. изд-во художественной литературы, 1960. С. 201–298.
15. Семенова А. В. К вопросу о литературном фоне «Бориса Годунова» А. С. Пушкина (трагедия М. М. Хераскова «Борислав») // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. Т. 81. № 2. 2022. С. 54–59.
16. Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Ленинград : Наука, 1969. Т. IV. С. 118–149.
17. Стенник Ю. В. Пушкин и русская литература XVIII века. Санкт-Петербург : Наука, 1995. 349 с.
18. Сумароков А. П. Димитрий Самозванец // А. П. Сумароков. Избранные произведения. Ленинград : Советский писатель, 1957. С. 425–470. (Библиотека поэта; Второе издание).
19. Филонов А. Г. Борис Годунов А. С. Пушкина: Опыт разбора со стороны исторической и эстетической / [Соч.] Андрея Филонова. Санкт-Петербург : Тип. Глазунова, 1899. 175 с.
20. Херасков М. М. Борислав // Российский феатр, Или полное собрание всех российских феатральных сочинений. Ч. 4. Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1786. С. 165–222.
21. Херасков М. М. Творения, вновь исправленные и дополненные: [В 12 ч.]. Ч. 4. [Трагедии: Венецианская монахиня; Пламена; Мартезия и Фалестра; Борислав; Идолопоклонники, или Горислава]. Москва : Унив. тип. У Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1798. 436 с.

Reference list

1. Batjushkov F.D. Pushkin i Rasin: («Boris Godunov» i «Athalie» = Pushkin and Racine: («Boris Godunov» and «Athalie.») Sankt-Peterburg : tip. M. M. Stasjulevicha, 1900. 34 s.
2. Blagoj D.D. Tvorcheskij put' Pushkina (1813–1826) = Pushkin's creative way (1813-1826). Moskva–Leningrad : Nauka, 1950. 724 s.
3. Vinokur G.O. Sobranie trudov = Collected works / red. G. N. Shelogurova, I. V. Peshkov. [T. 3]: Kommentarii k «Borisu Godunovu» A. S. Pushkina. Moskva : Labirint, 1999. S. 414 s.
4. Gorodeckij B.P. Dramaturgija Pushkina = Pushkin's dramaturgy. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 360 s.
5. Dramaticheskij slovar', ili Pokazaniya po alfavitu vseh rossijskikh teatral'nyh sochinenij i perevodov, s oznacheniem imen izvestnyh sochinitelej, perevodchikov i slagatelej muzyki, kotoryja kogda byli predstavleny na teatrah, a gde, i v kotoroe vremja napechatany. V pol'zu ljubjashchih teatral'nyja predstavlenija = Drama dictionary, or an alphabetical account of all Russian theatrical works and translations, with the names of famous authors, translators and composers of music, when they were presented at the theaters, and where and at what time they were printed. For the benefit of those who love theatrical performances. Sankt-Peterburg, 1787. 166 s.
6. Zapadov A. V. Tvorchestvo Heraskova = Kheraskov's work // Heraskov M. M. Izbrannye proizvedenija / Vstup. st., podg. teksta i prim. A. V. Zapadova. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1961. S. 5–56.
7. Istorija russkoj dramaturgii. XVII – pervaja polovina XIX veka = History of Russian dramaturgy. XVII – the first half of the XIX century / red. Ju. K. Gerasimov, L. M. Lotman, F. Ja. Prijma. Leningrad : Nauka, 1982. 532 s.
8. Karamzin N. M. Istorija gosudarstva rossijskogo [V 12 t.]. T. X = History of the Russian State [In 12 vols.] VOL. X. Sankt-Peterburg : V tipografii N. Grecha, 1824. 460 s.
9. Korovin V. I. Pushkin i Karamzin (K istolkovaniju tragedii «Boris Godunov») = Pushkin and Karamzin (Toward interpreting the tragedy «Boris Godunov») // Korovin V. I. Stat'i o russkoj literature. Moskva , 2002. S. 43–147.
10. Korovin V. I. Razmyshlenija Pushkina o russkoj i zapadnoevropejskoj istorii kak fon «Borisa Godunova» = Pushkin's reflections on Russian and Western European history as a background for «Boris Godunov» // Filologicheskie nauki. 1995. № 5–6. S. 14–28.
11. Kulakova L. I. Heraskov = Kheraskov // Istorija russkoj literatury: [V 10 t.] T. 4: Literatura XVIII veka. Ch. 2. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1947. S. 320–341.
12. Lotman L. M. Istoriko-literaturnyj kommentarij = Historical and literary commentary // Pushkin A. S. Boris Godunov. Sankt-Peterburg : Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij Proekt», 1996. S. 129–359.
13. Pastushenko L. M. Dramaturgija M. M. Heraskova = M. M. Kheraskov's dramaturgy. Leningrad, 1974. 118 s.
14. Pushkin A. S. Boris Godunov = Boris Godunov // A. S. Pushkin. Sobranie sochinenij: [V 10 t.] T. 4 / Pod obshh. red. D. D. Blagogo i dr.; Poslesl. D. D. Blagogo. Moskva : Gos. izd-vo hudozhestvennoj literatury, 1960. S. 201–298.

15. Semenova A. V. K voprosu o literaturnom fone “Borisa Godunova” A. S. Pushkina (tragedija M. M. Heraskova “Borislav”) = Towards the literary background of “Boris Godunov” by A. S. Pushkin (M. M. Kheraskov's tragedy “Borislav”) // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. T. 81. № 2. 2022. S. 54–59.

16. Serman I. Z. Pushkin i russkaja istoričeskaja drama 1830-h godov = Pushkin and Russian historical drama of the 1830s // Pushkin. Issledovanija i materialy. Leningrad : Nauka, 1969. T. IV. S. 118–149.

17. Stennik Ju. V. Pushkin i russkaja literatura XVIII veka = Pushkin and Russian literature of the 18th century. Sankt-Peterburg : Nauka, 1995. 349 s.

18. Sumarokov A. P. Dimitrij Samozvanec = Demetrius the Impostor // A.P.Sumarokov. Izbrannye proizvedenija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1957. S. 425–470. (Biblioteka pojeta; Vtoroe izdanie).

19. Filonov A. G. Boris Godunov A. S. Pushkina: Opyt razbora so storony istoričeskoj i jestetičeskoj = A. S. Pushkin's Boris Godunov: An attempt of analysis from the historical and aesthetic point of view / [Soch.] Andreja Filonova. Sankt-Peterburg : Tip. Glazunova, 1899. 175 s.

20. Heraskov M. M. Borislav = Borislav // Rossijskij featr, Ili polnoe sobranie vseh rossijskih featral'nyh sochinenij. Ch. 4. Sankt-Peterburg : Pri Imperatorskoj Akademii nauk, 1786. S. 165–222.

21. Heraskov M. M. Tvorenija, vnov' ispravlennye i dopolnennye: [V 12 ch.]. Ch. 4. [Tragedii: Venecianskaja monahinja; Plamena; Martezija i Falestra; Borislav; Idolopoklonniki, ili Gorislava] = Works, newly corrected and supplemented: [In 12 parts]. Part 4. [Tragedies: The Venetian Nun; Plamena; Martezia and Falestra; Borislav; Idolaters, or Gorislava]. Moskva : Univ. tip. U Hr. Ridigera i Hr. Kladija, 1798. 436 s.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 09.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 82-1
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-124
EDN AQPCJO

**Поэты и авиаторы
как «небожители» в живописи Казимира Малевича 1913–1914 годов**

Наталья Леонидовна Блищ

Доктор филологических наук, профессор, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР, г. Шэньчжэнь
blishch@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>

Аннотация. В статье рассматриваются работы К. Малевича «Авиатор», «Портрет И. Клона (Строитель)», «Пильщик», «Англичанин в Москве», написанные в 1913–1914 гг. и поэтические тексты А. Крученых, В. Маяковского, В. Каменского в их интермедийном диалоге. Иконографический и стилистический анализ работ художника показывает, что его постоянные мотивы (пилы, одноглазости, храма, лестницы, рыбы) тесно связаны с мотивами футуристической поэзии. Одним из главных источников вдохновения К. Малевича стал его оформительский дебют в опере «Победа над солнцем».

Основные композиционные элементы картин Малевича, детали и приемы, составившие позже его концепцию супрематизма, связаны с эстетикой экспрессии и предчувствия конца эпохи Серебряного века. Высказывается предположение, что символический заряд картины К. Малевича «Авиатор» восходит к авиационной теме в европейской культуре, он соединен еще и с праздниками воздухоплавания, с авиационной темой в европейской культуре, а также с предчувствием катастрофы Первой мировой войны.

Многие детали на картинах К. Малевича «Авиатор» и «Англичанин в Москве» отсылают к литературным манифестам и поэтическим цитатам кубофутуристов. Иконография футуризма определила семантику изображенных предметов на полотнах К. Малевича: эти работы отражают всю палитру футуристических образов и художественных приемов в поэзии и в литературном поведении. Образ поэта и авиатора в живописи К. Малевича и лирические герои в поэзии футуристов соединен с идеей небожительства, внеаходимости, а также с мотивом бессмертия поэта и художника и перехода в вечность.

Ключевые слова: поэтика футуризма; Малевич; опера «Победа над солнцем»; иконографический анализ; экспрессия; стилистика кубизма; лейтмотив небожительства; живопись; поэзия

Для цитирования: Блещ Н. Л. Поэты и авиаторы как «небожители» в живописи Казимира Малевича 1913–1914 годов // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 124–136. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-124>. <https://elibrary.ru/AQPCJO>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

**Poets and aviators
as “sky-dwellers” in Kazimir Malevich's painting in 1913–1914**

Natalia L. Blishch

Doctor of philology, professor, Shenzhen MSU-PUP University, PRC, Shenzhen
blishch@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3147-9099>

Abstract. The article considers Kazimir Malevich's works “The Aviator”, “Portrait of I. Klyun (The Builder)”, “The Sawyer”, “The Englishman in Moscow”, painted in 1913–1914 and poetic texts by A. Kruchenykh, V. Mayakovsky, V. Kamensky in their intermedial dialog. Iconographic and stylistic analysis of the artist's works shows that his recurring motifs (saw, one-eyedness, temple, ladder, fish) are closely related to the motifs in Futurist poetry. One of the main sources that inspired K. Malevich was his design debut in the opera “Victory over the Sun”.

The basic compositional elements in Malevich's paintings, the details and techniques that later formed his concept of Suprematism, are linked to the aesthetics of expression and anticipation of the Silver Age ending. The author assumes that the symbolic charge of K. Malevich's painting “Aviator” goes back to the aviation theme in European culture; it is also connected with aeronautics festivals, with the aviation theme in European culture, as well as with the premonition of the First World War catastrophe.

Many details in K. Malevich's paintings “The Aviator” and “An Englishman in Moscow” refer to literary manifestos and poetic quotations of the cubist-futurists. The Futurist iconography determined the semantics of Malevich's objects on his canvases: these works reflect the whole palette of Futurist images and artistic techniques in poetry and in literary behavior. The image of the poet and aviator in K. Malevich's painting and lyrical heroes in the Futurists' poetry are connected with the idea of sky-dwelling, outside existence, as well as with the motif of immortality of the poet and artist and the transition into eternity.

Key words: poetics of futurism; Malevich; opera “Victory over the Sun”; iconographic analysis; expression; cubism stylistics; leitmotif of sky-dwelling; painting; poetry

For citation: Blishch N. L. Poets and aviators as “sky-dwellers” in Kazimir Malevich's painting in 1913–1914. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 124–136. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-124>. <https://elibrary.ru/AQPCJO>.

Введение

Искусству одного из самых нашумевших представителей русского авангарда К. Малевичу посвящено немало серьезных научных исследований по культурологии, философии, искусствоведению [Анненков, 1991; Андреева, 2010; Ковтун, 2013; Петров, 2016; Харджиев, 1976; Халтурин, 2003]. В литературоведении реже встречаются попытки анализа теоретических текстов художника-авангардиста в связи с его рассуждениями о супрематизме и авангарде. Обычно анализ носит эмпирический характер и представляет собой собрание фактического материала, содержащего историю создания произведений, без описания сюжета или композиционного строя картины. Наше исследование направлено на анализ интермедиального взаимодействия футуристических поэтических и живописных произведений, написанных синхронно в 1913–1914 гг., а также на выявление семантических прямых и скрытых параллелей между ними.

В судьбе и личности К. Малевича – основоположнике супрематизма и идеологе кубофутуризма – драматично сталкиваются множество противоположностей. Прежде всего, удивляет траектория биографии: он слишком поздно начал учиться живописи в Киеве, получив первоначальное образование в сельскохозяйственном училище, работал чертежником в техническом отделе управления железной дороги г. Курска, стал вольнослушателем частной школы И. Ф. Рер-

берга, с 1906 года посещал занятия Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Основываясь на автобиографических заметках, написанных уже на вершине популярности, в молодости он увлекся всеми модными в то время направлениями в живописи. Вначале стремился к *импрессионистической* свободной этюдной манере, делал «беглые наброски сырой краской» [Малевич о себе, 2004, с. 15], уделял внимание свету. Потом его захватывают идеи двоемирия и загадочность *символизма* (картины Малевича «Торжество неба» и «Молитва», «Собиратели цветов»). Затем его влечет *клуазоннистическая* манера письма крупными цветовыми пятнами в черном обрамлении («Прислуга с фруктами», «Фрукты»). В 1910 г. намечается выход к *экспрессионизму* («Садовник», «Аргентинская полька», «Полотеры»): так много в этих картинах движения и энергии. Вскоре Малевич попадает под влияние *неопрIMITИВИСТСКИХ* воззрений М. Ларионова и Н. Гончаровой и увлекается крестьянской темой («Крестьянки в церкви», «Крестьянские похороны», «Уборка ржи» и др.). Эти работы написаны во время зарождения европейского *кубизма*, не удивительно, что крестьяне Малевича состоят из цилиндрических форм. К 1913 году художник подружился с главными лидерами *русского авангарда* – В. Кандинским, В. Татлиным, братьями Бурлюками, О. Розановой, Г. Якуловым. Он творчески переосмысляет их от-

крытия, легко перенимает манеры письма, заимствует технику. Стремление к самостоятельному самовыражению проявит себя к 1914 году. При всем его трагическом контексте, именно первый военный год окажется самым насыщенным и плодотворным в творчестве художника. На наш взгляд, прямая причина такого прорыва – творческие контакты с кубофутуристами, знакомство с их поэзией, участие в их литературной жизни.

Методы исследования

В статье разработан интермедийный метод исследования, который соединяет в себе искусствоведческий инструментарий (технический, иконографический, стилистический анализы), литературоведческие способы анализа (мотивный, поэтологический, биографический), а также элементы структурно-типологического и герменевтического методов.

Результаты исследования

Картина К. Малевича «Авиатор» (ГРМ. СПб. 125 × 65 см., масло, холст) была создана художником в 1914 году в переходный для него период от аналитического кубизма к идеям кубофутуризма, но здесь уже заметны попытки эксперимента с плоскостными формами. В эстетике футуризма в России еще не было ни единой программы, ни единого стиля, но была мощная экспрессивная связь между живописью и поэзией. Цветовое решение картины «Авиатор» отражает

этот экспрессивный настрой: художник пытается свести воедино образ и технику, подчеркивая первенство цвета, комбинируя контрастные теплые и холодные цвета. Контрасты создаются за счет чередования жидкого и плотного письма. Фигура авиатора – серо-белые тона, на нем черный цилиндр (предвестие черного квадрата), а сама палитра картины – синий, зеленый, желтый, коричневый, красный, белый, серый. И здесь цвет явно доминирует над сюжетом картины. Сам художник так объясняет это доминирование: *«Картина Ретина – Иоанн Грозный – может быть лишена краски и даст нам одинаковые впечатления ужаса, как и в красках. Сюжет всегда убьет краску, и мы ее не заметим. Тогда как расписанные лица в зеленую и красную краски убивают до некоторой степени сюжет, и краска заметна больше. А краска есть то, чем живет живописец: значит, она есть главное»* [Малевич, 2023, с. 22].

Отсутствие сюжета картины подчеркнута тем, что геометрические плоскости сталкиваются, опрокидывая логику повествовательности, создают иллюзию движения и глубины. Пространство организовано как единая система, темп мазка и ряд повторяющихся приемов обеспечивает ритм, придающий динамику композиции. Автор будто старается пробудить воображение зрителя, его способность достроить картину разными способами.

На формирование творческой манеры Малевича сильно оказали влияние мистические идеи, царившие в доме-салоне М. Матюшина и Е. Гуро на Песочной 10 в Санкт-Петербурге, где собирались молодые поэты-футуристы. Они считали, что авангардное искусство – самый верный путь к бессмертию. Например, если в кубизме исчезает перспектива, то кубизм – это победа над пространством и временем. В поэзии и рисунках Е. Гуро словесные образы предметов и людей становятся своеобразными контурами колебаний энергий, побеждающими время и пространство. Синкретизм, пантеизм, детское восприятие жизни – три доминанты сборника «Небесные верблюжата» (1914), изданного М. Матюшиным после смерти Е. Гуро, где сам образ плывущего по небу облака «верблюженка» связан с идеей вневременности во времени и пространстве, с идеей бессмертия поэта и художника. Спустя сорок дней после смерти Е. Гуро М. Матюшин и А. Крученых приступают к работе над оперой «Победа над солнцем» [Капелюш, 1974, с. 14].

Вполне возможно, что первоисточник сюжета картины «Авиатор» следует искать среди декораций К. Малевича к футуристической опере М. Матюшина и А. Крученых «Победа над солнцем». Опера была поставлена в декабре 1913 года в «Луна-парке» в Санкт-Петербурге. Смысл постановки заключался в самом художественном языке. По мнению А. Крученых, сюжетом

оперы становится «процесс ниспровержения солнца» [Кручёных] и победа авиации. Его строки заумного языка «Дыр бул щыл...» Малевич называл супрематизмом в поэзии. «Сцена была “оформлена” так, как я ожидал и хотел. Слепительный свет прожекторов. Декорации Малевича состояли из больших плоскостей – треугольники, круги, части машин. Действующие лица – в масках, напоминающих современные противогазы. “Ликарри” (актеры) напоминали движущиеся машины. Костюмы по рисункам Малевича же были построены кубистически: картон и проволока. Это меняло анатомию человека – артисты двигались, скрепленные и направляемые ритмом художника и режиссера» [Кручёных, 1996, с. 45].

Музыкант М. Матюшин также подчеркивал *тройное* авторство оперы: «Я написал музыку, Кручёных – текст, Малевич нарисовал декорации и костюмы. Мы обо всем совещались» [Харджиев, 1976, с. 150]. Важно, что все компоненты спектакля ощущались как равноправные: впервые визуальная сторона оперы не являлась второстепенной.

В 1913 году К. Малевич писал очень близкую к аналитическому кубизму картину «Усовершенствованный портрет Клуна (Строитель)» (Холст, масло, 111,5 x 70,5). С «Авиатором» тут много общих, повторяющихся приемов – трафарет, линейка, валик. Сближает их не только схожая палитра и техни-

ческие приемы, но и повторяющиеся мотивы пилы, единственного глаза. По воспоминаниям И. Клуона, Малевич был «от природы бунтарь, не мог мириться с застоём как в жизни, так и в искусстве, любил все ниспровергать, все ломать, рвать. Малевич своей работой в искусстве расчищал дорогу новым открытиям, удалял с пути искусства всякий мусор и хлам» [Малевич о себе, 2004, с. 75].

Сложная композиция портрета воспроизводит идею разорванного, распиленного на геометрические части образа. Акцентирован огромный рассеченный глаз. Заметим, что картина «Усовершенствованный портрет Клуона» имеет подзаголовок «Строитель». Это иронический намек на символический образ творца и созидателя, «устроителя» мира: художник авангардист как устроитель нового искусства. В правой части портрета на месте глаза виден фрагмент деревянного дома с окном, что перекликается с мотивом дома с выбитыми глазницами-окнами в крестьянской поэзии. Художник Иван Клуон происходил из деревни Большие горки Владимирской губернии, его отец был плотником. Примечательно, что главный инструмент плотника – пила – становится лейтмотивом портрета художника. Сам Иван Клуон напишет в манере аналитического кубизма «Автопортрет с пилой (Пильщик)» (1914, Астраханская картинная галерея, холст, масло, 776x887). Тем самым будто вступая с Малевичем в семиотиче-

ский диалог, а возможно, отсылая к евангельской ассоциации, связанной с отцом-плотником Иосифом.

Трудно не заметить связанную с профессиями перекличку в названиях работ: «Авиатор», «Строитель», «Пильщик». В опере «Победа над солнцем» действуют 15 персонажей, их перечень сразу указывает на незамысловатый сюжет: два Будетлянских силача, Нерон и Калигула в одном лице, Путешественник по всем векам, Некий злонамеренный, Забияка, Неприятель, Разговорщик по телефону, Пестрый глаз, Толстяк, Чтец, Старожил, Внимательный рабочий, Молодой человек, Авиатор, Новые, Трусливые, Вражеские воины, Спортсмены, Похоронщики, Несущие солнце и хор. Оперный Авиатор вызвал у публики наиболее сильную реакцию: «В пьесе особенно поразили слушателей песни Испуганного (на лёгких звуках) и Авиатора (на одних согласных) – пели опытные актёры. Публика требовала повторения, но актёры сбобели и не вышли» [Кручёных 1996, с. 47].

Здесь стоит вспомнить звуковые и зрительные подробности оперы: шум мотора аэроплана слышен все время, он нарастает к концу, потом раздаётся звук падающего летательного аппарата, появляется обломок крыла и громко хохочущий Авиатор, все вокруг тоже хохочут. Безусловно, сюжет оперы связан с судьбой Василия Каменского, его аварийным падением и чудесным спасением. Текст «военной песни»

Авиатора перекликается с представлениями Малевича о сущности поэзии: «кр кр / тлп / тлмт кр / вд т р / кр вубр / ду ду / ра л к б и / жр / вида диба. Входят силачи: все хорошо, что хорошо начинается / и не имеет конца / мир погибнет, а нам нет конца! (Занавес)» [Кручёных].

Работа над декорациями оперы захватила К. Малевича как неофита, ведь он не имел раньше постановочно-сценического опыта. Этот спектакль стал для него театром художника, он создает свою первую костюмную партитуру. Костюмы состояли из проволочных каркасов и толстого крепкого картона, что отразилось в мотивах картины «Авиатор». По воспоминаниям А. Кручёных: Малевичу «не дали из экономии возможности писать в задуманных размерах и красках... если прибавить, что художнику приходилось писать декорации под самое пошлое глумление и смех молодцев из оперетки, то удивляешься энергии художника, написавшего 12 больших декораций за 4 дня» [Харджиев, 1976, с. 117].

В это же время К. Малевич иллюстрирует рукописные книги футуристов – А. Кручёных и В. Хлебникова. Эстетика этих книг складывалась из единства изображения и текста, слова становились рисунком, а рисунок перетекал в текст. Художник был особенно близок с поэтами-кубофутуристами из группы «Гилея», почти все они тоже были художниками. Давид Бурлюк, учившийся в Мюнхене в школе

Ажбе, выступил идеологом и лидером группы, называвшейся сначала «будетлянами», по аналогии с итальянскими футуристами. Футуристы продолжали начатую символистами практику жизнетворчества, но уже с ориентацией на роли в будущем, поэтому в их творчестве были авторские маски авиаторов, покорителей ада, укротителей стихий и Председателей Земного Шара. Поэт-футурист Василий Каменский был одним из первых русских авиаторов, в 1913 году он примыкает к кубофутуристам, подарив им тему авиации.

Самым новым и престижным зрелищем в Европе с 1909 года были авиационные состязания, туда стремились попасть многие писатели поэты, не обязательно футуристы (А. Франс, М. Метерлинк, Г. Гауптман, Э. Верхарн, Г. д'Аннунцио, Ф. Кафка, Ф. Маринетти). У всех из них есть авиационные тексты, в которых звучат мотивы железных птиц, побеждающих время и пространство. В Российской империи авиационные состязания появились с 1910 года, почти сразу случилась трагедия: во время праздника воздухоплавания разбился летчик Лев Мацевич. А. Блок отзывается стихами «Летун отпущен на свободу», а Л. Андреев рассказом «Полет».

Образ авиатора на картине К. Малевича – это собирательный мифологический портрет поэта и летчика. Пушкинский боливар – общепринятый аксессуар поэта. Давид Бурлюк и Владимир Мая-

ковский часто использовали его в выступлениях, боливар – важный гардеробный реквизит в монодраме «Владимир Маяковский», обозначенной как «трагедия», декорации к которой были исполнены Д. Бурлюком. Именно *боливар на картине – первая пульсация черного квадрата*. В центре него – «ноль» и устремленная к нему стрелка. Интересно, что в футуристической мифологии ноль – это символ избранности и познания некоего абсолюта. На эскизе костюма Авиатора к опере «Победа над солнцем» также обозначен символический ноль. В статье «Супрематическое зеркало» (1923) К. Малевич формулирует идеи абсолютной полноты ноля: «Если религия познала Бога, познала нуль. Если наука познала природу, познала нуль. Если искусство познало гармонию, ритм, красоту, познало нуль» [Малевич, 2023, с. 49].

Иконография кубофутуризма Малевича в контексте поэзии футуристов исследована искусствоведами, мы позволим себе лишь небольшие филологические коррективы. Мотив пилы действительно становится материализованной метафорой из декларации Крученых и Хлебникова: «...язык должен быть прежде всего языком, и если напоминать что-либо, то скорее всего *пилу* или отравленную *стрелу дикаря*» [Крученых, 1913]. Поэты призывали «распилить» привычные смысловые связи, чтобы обрести новые. Однако, напомним, что мотив пилы был прописан и в «Усовершенствованном портрете Клю-

на», и в работе самого И. Клона «Пильщик», и в работе К. Малевича «Англичанин в Москве» (1914, Амстердамский музей Стеделек холст, масло, 88x57), где за одноглазым человеком в боливаре (половина его лица закрыта рыбой) также «висит» цвета стали пила, а с другой стороны – явно просматривается христианский храм. Не скрываются ли здесь библейские сюжеты о казнях? Ведь важен мотив распиливания святого древа Моисея для изготовления креста. В этих двух работах Малевича мотив пилы симметричен мотиву рыбы, что также отсылает к древним христианским символам. Не становится ли этот мотив предчувствием мировой войны, передела карты мира, «распиливания» на части европейских земель?

На картине «Англичанин в Москве» к цилиндру «приросла» красная деревянная ложка. По мифотворческой легенде футуристы прогуливались по Кузнецкому мосту с деревянными ложками в петлицах вместо бутоньерок. На картине «Авиатор» цилиндр изображен с прилипшей к нему вилкой, что опять отсылает к высказыванию другого персонажа оперы «Победа над солнцем» Злонамеренного: «Ты меня считаешь за вилку и думу мою высмеиваешь!» [Крученых].

Мотив рыбы в живописи Малевича мог быть связан и с поэзией Маяковского: «тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения» [Маяковский, Облако ...].

Стойкая ассоциация с пилой вызывает образ «жестяной рыбы» («на чешуе жестяной рыбы прочел я зовы новых губ» («А вы могли бы?»)). На картине «Авиатор» рыба даже стилизована под пилу, которая «распиливает» по диагонали поэта в цилиндре. С одной стороны, это отсылка к постановке оперы «Победа над солнцем», когда лучи света «рассекали» картонные костюмы актеров на части, а с другой – символическая казнь творца. Трефовый туз в руке поэта в этой связи – символ креста и казни. Хотя искусствоведы считают, что карты и масти попадают в живопись Малевича через интерес к лубку и французскому кубизму (в ряде работ Брака и Пикассо настойчиво повторялся мотив трефового туза).

Мотив одного глаза в творчестве Казимира Малевича, также, берет начало от образа «Пестрый глаз» из оперы «Победа над солнцем». На картине «Авиатор» цилиндр героя пересечен вилкой, закрывающей

Время!
Хоть ты, хромой богомаз,
лик намальной мой
в божницу уродца века!
Я одинок, как последний глаз
у идущего к слепым человека!

Сам поэт часто подбирал для себя анималистические или символические автопроекции – например, лошади в стихотворении «Хорошее отношение к лошадям», собаки в стихотворении «Как я сделался со-

глаз, что может вызывать ассоциации с образом Давида Бурлюка, который, как известно, в детстве потерял глаз и пользовался искусственным. В его сценической деятельности искусственный глаз помогал эпатировать публику, а в живописи изображение глаза стало лейтмотивным. Этот мотив также может быть связан и с поэзией Маяковского, опозитивировавшего Бурлюка. Вспомним, как разрастается метафора глаза в поэме «Облако в штанах»: «И – / как в гибель дредноута / от душащих спазм / бросаются в разинутый люк – / сквозь свой / до крика разодранный глаз/ лез, обезумев, Бурлюк» [Маяковский, Облако в штанах]. Также среди персонажей трагедии «Владимир Маяковский» встречается «Человек без глаза и ноги».

И еще один пример синекдохи, когда единственный глаз поэта становится символом одинокого, обреченного гибель человека:

[Маяковский, Я]

бакой». Но чаще всего это был образ, связанный с его фамилией – маяк: «Светить, вот лозунг мой и солнца». Если присмотреться к работе Малевича «Авиатор», то можно заметить, как из глаза чело-

века в боливаре выливается светлый треугольник, будто бы глаз превращается в фонарь. Как маяк одним глазом-фонарем указывает путь кораблям, так и поэт по темной улице и высвечивает буквы и новые смыслы. Типографский шрифт в двух картинах – прием, который часто встречается у кубистов аналитического и синтетического периода. Если принять нашу версию, что на картине «Авиатор» – собирательный образ поэта, то разбросанные буквы, образующие слово «аптека» могут быть цитатой из самого известного стихотворения А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...».

На картине «Англичанин в Москве» мотив фонаря заменен свечой в самом центре композиции, а типографский шрифт собирается в более подходящее название для этой картины – «Затмение частичное». Ключевые образы несюжетной картины – «свеча», «храм», «крест», «рыба», «лестница» с общеизвестной евангельской семантикой. В противоречие с этими образами вступают шпага, вывеска «Скаковое общество», седло и стремя – атрибуты всадника.

Смысловый посыл оперы «Победа над солнцем» связан не только с идеей электричества и технического прогресса, но еще и с победой поэтов-будетлян над «солнцем» русской поэзии. Спустя пять лет К. Малевич будет рассуждать в статье «О поэзии» (1919) о том, что такое поэзия, в чем миссия поэта? Смысл статьи затемнен, в нем

множество алогизмов, что является стилевой приметой и вербальных текстов Малевича, однако в сочетании с его живописными работами, могут рождаться новые смыслы. «Лучи нового поэта осветили буквы, но их назвали набором слов», – пишет художник, подтверждая версию о глазе-фонаре, освещающем новые смыслы, о частичном затмении солнца [Малевич, 2023, с. 31].

Статья «О поэзии» заканчивается так, будто художник смотрит на свою картину «Авиатор» и описывает именно ее: «Говор поэта – ритм и темп – делят промежутки, делят массу звуковую и в ясность исчерпывающие приводят жесты самого тела. Когда загорается пламя поэта, он становится, поднимает руки, изгибает тело, делая из него ту форму, которая для зрителя будет живой, новой, реальной церковью. Здесь ни мастерство, ни художество не может быть, ибо будет тяжело земельно загромождено другими ощущениями и целями.

Улэ Эле Лэл Ли Оне Кон Си Ан
Онон Кори Ри Коасамби Моена
Леж

Сабно Оратр Тулож Коалиби
Блесторе

Тиро Орене Алиж.

Вот в чем исчерпал свое высокое действие поэт, и эти слова нельзя набрать, и никто не сможет подражать ему» [Малевич, 2023, с. 33].

Здесь заметно влияние эстетики А. Крученых, когда поэт выбирает не слово, а набор звуков, комбинацию слогов, уходит от логики и

смысла. Такая заумная поэзия связана с идеей беспредметности, а также с теорией супрематизма. Учитывая тот факт, что творческое наследие К. Малевича включает в себя еще и поэтическую составляющую, смеем предположить, что в образе живописного «Авиатора» воплощены и авторские черты.

Заключение

Таким образом, интермедиальный диалог в произведениях живописи К. Малевича («Авиатор», «Англичанин в Москве», «Портрет И. Клюна (Строитель)», «Пильщик»), написанных в период 1913–1914 гг., с поэтическими текстами А. Крученых, В. Маяковского, В. Каменского, был обусловлен новой футуристской эпохой, трагическими событиями, авангардными идеями, эстетической парадигмой. Иконография футуризма определяла семантический ряд на полотнах К. Малевича: картины могут восприниматься как наглядное изображение арсенала футуристических

приемов в поэзии и литературном поведении, а также как мистическое сообщение-предчувствие катастрофы. Образ поэта-авиатора в живописи и в поэзии футуристов связан с идеей небожителства, венаходимости, а также с мотивом бессмертия поэта и художника.

В стихотворении Маяковского «Несколько слов обо мне самом» лирический герой обращается к иконописцу («хромому богомазу») с требованием написать уродливый одноглазый лик поэта, употребляя слово «намальной» (нарисуй). Возможно, что поэт, интуитивно осознавая этимологию польской фамилии Малевича (*malować* – чертить грубыми линиями), подразумевает декорации К. Малевича к опере «Победа над солнцем», выполненные из грубого картона и проволоки, даже предсказывает появление черного квадрата как нового божества в новом искусстве и приближающейся катастрофы войны и революции.

Библиографический список

1. Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2 т. Т. 1. Ленинград : Искусство, 1991. 343 с.
2. Андреева Е. Казимир Малевич. Черный квадрат. Москва : Арка, 2010. 280 с.
3. Ануфриева К. А. Сто лет оперному эксперименту в России: «Победа над Солнцем» и ее автор // Искусство и культура. 2016. № 4(24). С. 30–35.
4. Букша К. С. Малевич. Бог и другие формы. Москва : Молодая гвардия, 2017. 320 с.
5. Капелюш Б. Н. Архивы М. В. Матюшина и Е. Г. Гуро // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1976. С. 3–23.
6. Ковтун Е. Ф. Казимир Малевич. До и после квадрата. Избранные произведения из собрания Русского музея. Москва : Palace Editions, 2013. 168 с.
7. Крученых А. Наш выход. К истории русского футуризма. Архив русского авангарда. Москва : РА, 1996. 248 с.

8. Крученых А. Е. Слово как таковое. Москва : ЕУЫ, Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913.
9. Крученых А. Е. Победа над солнцем / А. Е. Крученых, М. В. Матюшин, К. С. Малевич. URL: https://classic-online.ru/uploads/000_notes/9300/9264.pdf (дата обращения: 11.04.2025).
10. Малевич К. С. Черный квадрат. Супрематизм. Мир как беспредметность / сост. С. Бирюков. Москва : АСТ, 2023. 476 с.
11. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. В 2-х томах. Т. 2. / Авт.-сост.: И. А. Вакар, Т. Н. Михиенко. Москва : Русский Авангард, 2004. 679 с.
12. Малевич К. Супрематизм. 34 рисунка // Малевич К. Собр. соч. : в 5 т. Москва : Гилея, 1995.
13. Маяковский В. В. Облако в штанах. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms1/ms1-173-.htm> (дата обращения: 11.04.2025).
14. Маяковский В. В. Я. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms1/ms1-0482.htm> (дата обращения: 11.04.2025).
15. Петров В. О. Футуризм в искусстве: истоки, эстетика, эволюция // История науки и техники. 2016. № 7. С. 32–44.
16. Сарабьянов Д., Шатских А. Казимир Малевич. Живопись. Теория / Д. Сарабьянов, А. Шатских. Москва : Искусство, 1993. 414 с.
17. Халтурин Ю. А. О технике живописи К. С. Малевича: от примитивизма к супрематизму // Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма / отв. ред. Г. Ф. Коваленко; Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ. Москва : Наука, 2003. С. 369–386.
18. Харджиев Н. И. К истории русского авангарда / Н. Харджиев, К. Малевич, М. Матюшин ; послесл. Р. Якобсона. Stockholm : Hylaea prints: Almqvist & Wiksell intern., 1976. 189 с.

Reference list

1. Annenkov Ju. Dnevnik moih vstrech. Cikl tragedij. V 2 t. T. 1 = My meetings diary. A cycle of tragedies. In 2 vol. V. 1. Leningrad : Iskusstvo, 1991. 343 s.
2. Andreeva E. Kazimir Malevich. Chernyj kvadrat = Kazimir Malevich. Black Square. Moskva : Arka, 2010. 280 s.
3. Anufrieva K.A. Sto let opernomu jeksperimentu v Rossii: «Pobeda nad Solncem» i ee avtor = One hundred years of opera experiment in Russia: “Victory over the Sun” and its author // Iskusstvo i kul'tura. 2016. № 4(24). S. 30–35.
4. Buksha K. S. Malevich. Bog i drugie formy = Malevich. God and other forms. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 320 s.
5. Kapeljush B. N. Arhivy M.V. Matjushina i E. G. Guro = Archives of M. V. Matyushin and E. G. Guro // Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1974 god. Leningrad : Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1976. S. 3–23.
6. Kovtun E. F. Kazimir Malevich. Do i posle kvadrata. Izbrannye proizvedenija iz sobranija Russkogo muzeja = Kazimir Malevich. Before and after the square. Selected works from the collection of the Russian Museum. Moskva : Palace Editions, 2013. 168 s.

7. Kruchenyh A. Nash vyhod. K istorii russkogo futurizma. Arhiv russkogo avangarda = Our way out. To the history of Russian Futurism. The Russian Avant-Garde archive. Moskva : RA, 1996. 248 s.
8. Kruchenyh A. E. Slovo kak takovoe = The word as such. Moskva : EUY, Ja. Dankin i Ja. Homutov, 1913.
9. Kruchenyh A. E. Pobeda nad solncem = Victory over the Sun / A. E. Kruchenyh, M. V. Matjushin, K. S. Malevich. URL: https://classic-online.ru/uploads/000_notes/9300/9264.pdf (data obrashhenija: 11.04.2025).
10. Malevich K. S. Chernyj kvadrat. Suprematizm. Mir kak bespredmetnost' = Black Square. Suprematism. The world as objectlessness / sost. S. Birjukov. Moskva : AST, 2023. 476 s.
11. Malevich o sebe. Sovremenniki o Maleviche. Pis'ma. Dokumenty. Vospominanija. Kritika. V 2-h tomah. T. 2 = Malevich about himself. Contemporaries about Malevich. Letters. Documents. Memoirs. Criticism. In 2 volumes. V. 2. / Avt.-sost.: I. A. Vakar, T. N. Mihienko. Moskva : Russkij Avangard, 2004. 679 s.
12. Malevich K. Suprematizm. 34 risunka = Suprematism. 34 drawings // Malevich K. Sobr. soch. : v 5 t. Moskva : Gileja, 1995.
13. Majakovskij V. V. Oblako v shtanah = Cloud in Pants. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms1/ms1-173-.htm> (data obrashhenija: 11.04.2025).
14. Majakovskij V. V. Ja = I. URL: <https://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms1/ms1-0482.htm> (data obrashhenija: 11.04.2025).
15. Petrov V.O. Futurizm v iskusstve: istoki, jestetika, jevoljucija = Futurism in art: origins, aesthetics, evolution // Istorija nauki i tehniki. 2016. № 7. S. 32–44.
16. Sarab'janov D. Kazimir Malevich. Zhivopis'. Teorija = Kazimir Malevich. Painting. Theory / D. Sarab'janov, A. Shatskih. Moskva : Iskusstvo, 1993. 414 s.
17. Halturin Ju. A. O tehnike zhivopisi K. S. Malevicha: ot primitivizma k suprematizmu = On the technique of K. S. Malevich's painting: from primitivism to suprematism // Russkij avangard 1910–1920-h godov i problema jekspressionizma / otv. red. G. F. Kovalenko; Gosudarstvennyj institut iskusstvoznanija Ministerstva kul'tury RF. Moskva : Nauka, 2003. S. 369–386.
18. Hardzhiev N. I. K istorii russkogo avangarda = Towards the history of Russian avant-garde / N. Hardzhiev, K. Malevich, M. Matjushin ; poslesl. R. Jakobsona. Stockholm : Hylaea prints: Almqvist & Wiksell intern., 1976. 189 s.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.
The article was submitted on 19.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 77.0
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-137
EDN CTSNXY

**Визуальные диспозитивы советского пространства
Архангельского Севера 1920–1930-х гг. (по материалам
фотографической коллекции Архангельского краеведческого музея)**

Валентина Сергеевна Кузнецова

Аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет имени
М. В. Ломоносова, г. Архангельск
kuznecova.vs@kraeved29.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0299-7438>

Аннотация. В статье представлены научные результаты исследования в области визуальной культуры Русского Севера XIX–XX вв., полученные в ходе анализа процесса трансформации традиционного социокультурного и идеационного пространства России, отображенного в визуальных (светописных) образах новой советской семиотики фотографического художества. Автор ставит перед собой цель реконструировать систему визуальных диспозитивов (геокультурных образов) зрительного пространства ранней советской фотографии. Актуальность исследования обусловлена включением проведенного анализа в контекст современных исследований как локальной (провинциальной) традиции в общей системе российской культуры, так и визуальных форм советской культуры в начальный период ее истории. Научная новизна полученных результатов определена как небольшим количеством специальных исследований в данной проблемно-предметной области, так и введением в научный оборот широкого круга визуальных источников, позволяющих воссоздать панорамную картину культурного ландшафта возникавшего советского образа жизни на северных и арктических рубежах социалистического Отечества. Методологическую основу исследования составил геокультурный подход, разработанный в трудах известного российского культуролога и географа, основоположника отечественной гуманитарной географии Д. Н. Замятина, а также методы визуальной семиотики, важный вклад в развитие которой вносят исследования С. С. Аванесова. Проведенный автором анализ светописной семиосферы Архангельского Севера 20–30-х гг. XX в., запечатленной в коллекции архива фотодокументов Архангельского краеведческого музея, позволил получить обоснованные и достоверные научные результаты, эксплицированные в авторской концепции визуальных диспозитивов (образов) советского идеологического и социокультурного пространства Северного края в эпоху «великих перемен».

Ключевые слова: диспозитивы; геокультурные образы; визуальная семиотика; фотография; Архангельский краеведческий музей; Северный край; светопись; советское пространство

© Кузнецова В. С., 2025

Для цитирования: Кузнецова В. С. Визуальные диспозитивы советского пространства Архангельского Севера 1920–1930-х гг. (по материалам фотографической коллекции Архангельского краеведческого музея) // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 137–154. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-137>. <https://elibrary.ru/CTSNXY>.

Original article

Visual dispositives of the soviet Arkhangelsk North in 1920–1930s (based on the photographic collection of the Arkhangelsk Museum of Local Lore)

Valentina S. Kuznetsova

Postgraduate student, Northern (arctic) federal university named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

kuznetsova.vs@kraeved29.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0299-7438>

Abstract. The article presents scientific research results in the field of XIX–XX centuries Russian North's visual culture, obtained through analyzing the transformation of traditional socio-cultural and ideational Russia's space, displayed in visual (photographic) images of the new Soviet semiotics of photographic art. The author aims to reconstruct the system of visual dispositives (geocultural images) of the early Soviet photography visual space. The research is relevant due to its integration into the context of contemporary studies of both the local (provincial) tradition in the Russian culture system and the visual forms of Soviet culture in the initial period of its history. The scientific novelty of the study results is determined both by the limited number of relevant specialist researches and by the introduction of a wide range of visual sources that provide a panoramic picture of the cultural landscape of the emerging new Soviet way of life in the northern and arctic frontiers of the socialist Motherland. The methodological basis for the study is the geocultural approach outlined in the works of the famous Russian cultural scientist and geographer, the founder of Russian humanitarian geography D. N. Zamyatin, as well as the methods of visual semiotics, an important contribution to which is made by S. S. Avanesov's work. The author's analysis of the Arkhangelsk North's photographic semiosphere in the 1920s–30s, captured in the photographic documents from the collection of the Arkhangelsk Museum of Local Lore, resulted in reasonable and reliable scientific results, explicated in the author's concept of visual dispositives (images) of the Soviet ideological and socio-cultural space in the Northern region at the time of “great changes”.

Key words: dispositives; geocultural images; visual semiotics; photograph; Arkhangelsk Museum of Local Lore; Northern region; photography; Soviet space

For citation: Kuznetsova V. S. Visual dispositives of the soviet Arkhangelsk North in 1920–1930s (based on the photographic collection of the Arkhangelsk Museum of Local Lore). *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 137–154. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-137>. <https://elibrary.ru/CTSNXY>.

Введение

Актуальность, теоретическая и практическая значимость исследования визуальных диспозитивов (геокультурных образов) советского пространства Архангельского Севера 1920–1930-х гг. обусловлены как сложившейся историографической ситуацией в изучении проблемы, так и особым научным и прикладным значением светописного наследия, являющего собой важный историко-культурный источник и знаковую сферу визуальной культуры Русского Севера XX в.

Говоря о степени изученности данной темы, следует отметить, прежде всего, отсутствие специальных региональных исследований в области истории и теории визуальной культуры Северного края в первые десятилетия советской власти. Для целей данной работы наибольшее значение представили труды известного исследователя культурной географии и советского пространства В. Л. Каганского [Каганский, 2001], а также публикации фотокниг СССР М. С. Карасика [Карасик, 2015]. Исследованием фотографического дела Архангельской области, а также материалов из коллекции Архангельского краеведческого музея занималась Е. П. Бронникова [Бронникова, 2013].

Источниковую базу исследования составили коллекции фотографий из фонда Архангельского краеведческого музея.

Методы исследования

В качестве методологической основы избраны геокультурный подход и методика визуальной семиотики [Аванесов, 2014], развиваемые в трудах известного российского культуролога и географа Д. Н. Замятина, разработавшего оптику исследования геокультурных образов пространства Арктики, опирающуюся на построение (конструирование) «ландшафтных ассамбляжей, которые репрезентируются теми или иными визуальными диспозитивами. Под визуальными диспозитивами понимаются устойчиво воспроизводимые феноменологически фиксируемые визуальные ландшафтные (геокультурные образы)» [Замятин, 2021, с. 48].

Помимо методов визуальной семиотики, в статье использована методика контент-анализа, предполагающего количественное исследование массивов визуальных (светописных) текстов, выявления смыслового и символического содержания фотодокументов. Смысловыми единицами являются представленные нами диспозитивы, а в качестве единицы анализа были избраны названия событий, ключевые слова, содержащиеся в описании музейного предмета в Музейной информационной автоматизированной системе КАМИС (электронная база данных музея). Единицы счета – определенный образ на фотографии или же сама фотография.

Целью нашего исследования является конструирование системы

визуальных диспозитивов (геокультурных образов) советского пространства Архангельского севера 1920–1930-х гг., отраженных в коллекции фотографий Архангельского краеведческого музея.

**История формирования
фотографической коллекции
Архангельского краеведческого
музея**

Фотографическая коллекция Архангельского краеведческого музея содержит более 17 000 фотоснимков основного фонда и более 29 000 научно-вспомогательного фонда. Фотографии датированы второй половиной XIX в., начиная с 1860-х, и концом XX в. В своем составе коллекция музея за период 1920–1930-х гг. в основном имеет фотографии документального и репортажного характера. Художественных фотографий или же авангардистских фотоколлажей в фонде нет. Отсутствует также цветная фотография, так как до 1917 г. «число русских деятелей в этой области было... весьма ограничено» [Напельбаум, 1958, с. 110], а в советское время активные исследования в области цветографических методов начинаются с 1930 г. и первые успехи будут заметны в более поздний период. Изменения, происходившие в геокультурном пространстве севера России в первые десятилетия советской власти, нашли свое отражение в искусстве фотографии. И в тоже время «сама фотография в основных чертах

сформировалась в промежутке 1925–1935 гг., тогда сложились ее эстетические нормативы и идеологическое обрамление» [Стигнеев, 2005, с. 6]. В музейном собрании хранятся около 5 500 фотографий периода 1920–1930-х гг. Количество фотографий указано приблизительно, поскольку на данный момент сложно провести точную атрибуцию фотографий, которые были переданы в музей без указания даты изготовления снимка или произошедшего события, запечатленного на нём.

Метод хранения и систематизации коллекции не менялся годами. Сдаваемые в фонд музея частными и юридическими лицами фотографии нумеруются и хранятся в том же порядке, в котором сдавались, независимо от года, когда снимок был сделан, или жанра, тематики. В одной папке могут оказаться фотографии разных лет, разных жанров, что затрудняет работу по классификации коллекции и её анализ.

Доминирующая часть коллекции была сформирована в советскую эпоху, что наложило отпечаток на содержание фонда фотографии. С первых лет строительства социализма фотография рассматривалась как одно «из ключевых средств пропаганды и борьбы за контроль над общественным мнением» [Логинов, 2015, с. 147]. И если «1920-е годы XX века многие исследователи признают, как “золотую пору” отечественной фотографии, потому что она была в тесном контакте с

академической наукой, имела свой центр в престижном научном учреждении – Государственной академии художественных наук (ГАХН). В конце 1923 г. была создана программа по изучению художественной светописы, были подготовлены и опубликованы доклады о новейших достижениях фотографии в Советской России и на Западе» [Горбаткова, 2014, с. 21], то развитие и положение фотографического искусства, «в Советском Союзе 1930-х г. в значительной степени было обусловлено оказываемым “сверху” политико-идеологическим давлением» [Заковырина, 2006, с. 35].

Исследователи полагают, что со второй половины 1920-х гг. «среди фотообщественности развернулась борьба за новую советскую тематику, за активное участие средствами фотографии в решении задач, выдвигаемых партией Ленина-Сталина. Достижения фотографии, существовавшей до 1917 г., нивелировались, так как содержали буржуазные корни, были далеки от реальности, подчеркивали детали и смыслы, чуждые пролетарскому сознанию» [Горбаткова, 2014, с. 21]. С начала 1920-х годов в советской России началось «строительство новой жизни», что повлекло за собой появление новых задач и в сфере искусства. Молодому государству требовалась мощная агитация, которая должна была дойти до каждого человека. Одним из наиболее эффективных и понятных инстру-

ментов пропаганды великих свершений того времени по праву считалась фотохроника [История российской фотожурналистики ...]. Искусствовед И. Соколов писал в журнале «Фотограф» про этот период так: «сейчас перед фотоискусством встает сложная и ответственная проблема стиля нашей эпохи» [Соколов, 1928, с. 327].

Таким образом, изучая фотографии 1920–1930-х гг., «необходимо рассматривать их с точки зрения социальных реалий (без понимания изображенных на фото сюжетов и их социальных функций не обойтись), в политическом контексте» [Дроздова-Пичурина, 2012, с. 80], учитывая, что для фонда АОКМ отбирались фотографии, декларирующие преимущества советского строя. В 1990-е гг. фонд начал пополняться фотоснимками, хранившимися в частных коллекциях, сделанными репрессированными фотографами, а также снимками, касающимися репрессий советского периода (спецпереселенцы). В настоящее время в фонд поступают фотографии большей частью периода советской эпохи. Фотографии, сделанные в конце XX в. и в первой четверти XXI в., пополняют фонд музея реже. Это связано с тем, что профессиональные фотографы и любители перешли на цифровую фотографию.

Результаты исследования

Первоначально фотографии периода 1920–1930-х гг. были распределены нами по разделам согласно методическим рекоменда-

ям научного описания фотодокументов (фотоотпечатков): одиночный портрет, групповой портрет, событийно-сюжетное изображение, производственный процесс, архитектурный объект и т. д. [Научное описание..., 2004, с. 6–7] – и рассмотрены в контексте геокультурного пространства: историко-культурный ландшафт (городской, аграрный, промышленный) и природный ландшафт.

В результате нами были выделены следующие визуальные диспозитивы:

- диспозитив собраний;
 - диспозитив коллективов;
 - диспозитив персоналий;
- диспозитив созидания, создания «нового»;
- диспозитив разрушения «старого» и репрессий;
 - диспозитив агитационных мероприятий и советских праздников;
 - диспозитив освоения арктических территорий.

Административно-территориальные границы севера России менялись на протяжении первых двух десятилетий существования советской власти три раза. В 1918 г. были созданы Архангельская, Вологодская и Северо-Двинская губернии, в 1929 г. их объединили с присоединением автономной области Коми, новая административно-территориальная единица получила название Северный край; в 1936–1937 гг. были образованы Архангельская, Вологодская области, автономная республика Коми. Северо-Двинская губерния была разделе-

на между несколькими областями и Республикой Коми.

Геокультурные изменения севера России были отражены в фотоснимках того периода. Групповые снимки, завершающие тот или иной съезд, конференцию, по большей части, имеют или подпись внизу снимка (этикетаж), или надпись на обороте фотографии с указанием административно-территориальной единицы, которая существовала в тот год: указывались Архангельская или Северо-Двинская губернии, Северный край, Архангельская область или указывался город – центр губернии. К примеру: «АОКМ КП-24547/56 Фотография. Совещание делегатов губернского съезда Советов. Великий Устюг, 1927 г.»¹. Великий Устюг был центром Северо-Двинской губернии.

Если проходил, к примеру, городской районный пленум, то указывался город: «АОКМ КП-22545 Фотография групповая. Расширенный пленум Архгубкома РЛКСМ VI созыва, 1925 г.». Надписи с указанием места на обороте фотографии есть и на групповых снимках различных коллективов, и на одиночных фотографиях: «АОКМ КП-24547/58 Фотография. Мария Губина – первая женщина-милиционер в Северо-Двинской губернии, 1929 г.».

Диспозитив собраний, съездов, конференций, пленумов

Ю. С. Смирнова в аннотации к альбому фотографий «Советские съезды и заседания: фотографии с 1918 по 1981 год» пишет, что

«с установлением советской власти появилась новая традиция времени – партийные собрания. Сессии Верховного Совета, всесоюзные партийные съезды, различные конгрессы, конференции и заседания на уровнях от всего Советского Союза до отдельно взятого колхоза стали центральными событиями публичного пространства» [Смирнова]. Свод фотографий губернских, уездных, городских и т. д. партийных съездов, пленумов и конференций, хранящийся в коллекции Архангельского краеведческого музея, обширен, но в визуальном отношении недостаточно разнообразен. В основном он представлен групповыми снимками участников мероприятий: «АОКМ КП-21895 Фотография. XVII Шенкурский уездной съезд Советов. 1926 г.», «АОКМ КП-24657/18 Фотография. Участники XIII Архангельской Городской Районной партийной конференции, 1928 г.». Снимки, сделанные во время самого мероприятия подобного рода, в этот период практически не встречаются, в отличие от фотографий партийных съездов более позднего периода, которые освещались всесторонне (к примеру, освещение 26 съезда КПСС). Кроме партийных съездов, конференций и пленумов, проходили совещания, конференции, семинары работников разных отраслей и общественных организаций: «I конференция торговых работников», «VIII губернский съезд работников просвеще-

ния, 1926 г.», «I краевая конференция Союза Воинствующих Безбожников 10–12 октября 1929 г.» и т. п.

Большая часть групповых снимков выполнена в помещении, но есть фотографии, сделанные в городском, сельском ландшафте или на фоне природы. Например, можно атрибутировать уличные снимки, снятые на фоне исторических зданий, бывших культовых сооружений – Сурское подворье, Соловецкое подворье в Архангельске «АОКМ 24657/20 8 губернский съезд, 1927 г.». В коллекции много фотографий, на которых группы людей запечатлены на ступенях (на крыльце) различных зданий. Зачастую в такие кадры попадает стена с окнами, в которых видны люди. Визуальными знаками являются вывески с названиями учреждений, лозунги, плакаты, знамена.

На снимках, сделанных в помещении, можно выделить следующие визуальные знаки: головные уборы, одежда и обувь участников, награды, а также знамена, вымпелы, стенгазеты, на фоне которых сделан групповой снимок. А. Н. Соболева в статье «Бытовая культура советских горожан в 1920–1930-е гг.» пишет, что «наиболее распространенной мужской одеждой были рубаха с отложным воротником, заправляемая в брюки, гимнастерка, пиджак, кепка. Костюм женщин и молодых девушек чаще всего состоял из юбки с кофтой. Знаковыми атрибутами становились красная косынка и

кожаная куртка, ношение которых выражало приобщение к соответствующим идеалам и ценностям» [Соболева, 2018, с. 22]. На фотографиях 1920-х гг. коллекции АОКМ одежда отличается большой вариативностью: на снимках можно увидеть шинель периода Первой мировой войны, высокие кожаные сапоги, растоптанные ботинки, нарядный меховой убор, кокетливую шапочку, приталенное пальто у девушки-горожанки, низко повязанные головные платки у деревенских девушек. В основном, такое разнообразие в одежде касается молодежных групп: «АОКМ 25791 КП Бюро, 1920 г.» (девушка в центре в каракулевой шапочке-папахе, такие же воротник и манжеты у пальто), «АОКМ КП 25877 Онежский Уком, 1926 г.» (кожаные куртки, высокие кожаные сапоги). На одном снимке могут быть представители разных слоев населения. Но, в целом, «стилистика и выразительные приемы снимков не жаловали большим разнообразием» [Стигнеев, 2005, с. 32].

Отличительным признаком групповых снимков этого периода является то, каким образом располагаются участники вышеуказанных собраний в процессе съемки: они стоят или сидят «плечом к плечу», в несколько рядов (задние ряды стоят на возвышении: на ступенях крыльца или специально подготовленных скамейках), очень скученно, несколько человек чаще всего ложатся на пол или на землю

перед первым рядом. С одной стороны, по словам О. Бойцовой, это «решает задачу фронтального размещения моделей в кадре и равномерного распределения группы перед объективом: позирующие должны быть повернуты лицом к фотографу (оттого лежащие на боку и принимают эту довольно неустойчивую позу) и при этом не должны загораживать других» [Бойцова, 2013, с. 33].

С другой стороны, по мнению Н. В. Афанасьевской, «Фотография как символ всегда соотносена с социумом, с областью ее применения. На основе определенных конвенций те или иные жесты, позы на фотографии могут символизировать что-либо, то есть фотография представляет собой источник символики определенного рода» [Афанасьевская, 2018, с. 58]. В данном случае тесное расположение участников символизируют единение, сплоченность, выражение лиц – важность и значимость происходящего. Лица участников собраний выглядят очень серьезными, сосредоточенными, порой мрачными.

Нельзя и исключать желание участников собраний любым способом попасть в кадр. Представляет интерес снимок «АОКМ КП-21890 Фотография. XVIII-е собрание уполномоченных Архангельского Союза кооперативов, 1926 г.». На этой фотографии около 200 человек на фоне кирпичной стены, в кадре два дерева, на которые влезли несколько участников. На другой фотографии муж-

чины сидят на створах открытых дверей «АОКМ 25768 6 Онежская конференция. 1924 г.»).

В ходе контент-анализа мы определили следующие ключевые слова, которые стали единицами анализа: «собрание», «съезд», «конференция», «пленум», «слет», «заседание», «делегация». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 19,5 % от общего количества фотографий периода 1920-1930-х гг.

Диспозитив коллективов

Фотографии, на которых запечатлены сотрудники советских учреждений, коллективы лесозаводов, рабочих промышленных предприятий, а также первые колхозники, работники культуры, учителя, ученики и студенты, спортсмены менее официальны и в визуальном отношении более разнообразны. Фотографии описаны так же, как групповые снимки или событийно-сюжетные (в контексте того или иного историко-культурного ландшафта). Группа людей могла быть сфотографирована во время отдыха в санатории, во время экскурсии (Колхозницы на экскурсии) или совместного чтения газет, во время политинформации. Обращает на себя внимание доминирование молодежных коллективов, групп: «АОКМ КП-22547 Фотография групповая. Заведующий политпросветработой. Аппарат РК РЛКСМ XI созыва, 1920 г.», членов коммун: «АОКМ 24966/3 На память тов. Михаилу

Попову о коммуне «Цап-Лап», 1920 г.» и др.

В. Т. Стигнеев пишет, что со второй половины 1920-х гг. «наступает эра улыбающихся персонажей» [Стигнеев, 2021, с. 33], на страницах печатных изданий появляются «улыбчивые рабочие, партийцы, комсомольцы, крестьяне» [Стигнеев, 2021, с. 33]. В коллекции музея можно выделить период 1925–1930 гг., когда люди были изображены более неформально и расслаблено, но ярких экземпляров фотографий, явно имеющих пропагандистский характер, с улыбающимися людьми нет.

Обращают на себя внимание снимки коллективов, где помимо взрослых присутствуют и дети самых разных возрастов. Подобных фотографий очень много в период 1920-х г. На одних снимках это юные пионеры в галстуках, на других – городские или деревенские дети. На некоторых снимках люди держат в руках самые разные предметы (музыкальные инструменты, книги, оружие), частым атрибутом у мужчин является сигарета, головные уборы (кепки, меховые шапки).

В фонде находятся также циклы фотографий, посвященные конкретной ситуации, событию, не повторяющемуся в дальнейшем. К примеру, фотографии, связанные с экипажем парохода «Смидович», арестованным в Испании в 1938 г. После освобождения экипажа из тюрьмы члены были перевезены во Францию. Коллектив был запечат-

лен на фотографиях в различных историко-культурных ландшафтах страны и во время встреч с известными коммунистами Франции.

Для проведения контент-анализа мы выбрали единицами анализа следующие ключевые слова: «коллектив», «сотрудники», «рабочие», «колхозники», «спортсмены», «комсомольцы», «комитет», «команда», «отряд», «бригада», «коммуна», «группа», «бюро», «ячейка», «райком», «актив». Выборка показала, что в указанный период времени данный диспозитив составляет 21 %.

Диспозитив персоналий

К данной группе относятся участники гражданской войны (воевавших на стороне Красной армии), участники красного партизанского движения на севере, герои труда (стахановское движение) и выдающиеся личности (писатели, художники, ученые, мореплаватели и т. д.). Диспозитив также широко представлен в общем массиве. В жанровом отношении он содержит портретную фотографию и снимки «героя» в коллективе, в историко-культурном ландшафте, на месте своей деятельности. Например, «АОКМ КП-22629 Фотография. Н. Н. Приоров – директор лечебно-протезного института, 1939 г.» «АОКМ КП-40154/26 Фотография. О. Ю. Шмидт на борту “Георгия Седова”, 1930 г.», «АОКМ КП-21146 Фотография. С. Г. Писахов среди сотрудников Архангельского краеведческого музея, 1928–1929

(?) г.», «АОКМ КП-48976/2627 Фотография. Хаджи Мурат с партизанами в г. Шенкурске в октябре 1933 г.».

Используя контент-анализ, мы выбрали единицами анализа следующие ключевые слова: «участник», «партизан», «стахановец», «герой труда», «комсомолец», «врач», «полярник», «писатель», «рабочий», также можно выделить некоторые личности «Писахов», «Коковин», «Суфтин», «Вылко», «Хаджи-Мурат», «Приоров», «Норицын», «Усов», «Воронин», «Папанин», «Шмидт». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 18,3 %.

*Диспозитив созидания,
создания «нового»*

К данной группе относятся организации коммун, колхозов, строительство лесопромышленных, целлюлозно-бумажных предприятий и гражданских объектов (домов, новых корпусов больниц), укладка дорог и трамвайных путей в городе Архангельске, освоение новых машин, станков, бытовая культура советских горожан (просмотр кино, посещение домов культуры, детские сады), «новая жизнь» ненецкого народа и т. п. Диспозитив в визуальном отношении наиболее разнообразен. Широко представлены стройки промышленных предприятий, значимых для города Архангельска, например, Архангельской теплоэлектростанции (ТЭЦ), или строительство Северного округа («Суль-

фат») с Соломбальским целлюлозно-бумажным комбинатом (СЦБК), начало строительства города Архангельска.

Например, «АОКМ КП-21829 Фотография. Лесозавод № 5, 1932 г.», «АОКМ КП-9496/11 Фотография. Первая поликлиника в поселке завода, теперь больница № 6, 1936 г.», «АОКМ КП-9496/5 Фотография. Начало строительства жилого посёлка, 1934 г.», «АОКМ КП-19522 Фотография. Трактор “Коммунар 9 г”, оборудованный газовым генератором Декаленкова, 1932 г.», «АОКМ КП-19521 Борищев С. Ф. (?) Фотография. Трактор “Катерпиллер”. Тракторист Мальгин, 1930-е гг.», «АОКМ КП-20631 Фотография. Первый жилой дом трехэтажный, построенный жилищной кооперацией “Водник Севера” на пр. Ломоносова, д. 226, 1936 г.», «АОКМ КП-38534/29 Ф-640 Колесников Фотография. г. Нарьян-Мар. Клуб (?). В ожидании сеанса звукового кино, 1938 г.».

Диспозитив представлен фотографиями производственных процессов, фотографиями новых архитектурных объектов (промышленных и жилых зданий, больниц, клубов), фотографиями различного оборудования новых цехов, машин и т. д. Нужно отметить, что основной материал для строительства домов, больниц, школ и даже промышленных зданий тех лет в Архангельске – дерево.

Единицами анализа для контент-анализа выбраны такие слова, как

«строительство», «стройка», «новое», «предприятие», «укладка», «мостовые», «больница», «поликлиника», «жилье», «барак», «дом», «ТЭЦ», «клуб». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 17,9 %.

Диспозитив разрушения

Данная группа фотографий представлена на тему уничтожение культовых сооружений, репрессии в отношении большевиков (концлагерь на Мудьюге, фотографии барраков) и репрессии времен раскулачивания (спецпереселенцы). Следует отметить фрактальность и отрывочность диспозитива разрушения, связанных с ограниченным количеством поступившего в музей материала. Например, «АОКМ КП-19562 Кононов П. Г. Фотография. г. Архангельск. Снятие куполов с Троицкого собора, 25 апреля 1929 г.», «АОКМ КП-19570 Кононов П. Г. Фотография. Разрушение Успенской церкви в Архангельске, 1929–1930 гг.», «АОКМ КП-42267 Фотография групповая. Дом отдыха имени Левачёва (бывший Сийский монастырь), 1935 г.». Фотографии самих церквей, храмов, запечатленных не в момент разрушения, представлены в количестве 5 штук.

Стоит отметить пласт фотографий спецпереселенцев. Снимки поступили в фонд в начале 1990-х гг. Это как семейные и одиночные портреты, в основном, сделаны в фотоателье, так и фотографии барраков и временного поселения спецпереселенцев, моменты их

труда и быта. Например, «АОКМ НВФ-25881/2 Негатив. Строительство бараков-шалашников для спецпереселенцев. Северный край, 1930 г.»², «АОКМ НВФ-25879/15 Негатив. Группа спецпереселенцев-участников художественной самодеятельности. Северный край. Середина 1930-х гг.», «АОКМ КП-35683 Фотография. Спецпереселенцы-поляки Фальковские Ира и Адам».

Выделим такие единицы для контент-анализа как «разрушение», «снятие куполов», «спецпереселенцы», «собор», «церковь», «барак». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 4,7 %.

Диспозитив

агитационных мероприятий

Данная группа фотографий представлена на тему выставок, митингов и советских праздников. Диспозитив отражает деятельность агитбригады «Синяя блуза», организованной в 1920-е гг. в с. Черевково (ныне Красноборский район Архангельской области). В советской России, «начав в 1923 г. с живой газеты, Синяя блуза вылилась затем в оригинальное синтетическое зрелище малых форм театрального искусства. Раек, частушка, инсценировка, марш-парад, лубок, оратория, скетч, буффонада, гротеск, водевиль, музыкальная комедия – вот путь постепенного усложнения форм синематического зрелища. Сама рожденная революцией, Синяя блуза породила тысячи и тысячи последователей. По СССР к

1927 г. в рабочих клубах и при красных уголках насчитывалось около 7 тысяч кружков синематиков (живых газет) [Альбом «Синяя блуза»..., 1928, с. 3].

На фотографиях запечатлены сцены из выступлений агитбригады. Помимо «Синей блузы» существовал и агиттеатр «Зубило», разъезжавший с гастролями по лесозаготовкам. Например, «АОКМ КП-29516/8 Фотография из коллекции В. А. Петровой. Агиттеатр «Зубило» во время поездки по лесозаготовкам Архангельской области, 1930-е гг.», «АОКМ КП-29516/12 Фотография. Актеры театра «Зубило» подписываются на государственный займ, 1930-е гг.». Оба коллектива запечатлены во время спектаклей или творческих номеров, а также на постановочных фотографиях, где артисты позируют или принимают определенные гимнастические позы. Диспозитив советских праздников еще формируется в эти годы, в более поздний период он будет представлен фото-снимками демонстраций, праздничных концертов и т. п. «АОКМ КП-19453/1 Фотография. Архангельск. Выставка, посвященная Красной Армии, 1923 г.». Часто встречаются изображения пионеров и комсомольцев, трудящихся на сборах и митингах, сфотографированные группами в историко-культурном ландшафте, на фоне исторических зданий Архангельска. Например, «АОКМ КП-25821 Фото групповое. Комсомольцы, участие-

вавшие в инсценировках, в день Советской конституции, 1924 г.», «АОКМ КП-25878 Фото групповое. Демонстрация трудящихся города Архангельска. Сбор на пр. П. Виноградова, 1924 г.», «АОКМ КП-25872 Фото групповое. Празднование 5-й годовщины РКСМ в г. Архангельске, 1924 г.».

Для анализа выбрали следующие ключевые слова: «митинг», «демонстрация», «выставка», «спектакль», «агиттеатр», «праздник», «выступление». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 6,5 %.

*Диспозитив освоения
арктических территорий*

Этот диспозитив зачастую содержит фотографии персоналий «покорителей» Арктики, а также природные ландшафты. В 2024 г. в музейный фонд была передана коллекция фотографий, представляющая значительный интерес. Это фотографии советской экспедиции на Северный полюс из семейного архива гидробиолога и полярного исследователя П. П. Ширшова. Ширшов сфотографирован работающим на Северном Полюсе во время строительства первой в мире советской полярной научно-исследовательской дрейфующей станции «Северный полюс-1». Помимо фотографий с Ширшовым в коллекции находятся снимки И. Д. Папанина и фоторепортажи торжественных встреч участников экспедиции с парохода «Челюскин».

Среди природных ландшафтов можно выделить фотографии с запечатленными на них льдами, скалами, животными (ездовыми собаками и добычей охотников): «АОКМ КП-42196 Прага П. Фотография. Архипелаг Новая Земля. Верховье реки Серебрянки. Ледник вдоль юго-западного склона горы Снежной, 1931 г.».

Уникальна коллекция, поступившая в музей еще в 1938 г., но оформленная в 1990-е гг. (из старых поступлений), фотографа Сокольникова (инициалы не известны). Демонстрирующая освоение и устройство нового быта на Новой Земле в становище Лагерное: «АОКМ КП-38535/23 Ф-664 Сокольников Фотография. Архипелаг Новая Земля. Становище Лагерное. Хранилище трески на чердаке (?), 1938 г.», «АОКМ КП-38535/22 Ф-663 Сокольников Фотография. Архипелаг Новая Земля. Становище Лагерное. Покупатели в магазине, 1938 г.». Представляет интерес лозунг, висящий на стене магазина: «За культурную советскую торговлю в Арктике! За изобилие товаров! За зажиточную жизнь». Фотографии датированы 1937–1938 гг.

Ключевыми словами для контент-анализа являются: «полярник», «полюс», «Арктика», «Маточкин Шар», «Новая Земля», «Земля Франца Иосифа», «экспедиция», «становище», «бухта Тихая». В процентном соотношении данный диспозитив составляет 12,1 %.

Заключение

Замятин отметил в своей работе, что выделенные им визуальные диспозитивы взаимодействуют и пересекаются, «создают достаточно выразительные визуальные когерентности и интерференции» [Замятин, 2021, с. 75]. Это подтверждают и наши исследования. Тем не менее каждый из диспозитивов характеризуется особыми визуальными образами. К примеру, на фотографии «рабочий-передовик за станком» (диспозитив персоналий) «герой» фотоснимка находится в центре изображения, тогда как «рабочий, испытывающий новое оборудование в цеху» (диспозитив созидания) находится на периферии снимка, главная роль на фотографии отводится самому оборудованию. То же самое можно отметить на фотографиях, изображающих строительство промышленных объектов: группа людей может теряться среди лесов, машин, различного оборудования.

В фотографиях периода 1920–1930-х гг. в фонде Архангельского краеведческого музея доминирует фотография официальная, выполненная фотокорреспондентами, а также коллективные снимки. Любительская фотография тех лет в коллекции практически отсутствует, хотя массовое фотодвижение началось во второй половине 1920-х гг. Бурный, противоречивый в своих тенденциях период массового фотолюбительского движения закончился к концу 1930-х гг., но

индивидуально любители продолжали заниматься фотографией. Одним из них был Роман (Людвиг) Армандович Зефтиген. Его фотографии были получены в фонд музея в 1979 г. от супруги Ирины Ивановны. В коллекции представлены снимки ее родителей, родных, самого Зефтигена, брата и супруги фотографа в разные годы жизни, а также фотографии с изображением природных ландшафтов Кольского полуострова. Р. А. Зефтиген в 1930-е гг. работал на «Сульфатстрое» техником-нормировщиком, но был осужден в 1939 г. по ст. 58-10 п.1 УК РСФСР, реабилитирован посмертно 12 ноября 1957 г. Пополнение фонда любительскими фотографиями 1920–1930-х гг. является одной из основных задач плана комплектования музейного фонда.

В коллекции этого периода семейные фото составляют небольшой процент. Если они и представлены в связи с тем или иным «героем», то в основном это фотография, сделанная или до 1917 г. (например, родители с ребенком на коленях – рудимент диспозитива семейных портретов дореволюционного периода), или сделанные в первые годы советской власти, когда, судя по паспорту, еще работали частные фотографы-профессионалы. В конце 1920-х гг. ««стремление увековечить себя, родню, знакомых» стало считаться пошлым» [Стигнеев, 2005, с. 83], а фотограф-любитель, который пользовался фотоаппаратом «для беско-

нечного фотографирования “дорогих родственников”, друзей и знакомых» не имел права «претендовать на звание советского фотолюбителя» [Стигнеев, 2005, с. 65].

Возможно, поэтому семейные фотографии этого периода оставались в частных руках и коллекциях, многие из них были безвозвратно утрачены, что в настоящее время значительно обедняет собрание фотографий музея.

В коллекции фотографий Архангельского краеведческого музея первых двух десятилетий советской власти практически отсутствуют пейзажные фотографии. Работы этого жанра с высоких трибун объявлялись аполитичными: «Закатная грусть в духе Левитана чужда советской эпохе» [Б. Ж., 1937, с. 13]. В этом жанре работали фотохудожники «старой школы». Преобладало тенденциозное мнение о «пошлости и безвкусице дореволюционной фотографии», которое нужно преодолевать советскому фотографу [Наппельбаум, 1958].

При этом именно пейзажная фотография на выставках пользовалась большим успехом. По поводу фото-

снимков одного из старых мастеров, пользовавшихся большим вниманием посетителей, было сказано, что в этих пейзажах, «если и нет церкви, то звон её чувствуется в воздухе», а потому такой пейзаж «нам» не нужен [Стигнеев, 2005, с. 15].

В коллекции отсутствуют изображения сакральных ландшафтов, за исключением моментов разрушения церковей или фотографий культовых сооружений, которые в советское время использовались в других целях. Также отсутствуют изображения архитектурных видов, если это не новые здания.

Таким образом, проведенное исследование визуальных диспозитивов советского пространства Архангельского Севера в эпоху «Великого перелома» позволяет проследить кардинальные социополитические и социокультурные трансформации и революционные новации, соответствующие «эстетическим нормативам и идеологическому обрамлению» [Стигнеев, 2005, с. 5], формирующимся канонам и парадигмам советской визуальной культуры.

Примечание

¹ Здесь и далее публикуются название и инвентарный номер по книге поступления Архангельского краеведческого музея (АОКМ КП – Архангельский областной краеведческий музей. Книга поступлений).

² АОКМ НВФ – Архангельский областной краеведческий музей, научно-вспомогательный фонд.

Библиографический список

1. Аванесов С. С. Что можно называть визуальной семиотикой? // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2014. № 1. С. 10–22.

2. Альбом Синяя блуза С. С. С. Р. / ред. Б. Южанин. Москва : 7-я тип. «Искра революции» Мосполиграфа, 1928. 112 с.
3. Афанасьевская Н. В. Семиотические аспекты фотографии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. Москва : КДУ : Добросвет, 2018. Вып. 2. С. 58–60.
4. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. Санкт-Петербург : Издво Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 266 с.
5. Б. Ж. Краски и бодрость (к нашим меццо-тинто) // Советское фото. 1934. № 7. С. 37.
6. Бронникова Е. П. Архангельская фотография (1847–1931). Архангельск : Правда Севера, 2014. 447 с.
7. Горбаткова О. И. Основные направления развития медиаобразования на материале фотографии в 1920-е годы в СССР // Медиаобразование. 2014. №4. С. 15–23.
8. Дроздова-Пичурина Н. Н. Методология исследования советских фотографических выставок 1920-1930-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2012. №3. С. 78–83.
9. Заковырина Н. С. Дискуссия о формализме и натурализме в советской фотографии в середине 1930-х годов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2006. №8 (63). С. 31–35.
10. Замятин Д. Н. Геокультурное пространство Арктики: визуализация ландшафтов и онтологические модели воображения // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 1 (27). С. 48–94.
11. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
12. Карасик М. Фотокнига СССР. Санкт-Петербург : РОСФОТО, 2015. 152 с.
13. Логинов А. Искусство реальности. Фотография рубежа XIX–XX веков. Москва : Арт-Сервис – ЛТД, 2015. 280 с.
14. Наппельбаум М. С. От ремесла к искусству. Москва : Искусство, 1958. 241 с.
15. Научное описание фотографических материалов: Метод. Рекомендации / сост. : И. Д. Иванова, А. П. Попов ; науч. ред. : Г. Г. Григорян. Москва : Политехн. Музей, 2004. 80 с.
16. Смирнова Ю. С. Советские съезды и заседания: фотографии с 1918 по 1981 год // Российский этнографический музей. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2468> (дата обращения: 10.01.2025).
17. Соболева А. Н. Бытовая культура советских горожан в 1920-1930-е гг. // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2018. №3. С. 20–25.
18. Соколов И. Фотография как искусство // Фотограф. Всероссийское общество фотографов. 1928. № 11–12. С. 323–384.
19. Становление советской пресс-фотографии // История российской фотожурналистики. URL: https://russpressphoto.ru/history_1920-1935 (дата обращения: 10.01.2025).

20. Стигнеев В. Т. Век фотографии. 1894–1994. Очерки истории отечественной фотографии. Москва : КомКнига, 2005. 392 с.

Reference list

1. Avanesov S. S. Chto možno nazыvat' vizual'noj semiotikoj? = What can be called visual semiotics? // ПРАЭНМА. Problemy vizual'noj semiotiki. 2014. № 1. S. 10–22.

2. Al'bom Sinjaja bluza S.S.S.R. = Album Blue Blouse U.S.S.R. / red. B. Juzhanin. Moskva : 7-ja tip. «Iskra revoljucii» Mospoligrafa, 1928. 112 s.

3. Afanas'evskaja N. V. Semioticheskie aspekty fotografii = Semiotic aspects of photography // Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikacija: sb. nauch. tr. Moskva : KDU : Dobrosvet, 2018. Vyp. 2. S. 58–60.

4. Bojcovaja O. Ju. Ljubitel'skie foto: vizual'naja kul'tura povsednevnosti = Amateur photos: the visual culture of everyday life. Sankt-Peterburg : Izdvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2013. 266 s.

5. B. Zh. Kraski i bodrost' (k nashim mecco-tinto) = B. G. Colors and vigor (to our mezzo-tinto) // Sovetskoe foto. 1934. № 7. S. 37.

6. Bronnikova E. P. Arhangel'skaja fotografija (1847–1931) = Arkhangel'sk photography (1847–1931). Arhangel'sk : Pravda Severa, 2014. 447 s.

7. Gorbatkova O. I. Osnovnye napravlenija razvitija mediaobrazovanija na materiale fotografii v 1920-e gody v SSSR = The main trends in the development of media education on the material of the USSR photography in the 1920s // Mediaobrazovanie. 2014. №4. S. 15–23.

8. Drozdova-Pichurina N. N. Metodologija issledovanija sovetskih fotograficheskikh vystavok 1920-1930-h godov = Methodology of studying Soviet photography exhibitions in the 1920-1930s // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie. 2012. №3. S. 78–83.

9. Zakovyrina N. S. Diskussija o formalizme i naturalizme v sovetskoj fotografii v seredine 1930-h godov = Discussing formalism and naturalism in Soviet photography in the mid-1930s // Vestnik JuUrGU. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2006. № 8 (63). S. 31–35.

10. Zamjatin D. N. Geokul'turnoe prostranstvo Arktiki: vizualizacija landshaftov i ontologicheskie modeli voobrazhenija = Arctic geocultural space: visualization of landscapes and ontological models of imagination // ПРАЭНМА. Problemy vizual'noj semiotiki. 2021. № 1 (27). S. 48–94.

11. Kaganskij V. L. Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo = Cultural landscape and Soviet inhabited space : Sbornik statej. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 576 s.

12. Karasik M. Fotokniga SSSR = The USSR photobook. Sankt-Peterburg : ROSFOTO, 2015. 152 s.

13. Loginov A. Iskusstvo real'nosti. Fotografija rubezha XIX–XX vekov = The art of reality. Photography at the turn of XIX–XX centuries. Moskva : Art-Servis – LTD, 2015. 280 s.

14. Nappel'baum M. S. Ot remesla k iskusstvu = From craft to art. Moskva : Iskusstvo, 1958. 241 s.

15. Nauchnoe opisanie fotograficheskikh materialov = Scientific description of photographic materials : metod. rekomendacii / sost.: I. D. Ivanova, A. P. Popov ; nauch. red. : G. G. Grigorjan. Moskva : Politehn. Muzej, 2004. 80 s.

16. Smirnova Ju. S. Sovetskie s#ezdy i zasedanija: fotografii c 1918 po 1981 god = Soviet congresses and meetings: photographs from 1918 to 1981 // Rossijskij jetnograficheskij muzej. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2468> (data obrashhenija: 10.01.2025).

17. Soboleva A. N. Bytovaja kul'tura sovetskih gorozhan v 1920–1930-e gg. = Household culture of Soviet city dwellers in the 1920s–1930s // Vestnik BGU. Gumanitarnye issledovanija Vnutrennej Azii. 2018. №3. S. 20–25.

18. Sokolov I. Fotografija kak iskusstvo = Photography as art // Fotograf. Vserossijskoe obshhestvo fotografov. 1928. № 11–12. S. 323–384.

19. Stanovlenie sovetskoj press-fotografii = The rise of Soviet press-photography // Istorija rossijskoj fotozhurnalistiki. URL: https://russpressphoto.ru/history_1920–1935 (data obrashhenija: 10.01.2025).

20. Stigneev V. T. Vek fotografii. 1894–1994. Oчерki istorii otechestvennoj fotografii = The age of photography. 1894–1994. Essays on the history of Russian photography. Moskva : KomKniga, 2005. 392 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-2-24-155
EDN EREBJU

Становление феномен религиозного подвижничества в русской культуре

Надежда Зеноновна Гаевская

Соискатель кафедры культурологии, Северный (арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
Lovich2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8422-4121>

Аннотация. Цель данного исследования – выявление проблем становления феномена религиозного подвижничества в русской культуре. В статье рассмотрены этапы формирования феномена в историко-философском контексте. Научная новизна исследования в обращении к феноменологическому методу в сочетании с семиотическим. В исследовании выявлено пространство возможных смыслов в контексте традиции русской религиозной культуры, истории понятия религиозного подвига, его генезиса. Контекстуальная база исследования расширена за счет обращения к идеям философии поступка, нравственного становления в рефлексии переживания. Порождение в рефлексии феноменальных смыслов подвига есть результат опыта границы, предельного опыта. Значением подвига становятся с древнейших времен предельные практики «себя», выражающиеся в религиозной культуре в идее охранения духа в умалении и борьбе со страстями, что является целью духовной работы по становлению личности. Рассматривая подвижничество в феноменологическом дискурсе, можно констатировать, что сущность человека в подвиге – это проявление специфических свойств души в совокупности интенций. В подвижническом опыте осуществляется раскрытие и исполнение самой природы человека. Делается вывод о том, что в основе феномена религиозного подвижничества одна из форм религиозного опыта – опыт преодоления страстных состояний, позволяющий осмыслить духовные способности человека в христианской культурной парадигме. В современной культуре феномен религиозного подвижничества, соотносясь с культурно-ментальной матрицей и культурным кодом русской культуры, направлен на выявление аксиологического искажения в повседневном поведении и бытовых практиках. Этот процесс находит свое выражение в социальном и языковом пространстве как религиозном, так и бытовым: в практиках, поведении, в тексте и образно-мотивной сфере.

Ключевые слова: феномен; подвиг; интенция; религиозный опыт; рефлексия; подвижничество; культурный код

© Гаевская Н. З., 2025

Для цитирования: Гаевская Н. З. Становление феномена религиозного подвижничества в русской культуре // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 2 (24). С. 155–167. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-155>. <https://elibrary.ru/EREBJU>.

Original article

The emergence of the phenomenon of religious asceticism in russian culture

Nadezhda Z. Gayevskaya

Applicant of the Department of cultural studies, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk

Lovich2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8422-4121>

Abstract. The purpose of this study is to identify the problems associated with the formation of religious asceticism as a phenomenon in Russian culture. This article examines the stages in the development of this phenomenon in the historical and philosophical context, using a combination of phenomenological and semiotic methods. The novelty of this research lies in its use of these methods, which allows for a deeper understanding of the meanings that can be found within the context of Russian religious traditions and the history of concepts related to religious feat and its origins. The contextual base of the research is expanded by referring to the philosophy of the deed, and moral formation in the reflection of experience, thereby generating a deeper understanding and appreciation of the significance of feats in religious practice. Since ancient times, the essence of the feat has been the ultimate practice of “self”, expressed in religious culture through the idea of protecting the spirit from passions and combating them, which is the goal of spiritual work on personal development. In considering asceticism within phenomenological discourse, we can state that the essence of a person’s feat is manifested through specific qualities of their soul in a set of intents. Through ascetic experience, man’s very nature is revealed and realized. It can be concluded that religious asceticism, as a phenomenon, is based on the experience of overcoming passions, allowing us to comprehend human spiritual abilities within the Christian cultural paradigm. In modern culture, the phenomenon of religious asceticism correlates with the cultural and mental matrix and the Russian cultural code. It aims to identify axiological distortions in everyday behavior and everyday practices. This process is expressed in the social and linguistic spaces, both religious and secular: in behavior, practices, texts, and figurative-motivational spheres.

Key words: phenomenon; feat; intention; religious experience; reflection; asceticism; cultural code

For citation: Gayevskaya N. Z. The emergence of the phenomenon the religious asceticism phenomenon in the russian culture. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 2(24): 155–167. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-2-24-155>. <https://elibrary.ru/EREBJU>.

Введение

Духовные смыслы подвига и подвижничества, определяющие для русской культуры. Издавна святыми на Руси становились подвижники. «Изучение русской святости в ее истории и религиозной феноменологии является сейчас одной из насущных задач нашего христианского и национального возрождения», – пишет Г. Федотов [Федотов, 2004, с. 7].

Истоки подвижничества исследователи определяют в аскетизме. Формирование культурной формы подвижничества и традиции началось в ранний христианский период (I–IV вв.). В процессе становления феномена в русской православной культуре в период X–XVI вв. сформировались особые ментально осознанные личностные сущностные смыслы. Как пишет о. Георгий (Флоровский), «определилась его суть как соединение веры и подвижничества, борьбы и преодоления, духовного напряжения» [Флоровский, 1972, с. 187]. *Подвижничество понимается как предел духовного восхождения, высшее состояние души, ее «стояние» – высший покой и молчание, выше всякого раздумья и всякого созерцания, единое и торжественное видение* [Добротолюбие, 1972].

Теоретическая база исследования

Понятие подвижничества стало предметом исследования в работах о. Иоанна (Кологривова), о. Георгия (Флоровского), Г. Федотова,

В. Топорова. Традиция историко-философских исследований, восходящая к работам русских ученых конца XIX в. (С. Зарина, Г. Экземплярского, Г. Острогорского, П. Безобразова), определяет подвижничество как труд и обретение духовных высот в подвиге, которые придают религиозный смысл национальной идее, способствуют становлению ментальности русской культуры. В основе данного понимания святоотеческое толкование. Труды Исихия Синайского, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова говорят о подвижничестве как о сердечном безмолвии и хранении ума. О святоотеческой преемственности как характеристике русской культуры пишут С. Аверинцев, В. Бычков, И. Мейендорф, подчеркивая ее религиозные истоки. В отечественной культурологии христианское подвижничество изучается К. Г. Исуповым в связи с описанием картины мира и концептосферы. Подвиг осмысливается как символическая форма, соотносящаяся с конечными условиями существования. Семиотический подход Ю. Лотмана и Б. Успенского позволяет, рассматривая знаковую структуру феномена, исследовать культурный код национальной культуры. Подвижничество является предметом актуальных исследований как в исследовательской традиции, так и в современном научном дискурсе.

Метод

В данном исследовании религиозное подвижничество рассматривается с точки зрения семиотического и феноменологического подходов. Говоря о научном подходе к исследованию, можно обратиться к словам Г. Федотова: «Для одних это канон, святоотеческая норма, для других – трафарет, лишаящий тему научного интереса. Духовная жизнь в христианстве имеет некоторые общие законы, нормы и эти нормы требуют разделения методов» [Федотов, 2004, с. 8]. Современные культурологические исследования способствуют осмыслению подвижничества как религиозного феномена, раскрывающего существенные свойства христианства, выявляя интенции, вводящие феномен в реальность. *Интенция подвижничества – направленность к преодолению, постижению границы иного, к подвигу как акту преодоления.* Феномен подвижничества имеет исследовательскую перспективу в связи с православным характером религиозной среды русской культуры.

Главным вопросом методологии становится определение значения религиозного опыта в становлении феномена. В структуре исследования выделяется изучение атрибутов феномена, являющихся его существенными свойствами, о которых говорит описание базового религиозного опыта, характеризующее мировоззренческий аспект феномена. Отдельным аспектом исследо-

вания становятся смыслы, выстраивающие сотериологическую перспективу как в сакральном, так и в профанном, а также религиозная практика подвижничества. Исследование основано на текстовой базе. Мысль о том, что текст создает некий мир, где он встречается с человеком и где происходит понимание, где перед нами открывается новая реальность, неоднократно высказывалась в разных формах и контекстах [Thiselton, 2009]. Сведения об опыте подвижничества, идее спасения души как цели подвига, отраженной в христианском сознании, зафиксированы в вероучительных книгах, от Библии до Предания, в русской агиографии и гимнографии, что становится материалом богословских, философских и научных трудов XIX–XX вв.

Исследование. Результаты

В основе феномена религиозного подвижничества одна из форм религиозного опыта – опыт преодоления девиантных «страстных» состояний, позволяющий осмыслить духовные способности человека в христианской культурной парадигме. В русской культуре феномен религиозного подвига стал восприниматься в связи с принятием христианства и контактами с культурой Византии, основанной на идее личности. На первом же этапе осмысления в период X–XIII вв. произошло разделение понятия подвига как героического поступка, что имеет свои истоки в культуре античности, и христианского по-

двига как духовного смиренного делания. Русская святость – это светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от христианского идеала [Федотов, 2000]. Аскеза русских святых – пост и труд – становится атрибутом феномена, сосредоточенного на внутренней жизни, когда внешняя аскеза подчинена внутреннему становлению. Опыт духовного трудничества составляет основу феномена подвижничества.

Одна из трактовок подвижничества принадлежит С. С. Хоружему и характеризует феномен как стратегию, выделяя в понимании феномена смыслы кинезиса, движения как бытийного, так и духовного. «Путь подвига – стратегия бытийная, ведущая к личностной трансформации», – пишет С. С. Хоружий, подчеркивая наличие одной из основных проблем в становлении феномена – проблему целеполагания стратегии [Хоружий, 2012, с. 51]. *Как выстраивается подобная стратегия?* Как один из первых, вопрос об определении цели требует рассмотрения сущностного значения подвига.

Подвиг определяется в культуре как поступок, образ жизни в преодолении обстоятельств и себя, самопожертвование, способность к волевому порыву и стойкости. По мнению М. М. Бахтина, «акт действительного интуирования, в котором преодолевается раскол между смыслом и действительностью в единстве переживания», что обес-

печивает слияние культуры и жизни [Бахтин, 2003, с. 7]. И если подвиг является действием, выводящим человека за пределы мирского, обыденного, профанного, повседневного, *цель подвига* – освобождение от внешней обусловленности, то религиозный подвиг отличается способностью воссоединения духовных связей человека в мире, в едином моменте внутреннего переживания соединяющий свидетелей.

Подвиг и подвижничество рассматривается как культурная модель и как феномен, имеющий смысловое содержание.

Культурное знание организовано в «модели» – повествовательные цепочки прототипических событий, играющие решающую роль в мышлении, позволяя людям осваивать, запоминать и использовать знания, необходимые в повседневной жизни [Dorothy, 1987]. Культурные модели представляют взгляды определенной этно- и социокультурной группы и связаны с системой ценностей этих групп.

По своему типу возникающая культурная модель человека-подвижника (человека в подвиге), праведника соответствует культурно-ментальной матрице русской культуры, в тоже время, обладая уникальными характеристиками, глубоко отличается от существующих культурных моделей, но именно эти отличия сегодня делают ее аксиологически значимой и акту-

альной. В русской культуре можно выделить два основных типа подвижничества: социальное и религиозное. Так, моделью стал военный подвиг как героический поступок на поле боя и как ведение войска, объединяющий индивидуальное и всеобщее в едином переживании. Имена русских князей Владимира, Александра Невского, Андрея Боголюбского становятся именами, с которыми в русской культуре связывается сама идея подвига. Подвиг смирения святых князей Бориса и Глеба, нищеты юродивой Ксении выражает ментальные качества русского человека: смиренность, терпение и прощение. Стойкость как трезвение в вере преподобных становится основой как героизма, так и смиренности и отдельным самостоятельным подвигом. Социальное и религиозное соединяются в культурной модели подвижничества в связи с особенностями русского культурного сознания Средних веков как христианского.

И если выделяются различные виды культурных моделей (по степени выраженности эксплицитные (явные) и имплицитные (неявные)), то модель подвижничества содержит признаки свойств двух типов. Подвижничество существует как явная модель, сформированная в русской культуре, и как скрытая, неявная, обеспечивающая мотивацию культурных актов как героического действия на архетипическом, подсознательном уровне. Сегодня

мы говорим, что подвижничество как культурная модель приобрела статус образца, и выявлена воспроизводимость модели в русской культуре. От первых монахов Киево-Печерской лавры до сонма новомучеников XX в. модель, основанная на личной жертве ради веры и Родины, на личном преодолении, одна из основных в русской культуре и русском самосознании.

И если подвиг как стратегия в профанном, повседневном направлен на трансформацию психологического и нравственного устройства человека и во вне его, в мир, и не может ограничивать феномен, то религиозный подвиг направлен на становление личности и понимается как этап становления самого феномена и определяет его пределы.

Одна из проблем становления феномена – взаимодействие с культурной моделью. Подвижничество как культурную модель и как феномен связывает контекстуальный принцип. При этом важно, что модель реальной культуры – не один элемент, а группа элементов, варьирующихся в определенных пределах. Контекст определяет соотношение в культурной модели универсального и специфического, а также определяет границы: исторический, идеологический феномен является ограничением модели и моделирования. Локальные ситуативные контексты являются связующим звеном между глобальными культурными контекстами и дискурсом посред-

ством культурных знаний участников [Teun van Dijk, 2008].

Таким образом, проблема становления феномена – это проблема контекста. Так, исторический и культурный контекст, от византийской традиции, воспринятой Древней Русью в X–XI вв., до периода укрепления русского государства в XV–XVI вв. определяет становление феномена религиозного подвижничества.

Микроанализ конкретного явления может демонстрировать культурную и социологическую картину в целом, в каждом составляющем элементе можно увидеть всю картину целиком – отдельные словесные биографии содержат микропредставления более широкой социокультурной динамики [Zuckermann, 2006]. И если в исследовании контекста можно выделить актуализацию, понимаемую как закрепление в культурной традиции, и синхронную корреляцию как формирование смыслового пространства феномена и его существенных характеристик, то в контексте русской культуры – это смыслы вероучительных принципов: осознание и стремление к обретению Спасения, молитвенная практика, позволяющая достигнуть личных отношений с Богом.

Одна из проблем становления феномена – рефлексия в акте переживания. Обращаясь к трактовке М. М. Бахтина, мы говорим, что поступок как акт должен рефлексировать себя в бытийном плане и в

плане смыслового содержания как ответственность. Порождение в рефлексии феноменальных смыслов подвига есть результат опыта границы, предельного опыта. Духовность определяется как результат рефлексии в личном опыте, к которому обращена восточно-христианская традиция, интерпретирующая его с православных позиций [Горчинов, 1998]. Христианский подвиг комплементарен религиозному духу христианства и стал адекватной культурной формой для воплощения мистического опыта христианской святости. Свобода и воля становятся предметом христианской рефлексии.

Проблемой становления феномена религиозного подвижничества становится формирование дискурса: определений и их дефиниций, понимаемых как таксономия культуры и как понятийный аппарат религии, структуры и технологии практик. *Религиозный христианский подвиг – это делание, процесс, деятельность, духовная практика.* Начальный этап – это осознание себя и своей тварности, необходимости покаяния. Так в подвиге достигается аутотрансформация, характеризующая его как определенную бытийную стратегию, формируется дискурс исповеди. Феноменологическая перспектива, открывающаяся в исповеди, и сегодня проявляет забытые (стертые) религиозные переживания, внутреннюю память и духовный вектор личности. Исповедь олицетворяет.

Отвержение мира – следующий этап подвига. Подвиг предполагает отрицание профанного мира, выход за пределы профанного – общепринятого уклада, жизненных ценностей, образа мыслей и всего мирского строя сознания. Ступени подвига как установки уникальны, реализуемое остается всеобщим. «Христианский подвиг не для всех, но он – обо всех, не для каждого, но о каждом, за всех и за каждого», – пишет С. С. Хоружий [Хоружий, 2012, с. 51]. Отречение подвижника от мира есть отречение от социальных связей. Но расторгая с людьми связи внешние, подвижник завязывает с ними связь внутреннюю. В культуре это находит выражение в проповедническом дискурсе феномена.

Проповедь подвижника – это проповедь нищеты духа, в проповедническом дискурсе коммуникация и формирование поведенческих паттернов человека в миру, связанных с отказом от греховного и «страстного» поведения. Сущность проповеди выражена в идее кенозиса, кенотичности. М. М. Тареев в исследовании о кенозисе пишет: «...говоря об уничтожении Самого Сына Божия до принятия Им образа раба, она (идея уничтожения или богоснисхождения) имеет то, что оживотворяет и делает дорогими для человеческого сердца формулы догмата. Идея кенозиса служит фундаментом основных христианских добродетелей: смиренномудрия, самоограничения и смирения

на благо других. Кенозис дает последнее основание для решения вопросов о страдании праведника, которые с глубокой древности занимают человеческий ум» [Тареев, 1908, с. 35]. Христианское подвижничество обращает человека к собственной ничтожности, ничтожествованию, открывая дорогу к бытийному возрастанию. Нищета становится онтологической характеристикой подвига, проявления которого способствуют творческой энергичности человека. Становление феномена подвига и энтелехия как заложенная в человеке энергичная способность к целесобразности целеполагания, ориентации к определенной цели, к которой человек стремится внутренне, связаны в отношениях смысла и условий его порождения.

Религиозный опыт подвижничества находит выражение в аскетических формах, таких как старчество, отшельничество, странничество, столпничество, юродство.

Так, старчество привнесло в традицию подвижничества представление о даре проникновения в глубины человеческой души, различения духов и уникального духовного и нравственного врачевания. В русской культуре существует устойчивая традиция, определяющая достоверность социального, мирского. Это традиция паломничества к старцам, сверки, выверенности своей личной жизни по советам старцев. Пустыни (Зосимова, Оптиная, Глинская), лавры (Киево-

Печерская, Троице-Сергиева) становились центром старческого подвижничества. Сегодня – это места культурной памяти на карте духовной жизни России. Имена св. Антония и Феодосия (Печерских), св. Сергия (Радонежского), св. Амвросия (Оптинского) стали духовным ориентиром русской культуры.

Странничество также может рассматриваться как смысловое содержание феномена подвижничества и предполагает понимание подвига в контексте динамики движения. Подвиг становится не просто поступком и событием, а состоянием подвижника, свидетелей подвига и самого пространства, характеризующегося событийной насыщенностью и концентрацией, реализующими поступок в наличном. Странничество имеет свои истоки в архетипах пути, дороги, путешествия, скитальчества, выступая в культурном сознании в оппозиции архетипам очага и дома. В христианской культуре странничество обогатилось смыслами паломничества, странствия как пути покаяния и духовных исканий [Щепанская, 2003]. Подвижник держит путь к границе иного, к рубежам тварного существования, понимаемым в контексте идеи о преодолении смерти и греха. Отношение религиозного опыта странничества к социокультурному опыту зафиксировано в культурной архетипической модели пути. Странствования подвижников становятся путем охранения, про-

буждающим память и охраняющим от забвения. Пространство подвига воспринимается динамически как пространство испытания, продолжает формирование архетипа «трудного пути», одного из основных архетипов русской православной культуры.

Еще один тип феномена подвижничества – юродство, культурная форма, содержанием которой становится безумие. Безумное поведение юродивого предстает нарушением культурных норм не только светской жизни, но и церковной. Юродство – форма религиозного поведения, исторически восходящего к византийским образцам. Это телесная аскеза, молитвенные практики и уничтожение как практика сознательного снижения личного социального статуса и стигматизации. Явление юродства претерпело различные этапы развития от существования феномена (праюродства) в языческой среде до праюродства ветхозаветного и греческого, бытового безумия, принятого как модель поведения средиземноморских и семитских народов до развития явления в христианской среде.

Феноменологический подход позволяет рассматривать юродство как проповедь, акт социальной интеракции, актуальной презентации «бытия» человека, раскрываемого перед лицом другого человека. Очень часто проповедь юродивого звучит как пророчество, призванное удержать ближних от падения.

В русской истории известны имена юродивых Василия Блаженного, Николы салоса Псковского, Исаакия Печерского, Георгия Шенкурского, Прокопия Устюжского, юродство знает формы постоянного и временного подвига [Иванов, 2005]. Культурная миссия юродства как нравственной проповеди осуществляется и в нашей повседневной жизни. Соотносясь с культурно-ментальной матрицей и культурным кодом русской культуры, проповедь направлена на выявление аксиологического искажения в повседневном поведении и бытовых практиках.

Феномен юродства в культурном дискурсе может пониматься как реверсный, активизирующий реверсные, противоположные смыслы в коммуникации. Такой феномен является одновременно и субъектом, и объектом, направляющим течение преобразующей энергии от языка, речи к конкретной социальной деятельности, от внутреннего к коммуникации [Пилюгина, 2014]. Встреча с юродивым – это всегда событийное пространство, включающее как юродивого, так и участника встречи. Реверсивность в тексте предполагает понимание репрезентации как ментальной реконструкции, которая состоит из трех моментов: начального равновесия, нарушения этого равновесия и, наконец, установления нового равновесия [Schaeffer, 2020]. Реверсивность как культурный механизм объясняет законо-

мерности генезиса маргинального, когда культурное напряжение и аккумуляция сменяются снижением маргинального статуса.

Феномен юродства в религиозном дискурсе рассматривается как феномен иконический, в исследовании которого феноменологический подход соединяется с семиотическим. Иконическое мышление становится способом сакрализации мира в подобии, юродивый подвижник – свидетелем в подобии Христу. Юродивый – человек обратной перспективы, взгляд юродивого есть не взгляд человека мира наличного на абсолют, но, обратно, взгляд, направленный из трансцендентной перспективы на сущее [Ростова, 2010]. Юродивый на поведенческом уровне проявляет актуальное, направляет от девиантности к обретению бытийных смыслов.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного культурологического исследования выявлен ряд проблем становления феномена религиозного подвижничества – это проблема значения религиозного и культурного опыта в становлении феномена, определение цели феномена подвижничества как стратегии, проблема влияния смыслового и культурно-исторического контекста на процесс становления, место культурной рефлексии и дискурса в становлении феномена. Можно утверждать, что становление феномена происходит в религиозном

опыте, формирующем пространство феноменальных смыслов и паттерны религиозного поведения.

В современной культуре феномен религиозного подвижничества находит свое выражение в социальном и языковом пространстве: в практиках, поведении, в тексте и образно-мотивной сфере. В религиозной практике происходит генезис подвижничества как культурного явления.

Можно констатировать, что в основе подвижнического созерцания зрение, проникающее за завесу феноменального бытия, познание,

на нем основанное. Сущность человека в подвиге – это проявление специфических свойств души в совокупности интенций. В подвижническом опыте осуществляется раскрытие и исполнение самой природы человека. По слову св. Феофана Затворника: «По первоначальному своему устройству, человек должен бы жить в духе, и им определяемым быть в своей деятельности, – полной, и душевной, и телесной, и всей силой его одухотворять в себе» [Феофан (Затворник), 2008, с. 131].

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. I: К философии поступка. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 722 с.
2. Добротолубие / Евагрий Монах. Наставления о подвижничестве. Т. I. Москва : Троице-Сергиева лавра, 1992. 606 с.
3. Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. Москва : Языки славянских культур, 2005. 229 с.
4. Пилюгина Е. В. Природа феномена «событие» в призме концепции Жюль Делеза // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-priroda-fenomena-sobytie-v-prizme-koncepcii-zhilya-deleza> (дата обращения: 01.12.2014)
5. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы. Москва : МГИУ, 2010. 140 с.
6. Святые Новгородской Земли, или история святой северной Руси в ликах X–XVIII вв. : В 2 т. Великий Новгород : Тригон, 2006. 735 с.
7. Тареев М. Христианское юродство // Основы христианства. Т.3. Москва : Сергиев Посад, 1908. С. 35.
8. Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного психотехника и трансперсональные состояния. Санкт-Петербург : Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 215 с.
9. Туминская О. А. Икона юродивого. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2016. 440 с.
10. Федотов Г. Святые Древней Руси. Санкт-Петербург : Сатись, Держава, 2004. 300 с.
11. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 томах. Т. 8: Святые Древней Руси. Москва : Мартис, 1996–2000. 266 с.
12. Феофан Затворник Толковый Апостол. I том. Москва : Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008. 890 с.

13. Флоровский Г. В. Византийские отцы V–VIII вв. Gregg Int. Publ. 1972. 335 с.
14. Хоружий С. С. Исследования по исихастской традиции. I том. Санкт-Петербург : РХГА, 2012. 237 с.
15. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции. – Москва : Индрик, 2003. 527 с.
16. Dorothy Holland, Naomi Quinn. Cultural Models in Language and Thought / Introduction. Cambridge University Press, 1987. 400 p.
17. Schaeffer J.-M. Les troubles du récit: pour une nouvelle approche des processus narratifs. Vincennes : Éditions Thierry Marchaisse, 2020. 197 p.
18. Teun van Dijk. Society and Discourse. Cambridge University Press New York, 2008. 287 p.
19. Thiselton Anthony. Hermeneutics: An Introduction. Grand Rapids, MI : Eerdmans. Cambridge, 2009. 424 p.
20. Zuckermann Gh. 'Etymythological othering' and the power of 'lexical engineering' in Judaism, Islam and Christianity: a socio-philological perspective // Explorations in the Sociology of Language and Religion. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing, 2006. 480 p.

Reference list

1. Bahtin M. M. Sobranie sochinenij. T. I: K filosofii postupka. = Collected Works. Vol. I: Toward the philosophy of the act. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 722 s.
2. Dobrotoljubie = Kindness loving / Evagrij Monah. Nastavlenija o podvizhnicestve. T. I. Moskva : Troice-Sergieva lavra, 1992. 606 s.
3. Ivanov S. A. Blazhennye pohaby: Kul'turnaja istorija jurodstva = Blessed smuts: Cultural history of holy foolishness. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2005. 229 s.
4. Piljugina E. V. Priroda fenomena «sobytie» v prizme koncepcii Zhilja Deleza = The nature of the phenomenon “event” through Gilles Deleuze's conception // Studia Humanitatis. 2014. № 4. URL: <https://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-priroda-fenomena-sobytie-v-prizme-koncepcii-zhilya-deleza> (data obrashhenija: 01.12.2014)
5. Rostova N. N. Chelovek obratnoj perspektivy = A man of reverse perspective. Moskva : MGIU, 2010. 140 s.
6. Svjatye Novgorodskoj Zemli, ili istorija svjatoj severnoj Rusi v likah X–XVIII vv. : V 2 t. = Saints of the Novgorod Land, or the history of the holy northern Russia through the persons of the X-XVIII centuries. In 2 vols. Velikij Novgorod : Trigon, 2006. 735 s.
7. Tareev M. Hristianskoe jurodstvo = Christ's fools // Osnovy hristianstva. T.3. Moskva : Sergiev Posad, 1908. S. 35.
8. Topchinov E. A. Religii mira: opyt zappedel'nogo psihotehnika i transpersonal'nye sostojanija = World religions: experiences of the exorbitant psychotechniques and transpersonal states. Sankt-Peterburg : Centp «Petepbypgskoe Vostokovedenie», 1998. 215 s.
9. Tuminskaja O. A. Ikona jurodivogo = The icon of the Christ's fool. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2016. 440 s.
10. Fedotov G. Svjatye Drevnej Rusi = Saints of Ancient Russia. Sankt-Peterburg : Satis#, Derzhava, 2004. 300 s.

11. Fedotov G. P. *Sobranie sochinenij: v 12 tomah. T. 8: Svjatye Drevnej Rusi = Collected works: in 12 volumes. Vol.8: Saints of Ancient Russia.* Moskva : Martis, 1996–2000. 266 s.
12. Feofan Zatvornik *Tolkovyj Apostol = Explanatory Apostle I tom.* Moskva : Svjato-Troickaja Sergieva lavra, 2008. 890 s.
13. Florovskij G. V. *Vizantijskie otcy V–VIII vv. = Byzantine Fathers of the V–VIII centuries.* Gregg Int. Publ, 1972. 335 s.
14. Horuzhij S. S. *Issledovanija po isihastskoj tradicii = Studies in the Hesychast tradition. I tom.* Sankt-Peterburg : RHGA, 2012. 237 s.
15. Shhepanskaja T.B. *Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii = The culture of the road in the Russian mytho-ritual tradition.* Moskva : Indrik, 2003. 527 s.
16. Dorothy Holland, Naomi Quinn. *Cultural Models in Language and Thought / Introduction.* Cambridge University Press, 1987. 400 p.
17. Schaeffer J.-M. *Les troubles du récit: pour une nouvelle approche des processus narratifs.* Vincennes: Éditions Thierry Marchaisse, 2020. 197 p.
18. Teun van Dijk. *Society and Discourse.* Cambridge University Press New York, 2008. 287 p.
19. Thiselton Anthony. *Hermeneutics: An Introduction.* Grand Rapids, MI: Eerdmans. Cambridge, 2009. 424 p.
20. Zuckermann Gh. 'Etymythological othering' and the power of 'lexical engineering' in Judaism, Islam and Christianity: a socio-philological perspective // *Explorations in the Sociology of Language and Religion.* Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing, 2006. 480 p.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 08.04.2025; принята к публикации 06.05.2025.
The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 08.04.2025; accepted for publication on 06.05.2025

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2025 – № 2 (24)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 21 п. л., 10,5 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 69. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 17.07.2025

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150066, г. Ярославль, Которосльская наб., 44